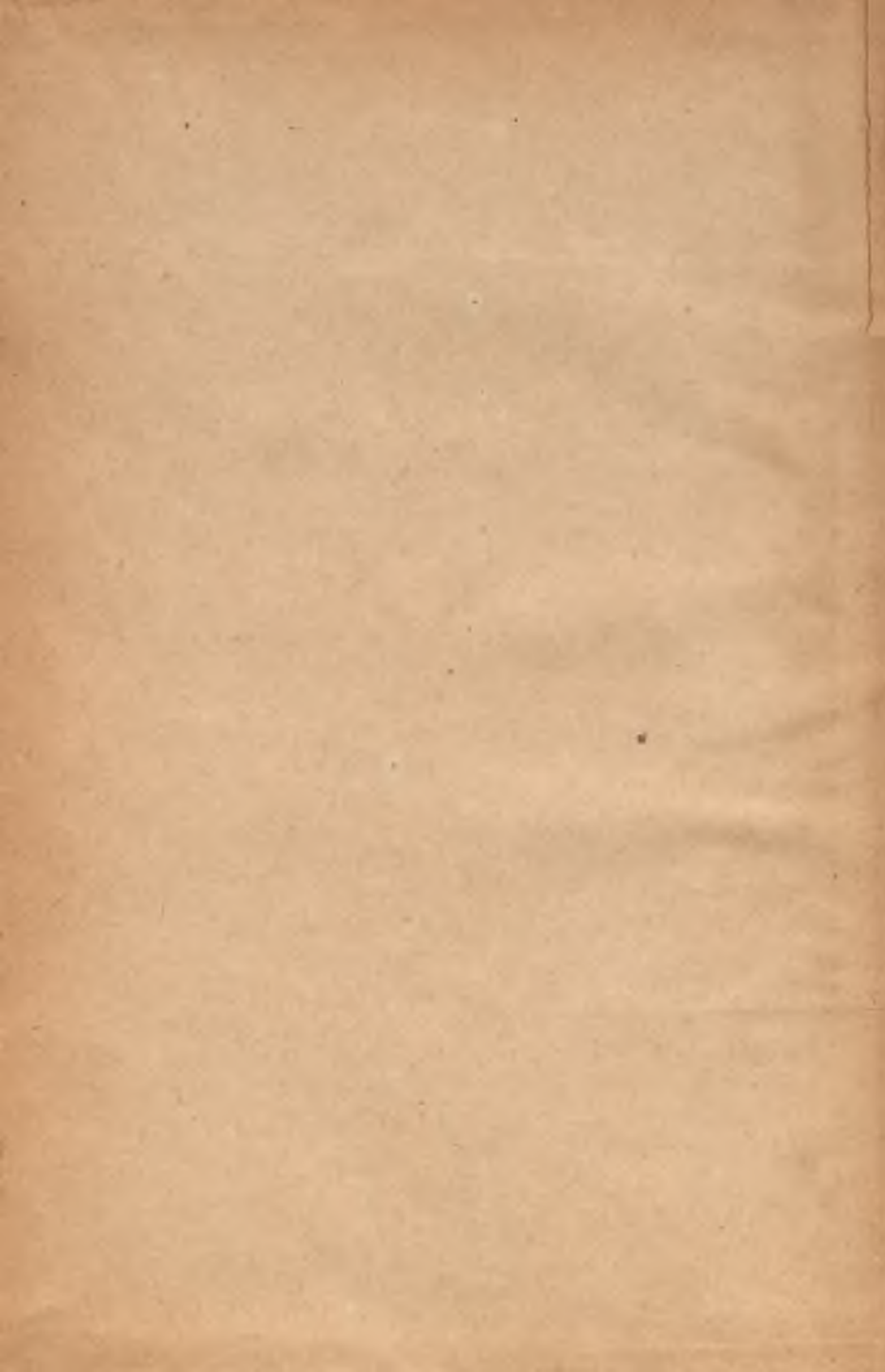

Biblioteka im. Hieronima
Łopacińskiego w Lublinie

~~18104~~ II

ПРИХОДСКАЯ **Б**ИБЛИОТЕКА.

453

РУССКАЯ ЗЕМЛЯ

(ПРИРОДА СТРАНЫ, НАСЕЛЕНИЕ И ЕГО ПРОМЫСЛЫ).

СБОРНИКЪ ДЛЯ НАРОДНАГО ЧТЕНІЯ.

ОЗЕРНЫЙ КРАЙ.

СОСТАВИЛЪ

И. Поддубный.

РЕДАКЦІЯ

В. И. Шемякина.

Святѣйшемъ Синодѣ ОДОБРЕНА для
съ церковно-приходскихъ школѣ.

МОСКВА.

С-ла И. Х. Сытина, Навокая ул., своей дочкѣ.
1896.

18194

V. P. in. L.

1000084395

Отъ редакціи „ПРИХОДСКОЙ БИБЛІОТЕКИ“.

Въ пастоящее время правительство и общественныя учрежденія озабочены развитіемъ грамотности и распространеніемъ въ народѣ полезныхъ знаній. Но учить не одна школа, а жизнь вообще и въ особенности хорошая книга. Школа не только должна научить читать, но и развить въ учащихся любовь къ чтенію и способности понимать доступную книгу. Не выполняя этихъ условій, школа не выполнитъ и своего назначенія. Естественною бытовою и духовно просвѣтительною единицею земли русской является приходъ. Въ православномъ приходѣ, подъ сѣнію церкви, создается школа, и рядомъ съ нею должна стоять приходская читальня и библіотека. Приходская школа и приходская библіотека тѣсно связаны между собою, взаимно дополняютъ другъ друга и одна безъ другой не мыслимы. Мы далеки отъ мысли что-либо сочинять для народа. Наша скромная цѣль—выбирать изъ области нашей богатой литературы все полезное и доступное для грамотнаго читателя. Редакторъ и его сотрудники руководить мысль, къ-му-то давно мы сказали, но рѣдко осуществляемая на дѣлѣ, что „народу впору только самое лучшее“. Конечно, нелегко выполнить эту задачу но мы по мѣрѣ силъ будемъ стремиться къ ея осуществленію. Надѣемся на благосклонное содѣйствіе литераторовъ и ученыхъ нашихъ, сочувствующихъ распространенію образованія среди народа русскаго, жадно стремящагося къ свѣту ученія Христова и къ полезнымъ для жизни знаніямъ. Наше изданіе, выходящее отдѣльными выпусками (отъ 10 до 20 томиковъ каждый) и предпачисленное для учительскихъ библіотекъ начальныхъ школъ, для сельскихъ и церковныхъ читаленъ и библіотекъ и вообще для чтенія грамотныхъ людей прихода, состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ:

I. Церковный. Извлеченія и цѣлыя статьи изъ твореній св. отцовъ Церкви, замѣчательныя проповѣди, житія святыхъ и описаніе наиболѣе чтимыхъ православныхъ обителей.

II. Историческій. Очерки русской и славянской исторіи—церковной и гражданской. Жизнеописаніе замѣчательнѣйшихъ историческихъ дѣятелей русско-славянскаго міра. Описаніе историческихъ памятниковъ и мѣстностей.

III. Литературный. Лучшія, доступныя грамотнымъ людямъ, проповѣданія русской, славянской и иностранныхъ литературъ—въ цѣломъ видѣ, открыткахъ и сокращенійхъ, съ жизнеописаніями авторовъ и примѣчаніями.

IV. Географическій. Очерки природы, быта и промышленности Россіи и земель, населенныхъ славянами, съ приложеніемъ географическихъ картъ.

V. Сельскохозяйственный. Статьи и очерки сельскаго хозяйства и технологіи, примѣнительно къ разнымъ мѣстностямъ Россіи, съ указаніями на успѣхи сельскохозяйственныхъ знаній за границей.

VI. Пѣвческо-музыкальный.

ПРИХОДСКАЯ БИБЛИОТЕКА

453

Русская земля

(природа страны, население и его промыслы).

СБОРНИКЪ ДЛЯ НАРОДНАГО ЧТЕНІЯ.

Томъ II-й.

ОЗЕРНЫЙ КРАЙ.

СОСТАВИЛЪ

И. Поддубный.

2852048
166408

Редакція

В. И. Шемякина.

МОСКВА.

Типографія Высочайше утвержденнаго Т-ва И. Д. Сытина.

1894.

324100 12

910.4(47+57)

Доводено пензурою. Москва, 24 мая 1894 года.

НАСТОЯЩЕЕ И ПРОШЛОЕ РУССКИХЪ ОЗЕРЪ.

(И. Полякова).

Много разъ приходилось мнѣ странствовать какъ по водамъ, такъ и по берегамъ нашихъ озеръ, изъ которыхъ Ладожское лежитъ первымъ на пути изъ Петербурга.

Въ апрѣлѣ оно все заковано льдомъ и стоитъ въ такомъ видѣ до половины мая, т. е. до того времени, когда въ Петербургѣ появляется такъ называемый ладожскій ледъ. Въ половинѣ мая ледъ въ озерѣ ломается, являются полыньи. Вѣтеръ гонитъ его изъ стороны въ сторону, часто нагромождая большими массами на берега. Наконецъ, озеро совсѣмъ очистится отъ льда, и первый пароходъ бороздитъ его огромную поверхность.

Кто испыталъ ѣзду по здѣшнимъ дорогамъ, а особенно по тѣмъ болотистымъ пространствамъ, поперекъ которыхъ кладутся жерди и гдѣ телѣга постоянно скачетъ, причиняя пассажиру истинный скрежетъ зубовъ, тотъ съ удовольствіемъ садится на одинъ изъ прекрасныхъ чистыхъ пароходовъ, отправляющихся

три раза въ недѣлю изъ Петербурга въ Ладожское озеро, оттуда черезъ Свирь въ Онежское озеро и въ Петрозаводскъ. Пароходъ, выйдя изъ Шлиссельбурга, направляется прямо на востокъ, къ устью Свири. Нѣсколько маяковъ освѣщаютъ ему дорогу въ теченіе туманной ночи. Во время этого пути легко убѣдиться, что Ладожское озеро громадно. На пути къ Свири всѣ берега его теряются изъ вида, и только нѣкоторые мысы южнаго берега замѣтны надъ горизонтомъ воды въ неясныхъ, тусклыхъ очертаніяхъ. Вообще, озеро во время плаванія производитъ такое же впечатлѣніе, какъ и море. Имѣя почти 200 верстъ въ длину, оно достигаетъ до 120 верстъ въ ширину. На пути къ Свири господствуютъ глубины отъ 10 до 20 сажень.

Наиболѣе пріятна поѣздка на пароходъ къ серединѣ лѣта; тогда можно видѣть озеро совершенно спокойнымъ, съ поверхностью воды въ видѣ зеркала, въ которомъ съ высоты смотрится солнце, или же оно погружается въ него на западѣ, посылая снопы яркихъ лучей. Въ это время за пароходомъ часто плывутъ тюлени, а на поверхности воды то-и-дѣло плещется рыба. Въ разныхъ мѣстахъ его видны суда, идущія съ грузомъ. Но страшнымъ становится озеро во время бурь и непогодъ, особенно осенью; тогда сердитыя волны его опасны не только для маленькихъ судовъ, но даже и для большихъ пароходовъ. Во время вѣтра пустѣетъ палуба парохода, который начинаетъ качаться не на шутку, поскрипываютъ мачты, глухой стукъ колесъ часто смѣняется рѣзкими ихъ ударами, когда одно колесо погрузится глубоко въ воду, тогда какъ другое почти все вертится въ воздухѣ: это значитъ,

качка наступила. Веселый говоръ пассажировъ смѣнился тишиною, прекратилось движеніе, морская болѣзнь наступаетъ, раздаются стоны, пароходная прислуга суетится. Не всегда буря кончается только качкой. Нерѣдко парусныя суда терпятъ рѣшительное крушеніе, теряя весь грузъ и всѣхъ людей. Впрочемъ, если бы суда, ходящія по Ладожскому озеру, обладали лучшимъ устройствомъ, то оно не было бы столь опасно и не считалось бы такимъ бурнымъ, какъ это думаютъ нынѣ.

Есть еще одно направленіе, по которому ходятъ пароходы на Ладожскомъ озерѣ. Это отъ Шлиссельбурга къ Коневцу, Валааму и Сердоболу, въ сѣверо-западный край озера. Этотъ край составляетъ полнѣйшую противоположность съ юго-восточнымъ побережьемъ озера. вмѣсто однообразныхъ и унылыхъ, низменныхъ и болотистыхъ береговъ южной части, воды озера окаймлены здѣсь высокими скалами, состоящими изъ гранитовъ и мраморовъ. Берега изрыты бухтами, заливами. Около нихъ разсѣяны цѣлыя сотни своеобразныхъ скалистыхъ острововъ и подводныхъ скалъ. Глубина озера доходитъ здѣсь до 120 сажень. На пути отъ Невы первый встрѣчный островъ — Коневецъ; онъ покрытъ высокимъ хвойнымъ лѣсомъ и усѣянъ камнями, изъ которыхъ одинъ, такъ называемый Конь-камень, имѣетъ 13 сажень длины и 7 вышины; онъ настолько великъ, что на немъ построена даже часовня, могущая вмѣстить значительное число людей.

Далѣе къ сѣверу лежитъ одна изъ самыхъ замѣчательныхъ островныхъ группъ Ладожскаго озера — Ва-

лаамская группа, названная такъ по главному острову группы—Валааму. Острова, числомъ около 50, тянутся на протяженіи 21 версты. На главномъ изъ нихъ—Валаамѣ—находится знаменитый монастырь, привлекающій постоянно тысячи богомольцевъ. Валаамъ—прелестный уголокъ въ здѣшнемъ суровомъ климатѣ. Его природа—своего рода особенность, подобной которой не встрѣтишь нигдѣ въ Европѣ. Дикая самостоятельность Сѣвера здѣсь во всей красѣ. Множество совершенно отвѣсныхъ скалъ, идущихъ и въ высоту на десятки сажень и подъ горизонтъ воды на весьма значительную глубину,—поражаютъ путешественника. Островки, мыски, заливчики, бухточки игриво разметаны по всей Валаамской группѣ и, какъ-то затѣйливо перемежанные между крутыми берегами, прелестны! Проливы, проливчики, озерки между густою растительностью и угрюмыми гранитными скалами отражаютъ на лазури водъ всѣ предметы, а стройный хвойный лѣсъ, перемежающійся съ листвою чернолѣся и луговою зеленью, какъ-то мягко дополняетъ общую картину, придавая всему чудный, восхитительный видъ. Изъ заливовъ Никоновъ заливъ, по его счастливому положенію, считается лучшею пристанью на Ладожскомъ озерѣ. Со стороны озера онъ защищенъ островами, такъ что даже въ сильную непогоду, когда волны ходятъ горами, въ Никоновомъ заливѣ поверхность воды едва колеблется.

При входѣ въ этотъ великолѣпный заливъ, простирающійся въ длину почти на двѣ версты, путника очаруетъ и природа и монастырь съ его храмами, зданиями, садами. А что внутри острова, какія тамъ кар-

тины, какіе тамъ ландшафты! Надо насмотрѣться на нихъ своими глазами, чтобы вполне оцѣнить ихъ.

Среди Ладожскаго озера даже въ концѣ іюня вода, взятая съ его поверхности въ стаканъ, холодна такъ, что зубамъ больно. Понятно, что это не можетъ не вліять на растительность. Тѣмъ не менѣе, въ глубинѣ монастырской бухты какъ-то не чувствуется суровость Сѣвера. Здѣсь, въ садахъ, и вишня зрѣетъ, и арбузы поспѣваетъ, и ароматная дыня доходитъ вполне, ужъ не говоря о тыквѣ, которая приноситъ плодъ въ два пуда вѣсомъ. Въ огородахъ же и рѣдка растетъ въ горную пушку, свекла почти того же размѣра, и капуста созрѣваетъ исполинскихъ размѣровъ.

Ладожское озеро, помимо того, что служить путемъ сообщенія, полезно мѣстнымъ жителямъ по богатству рыбой. Изъ рыбъ особенно замѣчательны и важны лососевыя, къ которымъ относятся собственно лосось, форель и различныя формы сига. Болѣе 400 рыбацкихъ лодокъ заняты ловлею рыбы, и, кромѣ денегъ, рыбаки имѣютъ здѣсь еще поучительную и трудную школу для мореплаванія. Рыболовство въ Ладожскомъ озерѣ вырабатываетъ смѣлыхъ, смѣтливыхъ и готовыхъ на всѣ лишенія пловцовъ; только, къ сожалѣнію, матеріальныя выгоды отъ рыболовства не всегда достаются на долю самихъ борцовъ съ бурями и непогодой.

Какъ ни велики размѣры Ладожскаго озера, но прежде, во времена доисторическія, въ этой мѣстности Россіи озера были еще громаднѣе.

Если бы поднять въ настоящее время уровень хотя бы озера Селигера футовъ на 25, то воды его соеди-

нились бы съ водами многихъ другихъ озеръ, лежащихъ вокругъ, и между прочимъ съ такими, изъ которыхъ теперь начинается Ловать, впадающая въ Ильмень. Но въ этомъ случаѣ наше предположеніе слишкомъ скромно; на самомъ дѣлѣ воды Селигера нѣкогда были выше современнаго ихъ уровня не на 25 футовъ, а на цѣлые 75. При такихъ условіяхъ множество окрестныхъ озеръ должны были слиться въ одно. Точно такъ же, если мы посмотримъ на озера, изъ которыхъ вытекаетъ Волга, то увидимъ, что къ югу отъ нихъ лежатъ массы прѣсноводныхъ отложеній (ила, раковинъ, костей рыбъ), которыя говорятъ намъ, что въ здѣшнихъ мѣстахъ лежали въ прежнія времена большія озера, стоявшія въ тѣсной связи съ только что названными волжскими. Съ другой стороны, тутъ же легко убѣдиться, что эти озера составляли одно цѣлое съ тѣми, изъ которыхъ въ настоящее время беретъ начало Западная Двина. Время, когда это было, такъ близко къ намъ, что мы можемъ найти даже живыхъ свидѣтелей, могущихъ подтвердить истину сказаннаго. Такими свидѣтелями являются безмолвныя рыбы, нынѣ живущія въ верховьяхъ Волги; изъ нихъ особенно замѣчательна такъ-называемая корюшка. Отечество этой рыбы—Балтійское море и воды Ледовитаго океана, а между тѣмъ она же, подъ именемъ „снитка“, живетъ и въ верховолжскихъ озерахъ, принадлежащихъ Каспійскому бассейну. Какъ она могла попасть сюда? Путь для ея появленія одинъ: она проникла сюда въ то время, когда верховне-волжскія озера находились въ связи съ балтійскими. И большая часть рыбъ, живущихъ въ верховьяхъ Волги,—тоже обита-

тели Балтійскаго бассейна. Истинно-волжскія рыбы сюда не заходятъ; онѣ рѣдко проникаютъ выше устья Шексны.

Если изъ верховьевъ Волги перенестись на другое мѣсто, къ истокамъ Шексны, то здѣсь мы найдемъ то же самое; мы должны будемъ допустить, что тѣ озера, которыя мы здѣсь видимъ, суть только слабыя остатки бывшихъ прежде огромныхъ скопищъ прѣсной воды. Бѣло-озеро, дающее начало Шекснѣ, есть только яма, въ которой сохранилась вода отъ бывшаго тутъ прежде безпредѣльно - большого озера. Даже самая Шексна произошла изъ цѣлаго ряда озеръ, тянувшихся въ видѣ длинной цѣпи. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я нашелъ на берегу Шексны громадныя толщи древнихъ водныхъ отложеній—песку, глины, гальки, достигавшихъ 70 футовъ надъ уровнемъ рѣки. Здѣсь, въ слояхъ глины, попадалось множество раковинъ, исключительно прѣсноводныхъ. Значить, судя по этимъ толщамъ и раковинамъ, необходимо допустить, что древнія озера стояли по теченію Шексны по крайней мѣрѣ на 70 футовъ выше нынѣшняго уровня рѣки.

Если мы отправимся отъ Шексны далѣе къ сѣверу, то и тамъ найдемъ мощныя толщи древнихъ озерныхъ отложеній и сотни мелкихъ озеръ, изъ которыхъ до сихъ поръ выходятъ рѣчки въ разныя стороны, къ совершенно различнымъ морямъ. Едва ли не самый любопытный и поразительный примѣръ такого рода мы можемъ встрѣтить на возвышенности, раздѣляющей рѣку Онегу и озеро Онежское. На этой возвышенности лежитъ маленькое озеро Сухое. Изъ него вытекаютъ два источника: одинъ течетъ въ Балтійское море, другой—въ

Бѣлое, такъ что здѣсь сама природа устроила естественный каналъ, благодаря которому можно проплыть въ лодкѣ изъ Бѣлаго моря въ Финскій заливъ. Значить, воды на возвышенностяхъ, раздѣляющихъ наши рѣчные бассейны, до сихъ поръ еще не нашли себѣ постояннаго, вполне правильнаго исхода; тѣмъ болѣе это должно было имѣть мѣсто въ древній озерный періодъ.

Самыя большія озера наши—Онежское, Чудское и Ильмень—суть только слабые остатки того, чѣмъ они были прежде. Если прослѣдить, напримѣръ, громадныя толщи наносовъ, лежащихъ на южномъ берегу Онежскаго озера и состоящихъ изъ песка, гальки и камней, то неизбежно придется допустить, что оно въ прежнія времена имѣло уровень на 100 футовъ выше, чѣмъ теперь. Въ такомъ случаѣ и разлиться оно должно было на пространствѣ огромномъ. Есть много основаній думать, что почти прѣсное Балтійское море было тогда озеромъ; его уровень стоялъ футовъ на 60 выше современнаго, а при такой высотѣ оно должно было составлять одно цѣлое съ нынѣшнимъ Ладожскимъ озеромъ.

Итакъ все сказанное должно убѣдить насъ, что наши озерныя губерніи были нѣкогда залиты огромными озерами. Въ теченіе весьма длиннаго періода времени эти обширные водоемы пробили себѣ, наконецъ, широкія русла, уничтожили мало-по-малу встрѣчавшіяся имъ препятствія и начали стекать въ сосѣднія моря. При этомъ они раздробились естественно на множество мелкихъ озеръ, которыя стали уменьшаться въ размѣрахъ, высыхать или же превращались въ торфяники,

въ трясины, въ болота. Такое явленіе продолжается и до сихъ поръ. Съ каждымъ годомъ суша все болѣе и болѣе увеличивается на счетъ воды, покрывающей озерныя губерніи. Были озера, и значительной величины, которыя въ теченіе послѣднихъ 300 лѣтъ исчезли съ лица земли. Есть и такія, которыя, на памяти еще нынѣ живущихъ стариковъ, совершенно измѣнили свою форму и величину. Одна изъ главнѣйшихъ изсушающихъ озера причинъ есть торфованіе. Вѣроятно, всякому извѣстны наши болота, на поверхности которыхъ стелется мягкими подушками мохъ-торфяникъ (*sphagnum*), украшенный сверху изящными и тонкими вѣтвями клюквы, съ ея крупными, сочными ягодами. Тѣмъ озерамъ, на берегахъ которыхъ поселится мохъ-торфяникъ, грозитъ уже опасность исчезновенія, въ особенности если озера мелководны; годъ отъ году опасный пигмей растительнаго царства оцѣпляетъ берега озера и вдается длинными языками въ глубь водъ. Десятокъ-два лѣтъ—онъ уже окрѣпъ у береговъ, образовавъ мягкую и зыбкую пелену съ изящными на видъ подушками; онъ пріютилъ уже своихъ спутниковъ—клюкву, морошку. Еще десятокъ лѣтъ—и передовые отряды мха вдались уже далеко къ срединѣ озера, они уже сходятся съ разныхъ сторонъ къ однимъ и тѣмъ же пунктамъ, затѣмъ соединяются, и между ними остались уже только небольшія прогалинки—„окна“. И можетъ-быть, найдется сѣдой старикъ, который, охотясь съ вами за бѣлыми куропатками или молодыми тетеревами по моховому болоту, скажетъ вамъ, что на его памяти здѣсь было озеро, покажетъ вамъ и мѣсто, гдѣ онъ купался въ дѣтствѣ и гдѣ онъ ста-

вилъ рыболовныя снасти на окуней и ершей. Можетъ-быть, онъ разскажетъ вамъ, какъ посрединѣ этого исчезнувшаго озера былъ островокъ, на который ежегодно прилетала гнѣздиться парочка бѣлоснѣжныхъ лебедей. Онъ разскажетъ вамъ, какъ онъ шадилъ ихъ и какъ они его радовали, но какъ, наконецъ, исчезли, увидя, что уже не осталось имъ настолькоъ воды, чтобы можно было поплавать.

ВЪ „СТРАНѢ ВЕЛИКИХЪ ОЗЕРЪ“.

(В. Корниевскаго.)

Много разъ мы собирались сдѣлать изъ Петербурга поѣздку въ „страну великихъ озеръ“, т. е. по Ладогѣ и Онегѣ, наконецъ и собрались. Пароходъ свистнулъ, колесо плавно и какъ бы съ трудомъ сдѣлало первый ударъ по поверхности рѣки, и мы двинулись въ путь.

Быстро проносятся передъ нашими глазами Смольный, лавра, Александровская мануфактура и заводъ Главнаго Общества съ ихъ чадомъ и дымомъ; берега становятся нѣсколько круче.

Направо, на высокомъ берегу, показалась обломанная сосна, а подлѣ нея и другая, съ еще меньшимъ количествомъ вѣтвей; вокругъ сосенъ старый полуразвалившійся каменный заборъ. А между тѣмъ это мѣсто великое и дорогое для всякаго русскаго человѣка! Здѣсь, подъ укромнымъ покровомъ когда-то раски-

дистыхъ „красныхъ сосенъ“, провелъ великій царь-работникъ послѣднюю ночь передъ тѣмъ моментомъ, когда онъ совершилъ завоеваніе Нюеншанца, небольшого земляного города съ посадомъ въ четыреста домовъ, при впаденіи въ Неву рѣчки Охты; здѣсь проведена была, такъ сказать, послѣдняя ночь старою Россіей, а слѣдующій день долженъ былъ разсѣять мракъ, царившій надъ всею Русскою землей.

Чѣмъ дальше отъ Петербурга, тѣмъ Нева становится все красивѣе и красивѣе.

За Преображенскою горой вырисовывается направо Шлиссельбургъ, а передъ нимъ и островокъ съ крѣпостью. Самъ по себѣ Шлиссельбургъ представляетъ мало интереснаго, и потому туристу нечего горевать, что пароходъ здѣсь стоитъ недолго и снова двигается въ ту водную равнину, которая разстилается передъ нимъ, т. е. въ Ладожское озеро, безбрежное и чудное при вечерней зарѣ и ночью,—такъ какъ онъ увидитъ заходъ солнца на озерѣ и всю ночь проѣдетъ по его шири, даже и не подумавши уснуть хотя и въ покойной, но все же душной каютѣ.

Поздно ночью, почти подъ самое утро, пароходъ пристаеъ къ Сермаксу. Сермаксъ расположенъ при устьи рѣки Свири и притомъ при концѣ цѣлаго длиннаго ряда каналовъ: Петра I, Александра II, Сяьскаго и Свирскаго; странныя, устроенныя на сваяхъ, дома бросаются въ глаза путнику, а волшебная „бѣлая“ сѣверная ночь придаетъ картинѣ поистинѣ какую-то фантастическую окраску; все то, что идетъ съ Волги къ Петербургу, непременно должно побывать и въ Сермаксѣ. Въ этомъ Сермаксѣ неутомимый Петръ, по

случаю непогоды, долженъ былъ пробыть десять дней, а для такой подвижной натуры, какая была у него, потерять десять дней—много.

— Сильно разгнѣвался государь, — рассказываетъ народъ, — на Ладогу, что она не пускаетъ его дальше; не стерпѣлъ, вышелъ съ плетью на берегъ да и выскѣкъ Ладогу плетью. И стала Ладога смиряться и повѣтеръ подулъ! Съ нимъ, видно, и озеру-то спорить неповадно было. Ну, и то сказать: къ дѣлу шель, за дѣло и скѣкъ!

Въ пять часовъ утра пароходъ присталъ къ городу Лодейное Поле.

Въ настоящее время Лодейное Поле состоитъ лишь изъ нѣсколькихъ домиковъ, и вся былая жизнь его перешла въ конечные пункты рѣки Свири—Вознесенье и Сермакъ, а этотъ городокъ теперь не болѣе не менѣе какъ только промежуточная станція для судовъ и пароходовъ, направляющихся въ Петербургъ.

Стоить только подняться по крутой лѣстницѣ отъ пристани на гору, какъ былая столица вesi—народа, упоминаемая еще Несторомъ, представится туристу во всей своей красѣ. Близъ собора, на горѣ, видѣется обелискъ, на которомъ съ боку вставленъ медальонъ съ выпуклымъ изображеніемъ его, наверху придѣланъ двуглавый орелъ, а внизу — надпись, которая гласитъ слѣдующее: „На томъ мѣстѣ, гдѣ некогда былъ дворецъ императора Петра Перваго“, и далѣе: „Да знаменуетъ слѣды Великаго сей скромный, простымъ усердіемъ воздвигаемый, памятникъ“. Изъ Лодейнаго Поля, если только есть время, ѣздить въ знаменитый Александрo-Свирскій монастырь.

Если Неву называютъ „красавицей“, то Свирь больше нея заслуживаетъ этотъ эпитетъ. Свирь почти вдвое уже Невы, хотя и не вездѣ, но зато гдѣ у Невы лишь намеки, тамъ у Свири дѣйствительность. Нева красуется рощами,—Свирь почти сплошь обрамлена прелестнѣйшимъ лѣсомъ; берега Невы картинно возвышаются надъ уровнемъ воды, а на Свири обрывистые берега переходятъ уже въ скалы; вода промыла эти скалы и обнажила напластованія; цвѣта пластовъ то-и-дѣло мѣняются, одна картина уступаетъ мѣсто другой, еще болѣе прекрасной. Нева обладаетъ игрушечными порогами,—на Свири пороги представляютъ уже дѣйствительную опасность. Пароходъ то-и-дѣло свиститъ, останавливается и принимаетъ мѣстныхъ лоцмановъ съ бляхами на груди; капитанъ не сходитъ съ своего мостика, а лоцманы такъ и вперяютъ глаза впередъ; быстро, подъ ловкими поворотами руля, несется большой красивый пароходъ черезъ журчащую луду; такъ вотъ и кажется, что сейчасъ онъ ударится о камень и пойдетъ ко дну, но ловкій маневръ лоцмана — и пароходъ повернулъ на бокъ; масса судовъ встрѣчается съ пароходомъ, то на бечевѣ, то на буксирѣ у маленькихъ пароходовъ.

Вечеромъ пароходъ пристаеетъ къ Вознесенской пристани—началу такъ-называемой Маринской системы. Сотня людей окружаетъ пароходъ, нѣсколько рослыхъ дѣвушекъ и женщинъ осаждаютъ пассажировъ предложеніями услугъ по части перевозки на другую сторону рѣки, гдѣ помѣщается Вознесеніе. Маринская система обязана своимъ существованіемъ Петру Великому, съ именемъ котораго сочетается все благо въ этихъ мѣ-

стахъ. Всегда смотря на Россію, какъ на посредницу между Европой и Азіей, Петръ чуть ли еще не въ первый свой прїѣздъ на Онегу задумалъ соединить Каспійское море съ Балтійскимъ.

Ясно, что для Олонецкаго края эта геніальная для того времени и при тѣхъ именно условіяхъ мысль имѣла весьма важное экономическое значеніе. Порѣшивъ, что начало искусственнаго воднаго пути будетъ при выходѣ Свири изъ Онежскаго озера, у пристани Вознесенской, а главный соединительный пунктъ волжскихъ водъ съ водами озеръ Онежскаго и Ладожскаго въ нынѣшнемъ Вытегорскомъ уѣздѣ (въ тѣ времена мѣстность города Вытегры была уже достаточно заселена и имѣла довольно большое торговое значеніе), завершивъ побѣдоносно войну со шведами на Югѣ полтавскою побѣдой,—Петръ послалъ въ 1710 году знаменитаго инженера того времени, шотландца Перри, произвести необходимыя изысканія въ трехъ разныхъ направленіяхъ. Перри, видимо наученный работать самимъ Петромъ, скоро окончилъ работу и въ томъ же году представилъ свои изысканія царю. Петръ посѣтилъ мѣстность, осмотрѣнную Перри, и дѣло передано было на разсмотрѣніе Сената, который въ 1712 году утвердилъ изслѣдованія и планъ Перри и назначилъ тысячу рублей на производство работъ. Но во время поѣздки Перри въ Англію мысль о прокопкѣ канала была оставлена, и только 75 лѣтъ спустя, въ царствованіе Павла I, проектъ попался на глаза. Стали прикидывать, во что обойдутся работы, и петровскую смѣту сумѣли вытянуть ровно въ сорокъ разъ; ясно, что задумались надъ затратою такой суммы, но по-

войная императрица Марія Теодоровна нашла возможнымъ позаимствовать на такое полезное дѣло изъ суммъ Воспитательнаго Дома необходимыя сорокъ тысячъ рублей, и въ 1810 году вся система была открыта для судоходства подъ именемъ „Маринской“.

Попастъ въ Вытегру изъ Вознесенья можно или на невозможномъ трешкотѣ (плоскодонное небольшое судно) или на небольшомъ пароходѣ, который сталъ туда ходить лишь въ самое послѣднее время. Этотъ путь по узкому каналу не особенно пріятенъ. Городъ Вытегра принадлежитъ, по значенію своему, далеко не къ послѣднимъ городамъ нашего отечества; массы хлѣба направляются съ Волги именно на Вытегру, и, кромѣ того, сюда же подходитъ и водный путь, соединяющій съ Балтійскимъ моремъ Сѣверную Двину. По Онежскому озеру въ Вытегру пароходы не ходятъ, такъ какъ это „внутреннее море“ мало извѣстно, и къ тому же южная оконечность его изобилуетъ подводными камнями и любитъ угощать смѣльчаковъ, пускающихся по немъ, шквалами, отъ которыхъ не всегда поздоровится.

Верстахъ въ двадцати отъ Вытегры мѣстность рѣшительно напоминаетъ маленькую Швейцарію, а по красотѣ своей можетъ совершенно сравниться съ самыми знаменитыми, по прелести, видами Западной Европы; громадныя бѣлыя скалы высятся къ облакамъ, ослѣпляя своею бѣлизной. Передъ нами Андомскія мѣловыя горы — мѣсто, откуда добывается весь мѣлъ, который потребляетъ Петербургъ, и куда вы ни взглянете, всюду будете поражены красотой мѣстоположенія.

Стало свѣтать. „Нева“ дождалась своего собрата, идущаго въ Петербургъ изъ Петрозаводска, и развела пары, готовясь тронуться въ путь прямо на сѣверъ, къ тому мѣсту, гдѣ на скромной рѣчонкѣ Лососинкѣ стоитъ со временъ Петра Александровскій пушечно-снарядный заводъ. Всякій пассажиръ, нагулявшійся вдоволь по набережной Вознесенья, наслушавшійся каликъ-перехожихъ,—еще во множествѣ, особенно по ярмаркамъ нашихъ сѣверныхъ и сѣверно восточныхъ губерній, да почти вездѣ и въ центральныхъ губерніяхъ,—поющихъ духовные стихи, рѣшить, что теперь можно и выспаться, тѣмъ болѣе, что западный берегъ Онежскаго озера не представляетъ ничего особенно интереснаго, да и пароходъ идетъ отъ него слишкомъ далеко, боясь натолкнуться на береговья луды, которыхъ здѣсь огромное множество. Кромѣ лѣса, главная масса котораго, въ бревнахъ и доскахъ, идетъ въ рѣку Свирь, судовые грузы Онежскаго озера заключаются въ хлѣбныхъ и другихъ товарахъ, которыми снабжаются: Петрозаводскъ, Повѣнецъ, Пудожъ и нѣкоторыя очень значительныя прибрежныя селенія. На пудожскомъ и петрозаводско-повѣнецкомъ побережьяхъ находится уже нѣсколько лѣсопильныхъ заводовъ, а лѣса—гибель; ясно, что число этихъ заводовъ возрастетъ еще, когда явится возможность вполне безопасно слѣдовать по Онего. Богатство лѣса по берегамъ Онего до того велико, что горбыли и бракованныя доски жгутъ, такъ вакъ ихъ некуда дѣвать; всюду богатѣйшія желѣзныя и мѣдныя руды, въ Повнчанкѣ—жемчужныя раковины, въ Шушѣ—каменный

уголь, на сѣверномъ берегу расположены превосходныя ломки гранита, порфира и мраморовъ, а по всему озеру производится обширное рыболовство. Предметы всѣхъ этихъ промысловъ, а также и весь пушной товаръ, привозимый съ Поморья, сплавляютъ по озеру къ Петербургу, по немъ также плывутъ и толпы богомольцевъ, направляющихся въ Соловецкій монастырь.

При такомъ-то важномъ торгово-промышленномъ значеніи Онежское озеро въ мореходномъ отношеніи находится въ самомъ первобытномъ состояніи.

Быстро бѣжить „Нева“ по глади озера, благо погода не бурная; вотъ прошли траверсъ *) острововъ Брусничныхъ, извѣстныхъ своимъ маякомъ, который значительно разнится отъ своихъ западно-европейскихъ собратій: какой-то мужичокъ поставилъ на одномъ изъ острововъ шесть, протянулъ къ его вершинѣ бечевку и аккуратно каждый вечеръ вздергивалъ къ вершинѣ шеста фонарь съ салною свѣчой; миновали и Шокшу, славную своими ломками порфира, и вотъ вдалькѣ начинаютъ выясняться на горизонтѣ очертанія живописныхъ Ивановскихъ острововъ, а затѣмъ изъ-за лѣса показываются куполы соборовъ и церквей Петрозаводска. Скоро пароходъ входитъ въ узину между лѣвымъ берегомъ Онега и Ивановскими островами и пристаетъ къ пристани, гдѣ его ожидаетъ чуть не весь городъ.

Осмотрѣть Петрозаводскъ, какъ городъ, очень не трудно: онъ и весь-то состоитъ изъ одной улицы, не

*) Траверсъ по-морскому — направленіе, перпендикулярное ходу судна.

считая нѣсколькихъ еще переулочковъ и закоулочковъ. Во время Сѣверной шведской войны у Петра не хватило ни пушекъ, ни гранатъ, ни ядеръ; хотя и приказалъ онъ переплавить церковные колокола на пушки, а все же орудій было мало. Тутъ-то и обратилъ великій геній свое вниманіе на тѣ массы болотнаго желѣза, котораго повсюду такъ много на Онего, и на мѣдь, которую онъ видѣлъ въ 1702 году при походѣ своемъ черезъ Повѣнецъ. У Петра отъ идеи до выполнения проходило немного времени, и въ 1703 году на устьи рѣчки Лососинки былъ имъ построенъ первый чугунно-плавильный и желѣзо-дѣлательный заводъ. Прошло немного времени, заводъ былъ приведенъ въ состояніе полного разрушенія, и въ настоящее время отъ него остались лишь весьма немногіе слѣды; вмѣсто него въ 1774 году былъ построенъ Александровскій заводъ, на правомъ берегу Лососинки, почти въ центрѣ нынѣшняго города.

Будучи основанъ съ чисто спеціальною цѣлію—поставлять для государства орудія и снаряды, петрозаводскій Александровскій заводъ, само собою разумѣется, никогда не могъ работать на положеніи частнаго промышленнаго учрежденія; гдѣ тутъ приспособляться къ дѣланію чугунныхъ и другихъ подѣлокъ, когда едва успѣваешь выработать казенные заказы; конечно, быть-можетъ, на частныхъ заводахъ снаряды обходились бы и дешевле, но частные заводы могутъ въ одинъ прекрасный день сдѣлаться несостоятельными, а потому правительству и важно, во что бы то ни стало, удерживать за собой этотъ заводъ. Давно уже

онъ работаетъ, и плоды его выработки по всему лицу Европы разносили смерть.

Какъ бы то ни было, но посѣтить заводъ слѣдуетъ и притомъ, по возможности, вечеромъ, когда онъ поражаетъ зрителя тою массой огня, которая необходима для его дѣятельности; словно адъ передъ глазами: десятки огненныхъ жерлъ глядятъ въ темнотѣ, и люди кажутся какими-то гномами или духами, которые творять здѣсь, въ глубинѣ пропасти, какое-то таинственное дѣло. Посѣтить заводъ нетрудно, но необходимо запастись для этого разрѣшеніемъ начальства, которое добыть легко, а разъ вы попали внутрь завода — будетъ сдѣлано все для того, чтобы все показать и разъяснить вамъ.

Если посмотрѣть изъ оконъ гостиницы на озеро, разстилающееся передъ Петрозаводскомъ, то немного влѣво будетъ виднѣться Соломинская губа съ селеніемъ, гдѣ помѣщается лѣсопильный заводъ купца Громова. Лѣсное дѣло въ Олонецкой губерніи можетъ давать огромную прибыль; но, къ сожалѣнію, это дѣло поставлено вовсе не такъ, какъ оно могло бы стоять, если бы повести его на болѣе правильныхъ началахъ. Десятки тысячъ десятинъ превосходнаго лѣса сводятся самымъ хищническимъ образомъ, безъ расчета на будущее время, и казна теряетъ массу денегъ. Тутъ же, въ Соломинскомъ погостѣ, есть очень интересная церковь, выстроенная на одномъ валунѣ, который съехалъ въ озеро; такъ и кажется, что не пройдетъ и минуты, какъ вся постройка сдвинется съ гладкой поверхности камня и сползетъ въ Онего для того, чтобы никогда уже болѣе не посылать людямъ благой вѣсти.

Быть въ Петрозаводскѣ и не видать Кончезерскихъ минеральныхъ водъ, Кивача и Поръ-Порога — грѣхъ, тѣмъ болѣе, что вамъ всячески стараются сдѣлать это путешествіе удобнымъ и пріятнымъ.

Кончезерскія минеральныя воды, которыя удостоились принять и поддержать здоровье великаго русскаго генія—Петра, расположены всего лишь въ 50-ти верстахъ отъ Петрозаводска и въ 8-ми отъ Кончезерскаго завода. Кажется, самую природой назначено здѣсь быть лѣчебной станціи, такъ какъ мѣстоположеніе вокругъ поистинѣ можно назвать живописнымъ.

А быть на Онего и не любоваться на пороги и водопады рѣки Суны—все равно, что быть въ Римѣ и не видать папы.

Всякій изъ насъ знаетъ, что Кивачъ былъ воспріемаемъ подъ именемъ „алмазной горы“ нашимъ великимъ поэтомъ Державинымъ, но не всякій знаетъ, что поѣздка туда — одна изъ самыхъ удобныхъ. Картина дѣйствительно поразительная! Мы ѣдимъ на Иматру и наслаждаемся ея красотами, но Иматра — ребенокъ въ сравненіи съ Кивачомъ и Поръ-Порогомъ, которые въ щепки разбиваютъ бревна и представляютъ собою дѣйствительныя горы воды, а не каскадъ, подобно Иматрѣ. На Кивачѣ можно и покончить, но лучше будетъ, если туристъ спустится по рѣкѣ Суяѣ до ея устья, такъ какъ тутъ онъ можетъ увидѣть новую, невиданную картину—сплавъ лѣса.

Много есть въ Пріонежскомъ краѣ, на что можно посмотреть; есть тамъ чѣмъ полюбоваться, есть и чему поучиться. Съѣздить туда слѣдуетъ, и можно пору-

читься, что тотъ, кто совершилъ эту поѣздку, жалѣть о потерянномъ времени не будетъ.

ТРИ ДНЯ НА СКАЛѢ.

Въ темную сентябрьскую ночь, около одиннадцати часовъ вечера, пароходъ „Александръ Свирскій“ отчалилъ отъ Сермакской пристани. Съ вечера еще дулъ довольно сильный вѣтеръ, но капитанъ парохода, боясь, что въ слѣдующіе дни вѣтеръ можетъ усилиться, рѣшился тотчасъ же отправиться по озеру. Всѣхъ пассажировъ, считая и команду парохода, было около ста-шестидесяти человѣкъ. Въ двѣнадцать часовъ ночи вѣтеръ усилился, и пароходъ начало сильно качать; съ каждой минутой вѣтеръ свѣжѣлъ, и качка становилась сильнѣе. Пришлось убрать всю посуду и прикрѣпить мебель. Капитанъ парохода—старый опытный морякъ—нѣсколько разъ входилъ въ каюты и старался успокоить тѣхъ изъ пассажировъ, которые болѣе волновались. Волноваться, впрочемъ, и было почему: пароходъ накренивался то въ ту, то въ другую сторону, а кругомъ ревѣлъ вѣтеръ, вздымая огромныя волны. На мостикѣ стоялъ только капитанъ и около рулевого колеса два матроса, съ трудомъ повертывавшіе непослушный руль.

Около двухъ часовъ ночи капитанъ обошелъ каюты и заявилъ, что можно спокойно ложиться спать, по-

тому что качка сейчасъ уменьшится, такъ какъ онъ измѣняетъ направленіе ради спокойствія пассажировъ. И дѣйствительно, скоро пароходъ пошелъ ровнѣе, качка сразу уменьшилась, и пассажиры немного успокоились.

Вдругъ раздался страшный трескъ, и черезъ секунду пароходъ остановился. Успокоенные было пассажиры вскочили съ мѣстъ и бросились на палубу. Тамъ царствовала полная тьма, и въ этой тьмѣ раздавались испуганные голоса обезумѣвшей отъ страха публики. Кто-то кричалъ о необходимости бросить зачѣмъ-то якорь, еще кто-то требовалъ лодку, и между всѣми этими криками раздавались стоны женщинъ и раздирающій душу плачь дѣтей, заглушаемый воемъ вѣтра. А капитанъ стоялъ на мостикѣ и отдавалъ приказанія: „На помпы!“ „Закрѣпить непроницаемыя переборки!“ „Впередъ!..“ раздавался его голосъ. Черезъ нѣсколько минутъ пароходъ опять пришелъ въ движеніе, но по всему видно было, что машина дѣлаетъ послѣднія усилія; всѣмъ ясно стало, что пароходъ тонетъ, и ужасъ охватилъ всю публику. Вдругъ заблесталъ вдали огонекъ; ясно, что это былъ огонекъ маяка, на который теперь возлагалась вся надежда. Съ каждымъ моментомъ работа машины становилась все слабѣе, и пароходъ видимо опускался. Достанетъ ли силы машины, успѣетъ ли пароходъ дойти до отмели маяка? Эти вопросы были на умѣ у каждого. Крики замолкли... Настала мертвая тишина, прерываемая лишь постепенно затихающимъ грохотомъ машины, а кругомъ — окружающій мракъ, завываніе вѣтра да впереди огонекъ маяка, въ которомъ заключалось все спасеніе.

А вода все прибываетъ и прибываетъ; голосъ капитана ставовился все громче и рѣзче...

Медленно двигается пароходъ, и все ближе и яснѣ мелькаетъ огонекъ. Вдругъ раздался ударъ,— и пароходъ задрожалъ... Еще ударъ... За нимъ еще... Пассажиры заволновались; слышались читаемыя вслухъ молитвы, прерываемыя поднявшимся опять плачемъ. Но скоро всѣ успокоились, потому что капитанъ заявилъ, что всѣ спасены: онъ поставилъ пароходъ на отмель и съ развѣтомъ доставить пассажировъ на маякъ.

Оказалось, что пароходъ сѣлъ на мель саженьхъ въ пятидесяти отъ небольшого скалистаго островка, на которомъ поставленъ маякъ „Сухо“, получившій свое названіе отъ такъ называемой Сухской башни, окруженной со всѣхъ сторонъ рифами и находящейся въ юго-восточной сторонѣ Ладожскаго озера, въ пятидесяти верстахъ отъ Новой Ладоги и около сорока верстъ отъ мѣстечка „Сяьскія рядки“. Теперь нужно было подумать о сообщеніи съ маякомъ и въ то же время поддержать порядокъ на палубѣ, такъ какъ масса народа толпилась около шлюпки, спущенной на воду. Къ счастью, сильное волненіе пугало многихъ изъ пассажировъ, такъ что немногіе изъ нихъ рѣшались сѣсть въ лодку.

Спущенной на воду шлюпкѣ удалось, несмотря на сильный прибой, перевезти на маякъ конецъ каната съ парохода, закрѣпить его тамъ и такимъ образомъ обезпечить сообщеніе пассажировъ съ твердою землей, — точнѣй сказать, съ голою скалой, возвышающейся на двѣ сажени отъ поверхности воды. Черезъ

нѣсколько часовъ всѣ пассажиры благополучно перевезены были на эту скалу при помощи двухъ шлюпокъ. На пароходѣ остался одинъ капитанъ съ командою. Грудныхъ дѣтей и женщинъ помѣстили въ крошечной избушкѣ для маячныхъ сторожей, а всѣ остальные должны были размѣститься подъ открытымъ небомъ, на пространствѣ не болѣе ста-пятидесяти квадратныхъ сажень. Кромѣ избы для сторожей, на этомъ островкѣ, представляющемъ изъ себя небольшую площадку въ тридцать сажень, нѣтъ ни деревца, ни кустика, за которыми можно бы было укрыться отъ брызгъ свирѣпо разбивающихся волнъ о навѣтреную его сторону. Благодаря возможности частой переправы шлюпокъ по протянутому канату отъ парохода на островокъ, въ скоромъ времени перевезенъ былъ весь пассажирскій багажъ, но большинство изъ вещей было вымочено, такъ какъ носовое отдѣленіе парохода наполовину было наполнено водою, и, кромѣ того, масса вещей оставалась невынесенной на палубу. Капитанъ парохода распорядился также послать все, что только имѣлось на пароходѣ: брезенты, мячты, куски войлока и т. п., но какъ старательно все это ни перевозилось, а все-таки сухихъ вещей почти не было. Пассажирамъ пришлось сидѣть, лежать и укрываться на половину промокшими вещами. Въ избушкѣ была одна микроскопическая печка; она осаждалась массою желающихъ погрѣться или достать кипятку для чая.

Но вотъ наступила слѣдующая ночь. Буря достигла невѣроятной силы, волны вкатываются на маякъ; казалось, что строенія не выдержатъ напора вѣтра, который вотъ-вотъ разнесетъ ихъ въ щепки. Маячные огни

по минутно гаснуть, а нашъ пароходъ совершенно исчезъ во мракѣ, такъ что всѣ думали, что до утра онъ не удержится на отмели, и несчастный капитанъ жестоко искупить свою невольную ошибку. Ни малѣйшей помощи нѣтъ ни откуда, да и ждать ее было бы странно: кто, въ самомъ дѣлѣ, можетъ знать, что пароходъ пробилъ дно о подводный камень, и что пассажиры его ютятся на голой скалѣ маяка? Нужно было радоваться хоть тому, что вѣтеръ сталъ нѣсколько стихать, и меньше брызгъ отъ волнъ долетало на островъ. Пассажиры расположились тѣсными группами, какъ въ большихъ стадахъ, пасущихся ночью на открытыхъ степныхъ поляхъ. Что одна ночь!—ничего не значить! Завтра, вѣроятно, придетъ кто-нибудь на помощь!

Но проходить и завтра, а на горизонтѣ все ничего не видно.

Рѣшено было снарядить рыбацкую лодку и вызвать охотниковъ пуститься на нѣсколько десятковъ верстъ въ ближайшее мѣстечко— „Сясьскіе рядки“, чтобы дать знать о претерпѣваемомъ бѣдствіи. Охотники нашлись тотчасъ же; на старую починенную лодку сѣлъ одинъ изъ пароходныхъ рулевыхъ и одинъ изъ матросовъ, и она, поднявъ негодные парусишки, весело отвалила отъ скалы, сопровождаемая благословеніями и пожеланіями пассажировъ, долго не спускавшихъ глазъ съ быстро удалявшейся лодки, повременамъ то исчезающей въ волнахъ, то подымавшейся на своихъ гребняхъ.

Но вотъ и смѣлые вѣстники исчезли съ горизонта, а оставшимся надо думать о томъ, чѣмъ питаться. Рыбчиковъ, рыбы и грибовъ, сотнями пудовъ перевозимыхъ

изъ Петрозаводска въ столицу, — много, а хлѣба—нѣтъ. Изъ небольшого запаса муки для пароходной команды надо было печь хлѣбъ. Явились и доморощенные пекаря; но гдѣ печь хлѣбъ, когда одна только печка, да и та постоянно занята для удовлетворенія насущныхъ потребностей дѣтей, женщинъ и слабыхъ пассажировъ?

Пришлось задуматься, какъ удовлетворить всѣхъ, чтобы не вызвать ропота и неудовольствія массы.

Мысль о возможности проявленія своевольныхъ и грубыхъ выходокъ со стороны продрогнувшихъ и проголодавшихся пассажировъ не могла не явиться у многихъ. Чтобы предупредить еще большія бѣдствія, пришлось организовать родъ особаго правленія, на обязанность котораго и возложили заботу о прокормленіи и о правильномъ распредѣленіи провизіи. Въ число надзирателей попали и лица изъ простаго класса.

Благодаря такой организаціи, возможно было установить порядокъ: никто самовольно не могъ уже подходить къ печкѣ, хватало времени и на изготовленіе хлѣба, котораго на слѣдующій же день и роздали каждому по восьмушкѣ.

Такъ прошла еще ночь и еще день.

Наступило второе октября, а на горизонтѣ все еще ничего не видно. Нервы у однихъ стали уже притупляться, а у другихъ еще болѣе расходились. Неужели же еще придется провести сутки въ такомъ ужасномъ положеніи?.. Что дѣлать?.. Чѣмъ же завтра кормиться, когда не остается уже и полпуда муки?.. Но физическое утомленіе беретъ свое, и съ наступленіемъ ночи боль-

шинство пассажировъ отъ усталости и изнеможенія все-таки засыпають.

Вдругъ раздался чей-то крикъ: „Господа! огонь виденъ, должно-быть, пароходъ!“ Всѣ разомъ проснулись и устремились вдаль. Дѣйствительно, судовой огонь все яснѣе и яснѣе становится. Слава Богу! помощь, наконецъ, видна. Конецъ страданіямъ!

То былъ пароходъ „Царь“ петербургско-петрозаводскаго пароходства, дѣлавшій свой очередной рейсъ изъ Петрозаводска въ Петербургъ и посланный по телеграммѣ изъ Петербурга спеціально для спасенія пассажировъ съ „Александра Свирскаго“. Получивъ въ Сермаксѣ телеграмму, капитанъ этого парохода высадилъ многихъ изъ своихъ пассажировъ на берегъ и тотчасъ же отправился къ маяку „Сухо“. Къ несчастію, къ ночи задулъ свѣжій вѣтеръ, и „Царь“ долженъ былъ встать на якорь не ближе одной версты отъ маяка, на глубинѣ трехъ сажень. Самъ капитанъ тотчасъ же отправился на шлюпкѣ къ маяку и пришелъ въ ужасъ отъ встрѣтившей его массы пассажировъ, гнѣздившихся двое сутокъ чуть ли не на камнѣ. Задача была трудная: нужно было рѣшить, какъ снять всю эту массу? При такомъ вѣтрѣ нечего было и думать о перевозкѣ пассажировъ, тѣмъ болѣе, что спускаться со скалы на двухсаженной высотѣ возможно было только по одному, имѣвшемуся тамъ, *штормъ-трапу* *). А что дѣлать съ женщинами, съ дѣтьми?.. Скоро ли перевезешь сто-пятьдесятъ человѣкъ на разстояніи одной версты, если въ распоряженіи всего двѣ-три малень-

*) *Трап*—лѣстница или доска для схода съ корабля; *штормъ-трапъ*—особаго рода лѣстница для схода во время бури.

кихъ шлюпки? Ко всему этому предстояло еще рѣшить болѣе трудную задачу: какъ установить очередь между пассажирами, кого посадить прежде и какъ успокоить массу остальныхъ пассажировъ, изъ которыхъ каждый желаетъ быть изъ первыхъ и поскорѣе обезпечить свое спокойствіе?

Оба командира рѣшили начать перевозку лишь съ разсвѣтомъ и затѣмъ приняли самыя энергичныя мѣры, чтобы установить извѣстный порядокъ. Первое время было самое трудное. Рѣшили начать съ перевозки женщинъ съ дѣтьми, а затѣмъ уже перевозить мужчинъ. Чтобы не бросались зря на шлюпки, капитанъ съ парохода „Царь“ объявилъ, что не исполняющихъ его приказаній *онъ совѣтъ не возьметъ*, а въ случаѣ нужды будетъ стрѣлять въ явно непослушныхъ и своими своевольными дѣйствіями могущихъ наносить вредъ другимъ.

Утромъ, однако, погода замѣтно стихла.

Къ первому часу дня, 3-го октября, всѣ пассажиры благополучно перевезены были на пароходъ „Царь“, гдѣ ихъ тотчасъ же накормили и напоили теплымъ. Что за удивительно-счастливый исходъ! Ни одного не только погибшаго, но даже и пострадавшаго изъ пятидесяти пассажировъ!

По приходѣ парохода въ Петербургъ пассажиры отправились въ часовню Скорбящей Божіей Матери благодарить Бога за чудесное спасеніе.

(Изъ очерковъ А. Сахарова).

ПСКОВСКОЕ ОЗЕРО.

(К. Случевского).

Влѣво отъ парохода, при самомъ выѣздѣ изъ Пскова, виднѣлся Ивановскій монастырь, а скоро велѣдъ затѣмъ на правомъ высокомъ берегу Великой, въ бѣлыхъ стѣнахъ своихъ, съ маленькими куполами, часовенками, очень высокою колокольней и многими, не вполне симметричными окнами, глянулъ монастырь Снѣтогорскій, лѣтнее мѣстопробываніе, дача архіерея. Въ этомъ монастырѣ, гласитъ псковская лѣтопись подъ 1299 годомъ, убиты нѣмецкими рыцарями игумень Іоасафъ съ 17 братьями; тутъ же, въ 1472 году, слушала молебенъ и переодѣвалась для торжественнаго вступленія во Псковъ Софья Ѳоминачна Палеологъ. Это самое красивое мѣсто на протяженіи тѣхъ 12 верстъ, которыя отдѣляютъ Псковъ отъ одноименнаго съ нимъ озера. На кругломъ изгибѣ рѣки, вѣнчая гнилыя, вывѣтривающіяся наслоенія известняковъ древними соснами, просовывая изъ-за стѣнъ вершины деревьевъ своихъ уютныхъ садиковъ, монастырь царитъ надъ поверхностью изгибающейся рѣки. Лѣвый берегъ тутъ не ниже праваго, тоже тѣнистъ и зеленъ, и изъ листвы его проглядываютъ очертанія мызы Приютино. Если оглянуться на пройденный пароходомъ путь отсюда, то еще видны очертанія псковскаго собора, но затѣмъ они скрываются совершенно, задвинутыя изворотами и стѣнообразными боками Великой.

Далѣе къ устью берега Великой становятся совершенно безлѣсными, чтобы дать мѣсто безконечнымъ лугамъ, разстилающимся подъ лицо съ поверхностью озера. Въ нижнихъ частяхъ теченія Великая шириной почти-что съ Неву; вышина береговъ, близъ Снѣтогорскаго монастыря, близка къ вышинѣ Воробьевыхъ горъ подъ Москвой.

Тѣмъ плоче, тѣмъ низменнѣе казались берега Псковскаго или Талабскаго озера, открывавшагося передъ нами безконечнымъ зеркаломъ, по которому поблескивали маленькія волны, поднимаемая пароходомъ, и чернѣли тоненькими силуэтами лодки рыбаковъ, разбросанныя тамъ и сямъ, иногда не въ одиночку. Берега такъ низки, что, кажется, будто торчатъ надъ водой только острія бархатистой травы. Деревня Муромицы, находящаяся справа, подлѣ самаго устья, и слѣдующая за нею Горка, въ 34 крестьянскихъ двора, на 1000 кв. сажень, удивительно типичны. Онѣ поднимаются какими-то кучами деревянныхъ построекъ, жмушихся вплотную одна къ другой, чуть не на сваяхъ, и, кажется, да оно такъ и есть, не имѣютъ улицъ; между домами оставлены, какъ намъ сообщили, промежутки, въ которыхъ можетъ пройти только корова; оборони Богъ отъ пожара эту сѣрую, скомканную высящуюся надъ зеленью пожней массу строеній. Можно представить себѣ положеніе этихъ людей при ледоходѣ; коровы, говорятъ, спасаются въ такихъ случаяхъ на крышахъ, а сосѣди сообщаются другъ съ дружкой по жердямъ, просунутымъ въ окна. Глыбы льда окружаютъ ихъ тогда, и они отрѣзываются ото всего свѣта. Вотъ, дѣйствительно, уголокъ своеобразной русской

жизни, достойный художника и описателя! Обыкновенно пасхальный звонъ церквей, во время ледохода и распутицы, доносится къ нимъ только издалика, и, по недостатку дома молитвы, люди устроили у себя часовню и творять молитвословія сами, „причемъ для чтеній избирается грамотный начетчикъ, но хорошихъ чтецовъ нѣтъ, и трудно передать, какая выходитъ бессмыслица, когда чтець не понимаетъ значенія удареній и останавливается на полмысли, и дробить предложенія“. Это не мѣшаетъ, однако, глубокой вѣрѣ и сильному развитію молитвословія по всему побережью. Камня въ мѣстныхъ постройкахъ не видно вовсе, кромѣ фундаментовъ снѣткосушильныхъ печей, выразителей того снѣтковаго промысла, которымъ живетъ все населеніе обѣихъ озеръ-близнецовъ, Псковскаго и Чудскаго, ютящееся вдоль громаднѣйшей береговой линіи, обрамляющей 3,087 кв. верстъ того воднаго пространства, на которое мы выѣзжали. Подлѣ устья Великой много острововъ, какъ выразился одинъ изъ мѣстныхъ людей, „штукъ двѣнадцать“; эти штуки—сплошныя, богатѣйшія пожни, принадлежатъ Горкамъ, и нѣсколько лодокъ, попавшихся намъ навстрѣчу, опускали края бортовъ своихъ чуть не до воды, будучи нагружены изумрудною зеленью только-что скошенной роскошнѣйшей травы.

Умѣстны нѣсколько данныхъ объ озерѣ или озерахъ, имѣющихъ слишкомъ 3000 кв. верстъ пространства, изъ которыхъ 750 приходится на долю маленькаго, южнаго, Псковскаго озера (40 в. длины), соединеннаго съ Чудскимъ (80 в. длины) проливомъ въ 15 в. длины и 5 ширины. Несмотря на полную, вѣчную связь обѣихъ озеръ, характеры ихъ совершенно различны. Тогда

какъ Чудское озеро имѣеть дно каменистое, неровное, достигающее почтенной глубины, въ 20 сажень и болѣе, озеро Псковское глубиной своею не превышаетъ 4—5 саж.; глубина эта почти вездѣ одинакова, кромѣ по бережья, и дно озера вездѣ ровное, илистое, обильно покрыто водорослями. Насколько, по словамъ изслѣдователя здѣшней озерной жизни, вода въ Чудскомъ озерѣ чиста, прозрачна, настолько же мутна она въ Псковскомъ и, вѣроятно, эти особенности обуславливаютъ то, что въ первомъ изъ нихъ имѣется крупная ряпушка, а во второмъ безусловно царить мелкій снѣтокъ; эти особенности такъ вѣски, что псковскій снѣтокъ, попавъ въ Чудское озеро, достигаетъ гораздо большей величины, но за то утрачиваетъ, почему-то, многія хорошія качества вкуса; ему повидимому нужна незначительная глубина, горизонтальность дна и водоросли, съ ихъ обильнымъ цвѣтеніемъ и развитіемъ моллюсковой жизни. Богатство снѣтковъ, которымъ, который уже вѣкъ, живетъ населеніе псковскаго побережья, огромно; не въ связи ли съ ними и самое названіе Снѣтогорскаго монастыря?

Нѣтъ снѣтка вкуснѣе псковскаго, объ этомъ скажутъ вамъ и въ Москвѣ и въ Петербургѣ, и это совершенно справедливо и это можетъ подтвердить всякій, кому удалось испробовать на мѣстѣ, хотя бы при закускѣ, свѣжихъ снѣтковъ, вовсе не обладающихъ тѣмъ неприятнымъ запахомъ, который, главнымъ образомъ, завяситъ отъ первобытности способовъ, какими снѣтки заготавливаются впрокъ. За послѣдніе годы мѣстные рыбаки жалуются на уменьшеніе снѣтка, но и тутъ, какъ относительно запаха, виноватъ не снѣ-

токъ, а люди. Снѣтокъ такъ плодovitъ, что, если бы не уничтоженіе выбрасываемой имъ и оплодотворенной икры, если бы не люди, съ ихъ убійственно мелкими сѣтями, не щука и не окунь, то, не болѣе какъ въ теченіе двухъ лѣтъ, все Псковское озеро могло бы быть запружено снѣткомъ. Изъ числа многоразличныхъ мѣръ, принимавшихся и принимаемыхъ противъ хищническаго способа ловли снѣтковъ, одною изъ самыхъ дѣйствительныхъ и довольно крутыхъ слѣдуетъ считать запечатываніе, на время нереста, снѣткосушильныхъ печей по всему побережью. Особенное зло заключается въ томъ, что рыбаки пользуются при ловлѣ сѣтями до такой степени мелкими, что сквозь нихъ не проходитъ даже икра и этимъ уничтожается рыба, еще не вылупившаяся.

Удивительно сходны у насъ судьбы рыбныхъ промысловъ на далекомъ Мурманѣ и на ближнемъ Псковскомъ озерѣ, съ тою только разницей, что тамъ не хотятъ умѣть обращаться съ сельдью и треской, а здѣсь со снѣткомъ. Богатство, тамъ и тутъ, одинаково, народонаселеніе прирождено къ промысламъ, одѣваетъ на голову тотъ же треухъ, такъ же беззавѣтно смѣло и выносливо, трехлѣтній мальчикъ уже орудуетъ весломъ, сбытъ обезпеченъ, продуктъ хорошъ, но приготовленіе плохо и первобытная лопата движется въ кучахъ живаго матеріала, доставленнаго на берегъ тамъ—океаномъ, здѣсь—озеромъ. Какъ тамъ, на Мурманѣ, на промыслѣ зимою, оторветъ, порою, льдину и уносить часто безвозвратно промышленниковъ, такъ и тутъ весенній вѣтеръ „падара“ также рветъ льдины и уносить ихъ отъ берега съ людьми, иногда тоже

безвозвратно. Конечно бѣднѣ Мурмана Псковское озеро, но не одного только снѣтка и ряпушку производятъ здѣшнія воды; не говоря уже о толстомъ и неуклюжемъ сомѣ, встрѣчаемомъ, впрочемъ, довольно рѣдко и отличающемся самымъ невкуснымъ мясомъ, здѣсь имѣются очень вкусный лещъ и судакъ, направляющіеся для сбыта, главнымъ образомъ, въ Петербургъ, шука, идущая къ евреямъ въ Варшаву, окунь, ершь и язи, расходящіеся на мѣстѣ. Но главный продуктъ—снѣтокъ.

Хорошенькій, маленькій снѣтокъ ходитъ обыкновенно необозримыми стаями, подлѣ которыхъ шмыгаютъ окуни, ихъ заклятые враги, а въ воздухѣ носятся чайки; сырой снѣтокъ имѣетъ непріятный запахъ, которымъ пропитаны всѣ прибрежныя деревни, но, при хорошей сушкѣ, теряетъ его совершенно; цвѣтомъ онъ синеватъ, но, по мѣрѣ замиранія, бѣлѣетъ; снѣтокъ мечетъ икру въ мартѣ и апрѣлѣ, но всегда вслѣдъ за вскрытіемъ льда; если онъ заходитъ для этого въ устья мѣстныхъ рѣкъ и рѣчекъ, то буквально запружаетъ, и тогда снѣтки могутъ быть черпаемы ковшами. Ловятъ снѣтокъ круглый годъ; самый хитростный и трудный, а по продолжительности самый долгій—это зимній ловъ, отъ замерзанія до вскрытія. Тутъ пускается въ ходъ большой неводъ, состоящій изъ матки и двухъ крыльевъ, каждое въ 150 саж. длины и 8—10 ширины, матка въ 10 саж. длины и 7 ширины; этотъ неводъ со всѣми нужными приспособленіями или то, что называется „большимъ запасомъ“, стоитъ около 800 руб. и служитъ одинъ только годъ. При подобномъ неводѣ необходимы 16 рабочихъ

и 8 лошадей, имѣется на лицо хозяинъ запаса и управляющій ловлею или „жерникъ“; лошадь и два рабочіе составляютъ „гнѣздо“; всѣ, вмѣстѣ взятыя, называются „дружиной“.

Зимній ловъ съ большимъ запасомъ очень труденъ и хитеръ. Когда ледъ окрѣпнеть, то дѣлается гдѣ-либо прорубь, ловець ложится на ледъ и смотритъ въ нее, при чемъ для того, чтобъ яснѣе видѣть, накрываетъ голову. Зоркость этихъ людей, говорятъ, удивительна, и они усматриваютъ снѣтка на глубинѣ 3 сажень. Если снѣтокъ усмотрѣнъ, то тутъ вбивается въ ледъ „пешня“, и это мѣсто свято принадлежитъ нашедшему. Для того, чтобъ опустить подъ ледъ и протянуть подъ нимъ громадный неводъ въ 300 саж. длины, дѣлаются около 60 прорубей, расположенныхъ правильнымъ четырехугольникомъ, имѣющимъ около $1\frac{1}{2}$ версты въ поперечникѣ. Вдоль двухъ боковъ этого четырехугольника протягиваютъ подо льдомъ два наружные конца невода, а между нихъ посрединѣ пойдетъ мѣшокъ матки, тоже подъ цѣлымъ рядомъ прорубей, двѣ проруби особенно велики: та, въ которую неводъ будетъ опущенъ, „подвальное корыто“, и та, въ которую его поднимутъ, „подъемное корыто“.

Когда неводъ привезенъ на мѣсто на квадратныхъ, въ $2\frac{1}{2}$ саж. длины, саняхъ, называемыхъ „водовикомъ“, и опускается, тогда, во время лова, очень характерны три дѣйствія. Одно—это тяга невода подо льдомъ, что исполняется тѣмъ способомъ, что къ обоимъ наружнымъ концамъ его, опущеннымъ въ „подвальное корыто“, привязываютъ жерди, снабженныя на наружныхъ концахъ желѣзными кольцами; жерди ихъ, дли-

ною сажень въ 15, опускаются въ воду, причемъ концы ихъ, снабженные кольцами, подводятся подъ ближайшія двѣ проруби, сквозь которыя подхватываются они деревянными крюками, и лошади, или люди, тянутъ неводъ отъ проруби къ проруби. Второе характерное дѣйствіе лова состоитъ въ глядѣніи подъ ледъ сквозь тѣ проруби, подъ которыми идетъ matka невода и которыя называются „глядѣльницами“; ложась на животъ и накрывъ чѣмъ-либо голову, одинъ изъ рыбаковъ смотритъ въ воду, и если замѣчаетъ, что рыбы достаточно, то машетъ ногою, чѣмъ даетъ знать, чтобы неводъ тянули дальше. Третье любопытное дѣйствіе имѣетъ мѣсто при вытаскиваніи невода и оно установлено обычаемъ и держится такъ же свято, какъ и значеніе „пешни“ на мѣстѣ, найденномъ кѣмъ-либо для лова. Когда неводъ подтянутъ и matka находится подлѣ послѣдней проруби, тогда подбѣгаютъ къ ней дѣти, бабы, старики съ ковшами въ рукахъ, такъ называемые „кошовники“, и ловятъ снѣтокъ, сколько кому удастся. Несмотря на то, что ковши доставляютъ иногда больше добычи, чѣмъ остается самому хозяину, никому и въ голову не приходитъ посягнуть на обычай. Что-то подобное, только не со снѣтками, имѣется и на Мурманѣ и, если тамъ, на Ледовитомъ морѣ, каждый вѣтеръ имѣетъ свое прозваніе, то и тутъ они есть: сѣверный зовется „сѣверикъ“, западный—„мокрикъ“, южный—„тепликъ“ а юговосточный, дующій отъ Пскова—„вахтица“.

Снѣтокъ продается обыкновенно на мѣстѣ, на глазомѣрѣ, огуломъ, при чемъ составляется нѣчто въ родѣ аукціона. Рыбакъ выкликаетъ свою цѣну присутствующимъ.

щимъ тутъ купцамъ и владѣльцамъ снѣткосушильныхъ печей; если цѣна высока, послѣдніе молчатъ, если они согласны, то произносятъ слово „данотамъ“—и купля совершена. Половину всего улова натурою получаетъ хозяинъ, половину ловцы; но случаются и видоизмѣненія этого основнаго правила. Снѣтокъ поступаетъ непосредственно въ снѣткосушильныя печи, которыхъ на здѣшнихъ заводахъ имѣется по 4—16, а въ каждую печь помѣщается до четырехъ четвериковъ сыраго снѣтка; всѣхъ заводовъ по берегамъ и островамъ около 90. Послѣ всякой топки печь выметается и потъ ея посыпается тѣмъ бѣлымъ пескомъ, который такъ неприятно похрустываетъ на зубахъ при употребленіи снѣтка въ пищу и который необходимъ противъ жариванія снѣтка. Набрасывается снѣтокъ въ печь, солится и переворачивается просто-напросто лопатой.

Среднимъ числомъ вывозится въ годъ псковскаго снѣтка около 200,000 пуд., что, при цѣнѣ 3 р. пудъ, дастъ валоваго дохода до 600,000 р., изъ которыхъ на долю промышленниковъ приходится около 440,000 р. Такъ какъ всѣхъ дворовъ, занимающихся рыбнымъ промысломъ около 1,500, то на долю двора приходится 150 р., чего для покрытія всѣхъ домашнихъ потребностей мало и приозерные крестьяне занимаются еще перевозкой тяжестей и торговлей глиняною посудой, приготовляемою въ Псковѣ.

Снѣтокъ составляетъ многолюбимую нашимъ народомъ пищу, и этому есть великое основаніе: одного фунта снѣтковъ достаточно, чтобы приготовить супъ на десять человѣкъ.

Участвуютъ въ снѣтковой ловлѣ всѣ 51 селеніе,

расположенныя по берегамъ Псковскаго озера, да, кромѣ того, столько же такихъ, что расположены отъ него подалеже. Центромъ этого промысла, его рынкомъ и биржей является посадъ Александровскій.

ВЫСЕЛОКЪ.

(П. Пейверинта).

Передо мной угрюмый и пустынный уголокъ Финляндіи... На послѣднемъ роздыхѣ мнѣ указали на какой-то „выселокъ“ на дорогѣ, гдѣ можно было переночевать. Была зима. Съ мѣста послѣдней остановки я выѣхалъ уже довольно поздно, а совѣтовали добраться до ночлега засвѣтло, иначе легко можно было заблудиться: торной дороги не было вовсе.

И въ самомъ дѣлѣ, узкія тропинки, прорѣзанныя обозами сѣна и дровъ, вились и спутывались причудливо по всѣмъ направленіямъ; заплутаться между ними было немудрено. Снѣга было еще мало; холодный, пронизывающій насквозь вѣтеръ дулъ прямо въ лицо; мѣстность была совсѣмъ открыта и ничѣмъ не защищена отъ вѣтра. Путь шелъ черезъ болото, мимо маленькихъ озеръ. Сожженный лѣсъ чернѣлъ кругомъ; только кое-гдѣ виднѣлись еще тощія березки, заступившія мѣсто прежнихъ погубленныхъ великановъ. Лѣсъ считался *казеннымъ*; понятно, его не очень-то щадили. Для сосѣдей главное—въ возможномъ расши-

реніи своей пашни, своего луга и въ удобреніи почвы золой сожженного лѣса, и лѣсъ жгли усердно по всѣмъ направленіямъ. Какъ разъ передъ моею поѣздкой наступила еще оттепель; громадное пространство теперь тянулось однимъ ледянымъ полемъ, по которому мои сани свободно раскатывались во всѣ стороны, каждый разъ упорно уклоняясь отъ прямого направленія.

Мракъ увеличивался; вѣтеръ крѣпчалъ; вдобавокъ показался снѣгъ. Время-отъ-времени я дѣлалъ усилія разглядѣть даль, — не увижу ли, наконецъ, желаннаго „двора“, но ничего впереди не виднѣлось. Я началъ уже побаиваться сбиться съ дороги; думалось, что ѣхаль и ѣду вовсе не по тому направленію, по которому бы слѣдовало; а это было бы большимъ несчастіемъ: и я и моя лошадка могли сдѣлаться жертвой утомленія и стужи.

Несмотря на благоразумныя опасенія, несмотря на усилившуюся мятель и потерю дороги, я ѣхаль теперь напрямикъ, бодрость меня не оставляла. И вотъ, дѣйствительно, вдали затемнѣли очертанія лѣса. Миѣ упоминали о немъ; *дворъ* долженъ былъ стоять отъ него недалеко. Вѣроятно, подобное чувство, какое я испыталь теперь въ виду лѣса, испытываетъ караванъ въ „Сахарѣ“, когда засинѣетъ оазись.

— Вотъ скоро и *дворъ*, — говорю про себя:— нечего теперь бояться замерзнуть; удастся, наконецъ, отдохнуть и согрѣться.

Началь подгонять свою лошадку; снѣгъ падалъ все чаще и чаще, гуще и гуще; мятель крутила кругомъ; скоро дальше ушей лошадки уже ничего не было видно. Оставалось одно средство—держаться вѣтра. Такъ

прошло довольно времени. Пришлось привязать лошадь къ пню и пѣшкомъ разыскивать тропинку. Къ счастью, она скоро нашлась, и я въ поводу повелъ свою лошадь. Вотъ невдалекѣ замигаль огонекъ между деревьями...

Я обрадовался. „Наконецъ-то добрался!“—проговорилъ я весело и скоро очутился у крыльца домика. Веселый огонекъ свѣтился чрезъ заиндѣвѣвшія стекла; домикъ, повидимому, былъ недавно выстроенъ. На душѣ невольно шевельнулась зависть къ его обитателямъ, защищеннымъ отъ мороза и бѣшено уже разгулявшагося вѣтра; а тутъ еще нужно было позаботиться о своей бѣдной лошаdkѣ. Я ее выпрягъ; не стѣсняясь вошелъ въ комнату и, торопливо пожелавъ хозяевамъ добраго вечера, просилъ дать пріютъ для меня и для лошади. Оказалось, что послѣднее было довольно трудно. Собственная хозяйская лошадь стояла въ тѣсной пристройкѣ къ углу сѣннаго сарая, гдѣ и одной было тѣсно. Зато тутъ же стояла маленькая старая лачужка, которая могла бы быть обращена на время въ конюшню, да на бѣду дверь въ нее была такъ нязка, что ввести туда лошадь не было возможности. Между тѣмъ морозъ былъ такъ силенъ, что необходимо было какъ-нибудь да защитить лошадь. Мнѣ пришла мысль: не согласятся ли хозяева позволить мнѣ прорубить верхъ двери избенки. Съ трудомъ, но согласились. Подрубивъ два-три бревна сверху двери, мнѣ, наконецъ, удалось ввести лошадь внутрь избенки; слава Богу, она была, наконецъ, подъ крышей. Я задалъ ей сѣна, напоилъ; заботы мои о

ней кончились, и я посяѣшилъ въ домикъ, чтобы поближе познакомиться съ его обитателями.

Въ домикъ виднѣлась на каждомъ шагу крайняя бѣдность. Рамы были плохо прилажены; вѣтеръ свободно свистѣлъ чрезъ ихъ щели; снѣжинки, врываясь тѣмъ же путемъ, искрились въ своей круговой пляскѣ; у окна набралось ихъ цѣлые сугробы. У противоположной отъ окна стѣны помѣщались маленькій столикъ и кровать съ плохенькой постелью; у дверей стояла еще другая кровать; въ ней лежалъ клубочкомъ свернувшійся отъ холода, плохо одѣтый ребенокъ лѣтъ семи. Хозяйка, повидимому, была еще довольно молодая; лицо ея было съ правильными и красивыми чертами, но опытный глазъ безъ труда подмѣтилъ бы въ немъ преждевременныя морщины, проведенныя горемъ и заботами, несмотря на молодость. Возлѣ хозяйки и горѣвшаго камина стояла корзина, а въ ней виднѣлся ребенокъ, повидимому, очень больной. Только вблизи огня и можно было уберечься отъ холода. Кромѣ этихъ лицъ были въ горенкѣ старикъ и старуха, повидимому, *дѣдъ* и *бабушка*. Ихъ лица поражали какою-то особенной безучастливостью; навѣрно и горе и радость для нихъ уже давно потеряли все свое значеніе. Совсѣмъ иною выглядывала молодая женщина; ей были еще понятны и радость и горе; она *могла* еще страдать и, стало-быть, радоваться.

По принятому обычаю, я поторопился сообщить имъ, кто я, откуда ѣду и куда... Разговоръ завязался.

— Развѣ здѣсь никого нѣтъ изъ хозяевъ помоложе?—спрашиваю я.

— Есть... мой мужъ,—отвѣтила женщина.

— Гдѣ же онъ: уѣхалъ?

— Нѣтъ, онъ дома, въ лѣсу гонить смолу, лучину щиплетъ...

— Господи, въ такую-то пору! И вы не боитесь за него?

— Мой *Гейкки* привыкъ работать, несмотря ни на что, пока хватаетъ силъ; устанетъ—придетъ.

Молодая женщина оживилась. Казалось, на время съ лица ея сбѣжали и горе и заботы.

— А вы какъ онъ замерзнетъ въ такую стужу, въ такую ночь?—началь-было я опять.

— О, нѣтъ! онъ вѣдь недалеко... вонъ тамъ, только за угломъ и, притомъ, въ густомъ лѣсу... Лѣсъ—хорошая защита отъ вѣтра... Онъ придетъ въ свое время, вотъ увидите.

— Вы тутъ давно уже живете?—спрашиваю я, мѣняя разговоръ.

— Давно; поселился здѣсь я первымъ,—отвѣтилъ старикъ безучастно.

— Вѣроятно, вы здѣсь поселились еще въ молодости?

— Кабы да въ молодости,—другое бы вышло дѣло. Нѣтъ! мнѣ было уже лѣтъ пятьдесятъ, какъ задумалъ здѣсь выстроить *дворъ*! — продолжалъ старикъ, по-прежнему равнодушно.

Съ этими словами оба—и старикъ и старуха—встали и вышли изъ домика.

Обратился я къ молодой женщинѣ.

— Это—ваши родители или, можетъ-быть, вашего мужа?

— Нѣтъ, мои,—отвѣтила она.

— У нихъ есть и другія дѣти?

— Были; всего насъ было десятеро, да девять на томъ свѣтѣ.

— А вы давно тутъ съ своимъ Гейкки?

— Лѣтъ пять.

— У васъ только двое дѣтей?

— Нѣтъ, было больше... четверо; двое уже умерло, проговорила она какъ-то особенно тихо.

— Вашъ малютка, должно-быть, очень боленъ?—за-мѣтилъ я участливо, посмотрѣвъ на ребенка въ корзинѣ.

— Да, бѣдный маленькій Гейкки очень боленъ; боюсь и онъ умретъ!—И молодая мать грустно понурила свою голову.

У меня мелькнула мысль, что молодая чета плохо справляется съ своими родительскими обязанностями; можетъ-быть, на ихъ душѣ вся вина за болѣзни и смерть бѣдныхъ дѣтей, неудобны дальнѣйшіе разспросы въ томъ же направленіи. „Зачѣмъ,—думаю,—прибавлять лишній камень къ ихъ и безъ того тяжелой ношѣ!“ Я началъ новый разговоръ съ большой осторожностью.

— Что же у васъ окно-то плохо? Неужели нельзя было задѣлать его поплотнѣе?

Но молодая женщина разгадала мою мысль; мой вопросъ, новидимому, затронулъ ее. Взглянувъ на меня пристально, она сказала:

— Добрый человекъ, вы не знаете нашихъ дѣлъ!... Никто не скажетъ, чтобы мой мужъ былъ лѣнивъ и беззаботенъ. Онъ трудится день и ночь; такого работника поискать... Наши старики уже дряхлы, работать не могутъ... Лѣтомъ только я въ силахъ помо-

гать мужу; вотъ у насъ и всѣ силы. Когда Гейкки пришелъ сюда, здѣсь почти не было и клочка земли обработаннымъ. Отецъ былъ уже старъ, какъ переселился сюда. Въ шесть лѣтъ мой Гейкки много сдѣлалъ: очистилъ порядочную пашню изъ-подъ лѣса; въ прошломъ году мы столько наработали, что могли поправить нашу хижину и сдѣлать ее такой, какова она теперь. Думали нынѣшней осенью устроиться еще лучше, да Богъ иногда судитъ по своему... Такъ и съ нами. Въ прошломъ году былъ неурожай; онъ отнял у насъ всѣ надежды, почти лишилъ возможности прокормиться. Для уплаты податей пришлось продать почти все. Теперь Гейкки день и ночь щиплетъ лучину, гонитъ смолу, чтобы скопить хоть нѣсколько денегъ на чистую муку для подсыпки въ кору... Не до поправокъ и перестроекъ теперь,—согласитесь и вы...

Прямая, откровенная рѣчь молодой женщины разсѣяла мои подозрѣнія, а она между тѣмъ все время не переставала ухаживать за своимъ ребенкомъ.

Разговоръ былъ, повидимому, исчерпанъ. У меня опять мелькнула забота о хозяинѣ. На моихъ часахъ было уже девять. Мнѣ было тяжело дѣлиться своимъ безпокойствомъ съ хозяйкой. Какъ вдругъ, уже въ то время, какъ мое безпокойство достигло крайняго напряженія, послышался въ сѣняхъ шорохъ и въ то же время появился въ избу весь запорошенный снѣгомъ желанный хозяинъ. Онъ стряхнулъ съ себя снѣгъ, бросилъ топоръ, скинулъ рукавицы и быстро направился къ колыбели, къ очагу... Меня онъ не замѣтилъ: я былъ въ тѣни.

— Ну, какъ Гейкки?

— О, Боже, плохъ, очень плохъ, думаю — помретъ скоро...

— Господи, спаси и помилуй! — проговорилъ мужъ печально дрогнувшимъ голосомъ.

Съ этими словами онъ еще ближе подвинулся къ корзинѣ, приподнялъ платокъ съ головки ребенка, нагнулся къ его личику и приложилъ къ его блѣднымъ щекамъ свои холодныя губы. Казалось, онъ собралъ съ этого личика всѣ капельки холоднаго предсмертнаго пота... О, тяжело и *чужое* горе! Потомъ хозяинъ выпрямился, и жена поспѣшила намекнуть ему обо мнѣ.

— Что ты такъ долго... и я и нашъ гость уже начали было о тебѣ беспокоиться! — обратилась она къ мужу.

Тотъ невольно вздрогнулъ отъ неожиданности.

— У насъ есть кто? — спросилъ онъ.

— О, онъ здѣсь еще, — и показала въ мою сторону.

И только въ эту минуту хозяинъ разглядѣлъ меня. Начались обычные разспросы; конечно, мои отвѣты его успокоили скоро.

— Да, на дворѣ, правду сказать, довольно скверно... Къ счастью еще — полнолуние, можно работать, рубить и щепать, несмотря на мятель. Тяжелыя времена; не приходится складывать руки! — проговорилъ хозяинъ и подошелъ къ очагу обогрѣть свои мозолистыя руки. Жена, между тѣмъ, поднялась готовить уживъ. Вотъ она беретъ покрытую миску, ставитъ ее на столъ и кладетъ рядомъ плохой хлѣбъ. Появляются немного молока на тарелкѣ и солонка съ солью; тѣмъ и ограничились всѣ яства. Я любопытствовалъ загля-

путь въ миску; оказалась похлебка изъ *коры*, скупо приправленная чистою мукой. Первымъ приступилъ къ ужину мужъ; онъ снялъ шапку, скрестилъ на груди руки и съ молитвой благословилъ ужинъ; потомъ отломилъ кусокъ хлѣба, макнулъ имъ въ солонку и принялся за похлебку.

Видъ ужина оживилъ и мальчика въ кроваткѣ. Онъ быстро соскочилъ съ своей постели и въ одной рубашонкѣ подбѣжалъ къ отцу. Отецъ поднималъ его на свои колѣни, разыскалъ какіе-то лохмотья въ постели и закуталъ въ нихъ ребенка. Всѣ стали ужинать ..

Мнѣ было жаль мальчугана. Я развязалъ свою дорожную торбочку, вынулъ изъ нея половину бѣлой булки, немного масла, холодной говядины и, приготовивъ бутербродъ, предложилъ его ребенку. Мальчикъ сначала отказывался, но потомъ, рѣшившись принять, такъ долго держалъ его въ рукѣ, такъ пристально разсматривалъ, какъ-будто это было Богъ знаетъ какое невиданное лакомство. Прежде, чѣмъ отвѣдать, я слышалъ, какъ онъ шопотомъ спросилъ мать:

— А маленькому Гейкки можно?

— Нѣтъ, дѣтко; маленькій Гейкки боленъ, не можетъ проглотить; ѣшь ужъ одинъ!

А бѣднаго мальчика и самого мучилъ голодъ. „Какая любовь къ брату“, невольно подумалъ я.

Ребенокъ, успокоенный отвѣтомъ матери, аппетитно принялся улепетывать бутербродъ.

До сихъ поръ тепло кое-какъ поддерживалось въ горенкѣ; но мало-по-малу огонь въ очагѣ слабѣлъ, вмѣстѣ съ тѣмъ усиливался холодъ. Хозяйка предложила мнѣ ночлегъ въ банѣ, гдѣ уже спали ея стари-

ки; тамъ натоплено было раньше. Было кстати Предложить особой постели мнѣ не могли; въ комнатѣ холодъ былъ довольно чувствительный, и я, не шутя, началъ тревожиться вопросомъ, какъ придется провести эту ночь.

Хозяева приготовлялись спать; мальчикъ снова юркнулъ въ свою кроватку; корзину съ больнымъ ребенкомъ пододвинули поближе къ очагу, чтобы дать возможность воспользоваться послѣдними волнами тепла. Бѣдная мать, попрежнему, притулилась къ колыбелькѣ блюсти за своимъ больнымъ малюткой; мужъ, утомленный трудовымъ днемъ, бросился на солому своей кровати и тотчасъ же захрапѣлъ. Съ своей стороны и я, подобравъ свои вещи, отправился разыскивать баню.

Вьюга на дворѣ еще бушевала. Вѣтеръ сильными порывами разносилъ снѣгъ, падавшій сплошною стѣной; съ трудомъ можно было различить предметы передъ самымъ носомъ; приходилось еще навѣстить и свою лошадку. Оказалось, къ счастью, что она по возможности была довольно сносно ограждена отъ вѣтра. Съ трудомъ добравшись до желанной бани, я нашелъ ея дверь запертой изнутри. Пришлось стучаться сначала тихо, потомъ все громче и громче. Все было напрасно; изъ бани не было отвѣта... Мнѣ становилось жутко; я сталъ почти ломиться въ дверь... и, слава Богу, послышался шорохъ и окликъ:

— Кто тутъ?

— Отворите: гость! Спать сюда послали!

— Подождите, пока отворю!

Это былъ голосъ старика; слышно было, какъ онъ

слѣзь съ лавки, пошатывался, зѣвалъ, а дверь все оставалась запертой.

— Ради Создателя, отоприте!.. Я, наконецъ, рѣшился на все...

— Да не могу открыть, слышался отвѣтъ старика.

И вотъ прошло еще нѣсколько минутъ, по правдѣ сказать, безконечно мучительныхъ. Потомъ все объяснилось: старикъ, боясь, что вѣтеръ сорветъ дверь, привязалъ ее лыками къ поперекъ приставленнымъ санкамъ и такъ затянулъ узлы, что пришлось ихъ рубить.

Баня оказалась такъ тѣсна и мала, что въ ней было трудно помѣститься третьему. Лавка была занята стариками; остальное пространство заставлено всевозможною хозяйской утварью; здѣсь едва можно было помѣститься сидя. Полъ былъ грязенъ до невозможности, притомъ на немъ нельзя было уснуть отъ холода. Приходилось провести ночь сидя, прислонившись къ стѣнѣ спиной. Какъ я ни старался, а заснуть не могъ, несмотря на всю свою усталость. Пришлось обратиться къ старикамъ и заняться разговоромъ.

— А что, далеко отъ васъ ближайшій сосѣдъ?

— Мили полторы.

— Плохо!.. Въ случаѣ нужды нечего, я думаю, надѣяться на помощь сосѣдей?

— Да, приходится надѣяться только на себя, на свои силы, — отвѣтилъ спокойно старикъ.

— У васъ было много тяжелыхъ дней, не правда ли?

— Было довольно, и пережили, какъ видите, и до старости дожили...

— Да, но вы потеряли много дѣтей?

— Штукъ девять.

— И всѣ умерли здѣсь?

— Почти: двое тамъ, остальные здѣсь.

— Что же, не вынесли? — сдѣлалъ я смѣлый вопросъ.

— Едва ли! — отвѣтилъ старикъ спокойно. — У нашего сосѣда дѣла шли еще хуже, а дѣти кровь съ молокомъ, все здоровый, рослый народъ... Все это пустыя слова: кому жить — не помретъ! Все дѣло въ одномъ: *одному жить, а другому помирать!* Кто въ силахъ уйти отъ смерти? — проговорилъ старикъ уже не такъ холодно; повидимому, у него въ душѣ мелькнуло горькое чувство.

Казалось, я началъ не совѣмъ удачно; приходилось приняться съ другой стороны.

— Кто изъ васъ старше: вы или жена?

— Я, лѣтъ на десятокъ...

— А это старшая ваша дочь?

— Старшая. Да, выростили не безъ заботъ. Вѣдь много нужно для этого!

Старикъ, повидимому, спѣшилъ отвѣчать, предупреждая новые разспросы.

— Зять у васъ, кажется, молодецъ!

— Ничего, работающій, какъ слѣдуетъ...

— Ну, нѣтъ, мнѣ кажется, больше, чѣмъ нужно.

— Э! такихъ у насъ много!

Повидимому, старикъ хотѣлъ дать мнѣ понять, что у нихъ, естественно, нужно быть всѣмъ такими: работать изъ всѣхъ силъ, чтобы прокормить семью. Я продолжалъ:

— Боюсь, что ихъ ребенокъ не жилецъ на этомъ свѣтѣ?

— Что же бояться?.. Кому не суждено жить, тотъ уреть!—проговорилъ старикъ невозмутимо, зѣвнулъ и сталъ засыпать. Скоро раздалось его всхрапываніе.

Мнѣ и самому хотѣлось заснуть, но сонъ не появлялся. Мнѣ хотѣлось посмотрѣть, что дѣлается тамъ, въ этой бѣдной избушкѣ, у молодыхъ хозяевъ; но дверь была заперта, а окно выходило въ противоположную отъ домика сторону. Пришлось остаться при одномъ желаніи и заняться собой. Какъ-то удалось мнѣ поплотнѣе опереться о стѣнку и забыться дремой, и дремой тяжелой... На знаю, много ли прошло времени... Мнѣ снилось, что я опять въ домикѣ, гдѣ лежало больное дитя. Буря завывала все сильнѣе и сильнѣе; хлопья снѣга летали, кружились, мелькали и искрились въ живомъ хороводѣ по всей комнатѣ; ребенку было хуже. Бѣдный отецъ не спитъ уже; онъ всталъ съ постели и подѣлъ къ своей измученной тревогоми и бессонницей женѣ. Грустно, печально около колыбельки!... Вдругъ внезапный порывъ вѣтра сорвалъ дверь съ крюка и облако морозной пыли ворвалось въ комнату и заволокло собою все окружавшее. Мать раскрыла руки надъ малюткой, какъ бы благословляя и, вмѣстѣ, защищая его. Отецъ упалъ на колѣни передъ колыбелью и опять, какъ тогда, поцѣловалъ блѣдныя щочки сына. А потомъ въ дверяхъ обрисовалось что-то бѣлое, прозрачное, съ розовыми крылами... Легкое, какъ воздухъ, не дотрогиваясь ни до чего, ничего не задѣвая, оно скользило мимо, дальше и, склоняясь надъ колыбелькой, покрыло ее своими крылами. За-

тѣмъ, когда призракъ поднялся, я замѣтилъ, что подъ нимъ бережно укрылось дитя. Мать первая очнулась.

— О Боже! мое дитя, гдѣ оно, куда?...

— Туда, гдѣ свѣтъ и тепло; гдѣ отцу ненужно своими устами отирать капли холодного пота съ его лица; гдѣ матери ненужно согрѣвать его своими усталыми объятіями!

Грустная улыбка озарила лицо матери, призракъ исчезъ, исчезъ и малютка, прикрытый крылами; дверь захлопнулась снова, и стало все попрежнему! Я слѣдшилъ слѣдомъ и вышелъ изъ домика. Мнѣ хотѣлось посмотреть, что будетъ дальше. Тамъ я увидѣлъ, какъ надъ моею головой поднимался *призракъ*, окутанный со всѣхъ сторонъ искрящимися блестками снѣга; поднимаясь все выше и выше, онъ, наконецъ, скрылся изъ глазъ. Долго слѣдилъ я за нимъ; вѣтеръ еще бушевалъ, пробѣгалъ по вершинамъ деревьевъ и вился около угловъ строеній, и въ шумъ его какъ будто слышался гимнъ: *Слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ!*... Я проснулся. Старикъ уже всталъ и кололъ дрова при свѣтѣ лучины; встала и старуха и уже принялась за свой чулокъ.

Наокоро одѣвшись, я вышелъ. Мятель затихла, и снѣгъ пересталъ падать. Уже свѣтало. Навѣстивъ лошадь, я отправился къ домику. Колыбелька стояла на прежнемъ мѣстѣ; дрова въ очагѣ совсѣмъ потухли. Отецъ и мать сидѣли у колыбели, не спуская съ нея пристальнаго взгляда. Какъ-будто окаменѣли они оба; были на ихъ лицахъ слѣды слезъ, но теперъ источникъ ихъ успѣлъ изсякнуть.

— Умеръ вашъ батюшка?— спрашиваю я тихо.

— Маленькаго Гейкки уже нѣтъ болѣе между нами, — отвѣтила мать тоскливо.

При этихъ словахъ я посмотрѣлъ на отца. Лицо его судорожно подергивало, и изъ моихъ глазъ брызнули, наконецъ, слезы. Я поспѣшилъ уйти и, запрягши лошадей, выѣхалъ на занесенную снѣгомъ дорогу.

Скорбныя мысли роились у меня въ головѣ во всю дорогу о томъ, какъ много нужно имѣть народу терпѣнья въ этой трудной борьбѣ съ голодомъ и морозомъ, когда ему приходится съ бою брать каждый клочокъ земли. И сколько человѣческихъ жертвъ принесено имъ для блага Финляндіи!

ВЪ СТРАНѢ ТРУДА.

(М. Л. Песковскаго).

Не болѣе пяти часовъ ѣзды отъ Петербурга по лучшей въ мірѣ желѣзной дорогѣ и, оставаясь въ предѣлахъ Россійской имперіи, можно очутиться въ странѣ, рѣшительно ничѣмъ не похожей на всю остальную Россію.

Страна эта — Финляндія.

Какое очаровательное сочетаніе камня, воды и лѣса! Пріятно попасть въ Финляндію во время лѣтнихъ жаровъ. Какъ бы ни разгоралось солнце, оно только ласкаетъ васъ, но не жжетъ. Воздухъ, пропитанный

смолистыми испареніями лѣса, такъ хорошъ, что имъ просто не надышишься.

Финляндія совершенно своеобразная страна. Весь Финляндскій полуостровъ (около 324,000 квадратныхъ верстъ) сплошь гранитный. Въ эту каменную громаду ворвалось море и въ клочья разорвало ее, разлившись тысячами большихъ и малыхъ озеръ и образовавъ тысячи острововъ, полуострововъ, мысовъ, косъ и перешейковъ, густо поросшихъ лѣсомъ, преимущественно хвойныхъ породъ. Озера и озерки даютъ начало безчисленному множеству рѣкъ и рѣчонокъ, то плавно катящихъ свои воды, то ниспадающихъ бурными водопадами или даже каскадами, когда горному потоку приходится спрыгивать съ гранитнаго утеса.

Безконечное разнообразіе въ сочетаніи гранита, лѣса и воды, то въ видѣ озеръ и рѣкъ, то въ формѣ бѣшеныхъ водопадовъ и рѣзвыхъ горныхъ каскадовъ, составляетъ характерную особенность финляндской природы.

Дикая, угрюмо-суровая, но величественная природа! Въ ней разлито какое-то особенно-величавое спокойствіе; словно этотъ гранитъ и лѣсъ, эти озера и рѣчки погрузились въ какую-то безконечную думу, да такъ и застыли, оцѣпенѣли въ ней. Ни ревъ громадныхъ водопадовъ ни рокотаніе и лепетъ горныхъ каскадовъ не могутъ вывести ихъ изъ этого оцѣпенѣнія.

Финляндія, отъ края до края, страна гористая. Въ какую сторону ни отправишься, приходится перебираться съ горы на гору. Развертывающіеся при этомъ виды быстро мѣняются, и одинъ заманчивѣе другого. Глубокіе лѣсистые овраги чередуются съ отвѣсными,

многосаженными гранитными обрывами, блестящими, играющими на солнцѣ, какъ отполированные. Хребты лѣсистыхъ возвышенностей разбѣгаются во все стороны самыми прихотливыми ливіями.

И куда бы вы ни отправились по Финляндіи, въ глубь ли страны или въ какую-нибудь изъ ея окраинъ, вамъ всюду будутъ сопутствовать эти лѣсистые и обнаженные гранитные возвышенности и холмы, густо толпящіеся около серебромъ сверкающихъ рѣкъ и озеръ, какъ бы именно затѣмъ, чтобы заглянуть въ ихъ зеркальную поверхность и полюбоваться на собственное, дѣйствительно дивное, сочетаніе красоты природнаго гранита съ зеленью лѣса, которая отъ весны до глубокой осени не утрачиваетъ своей свѣжести. Въ городахъ и въ деревняхъ, сплошь-и-рядомъ, приходится видѣть дома, стоящіе прямо на голомъ гранитѣ. Желѣзныя дороги, конные пути и лѣсныя тропинки то-и-дѣло тянутся на цѣлыя версты (или даже десятки верстъ) по голому граниту. На гранитѣ, даже не успѣвшемъ еще пекраться сплошнымъ почвеннымъ слоемъ, растеть лѣсъ. На гранитѣ же, едва-едва занявшемся почвеннымъ пластомъ, встрѣчаются и пашни, края которыхъ то сходятъ на нѣтъ по обнаженному камню, то упираются въ отвѣсныя первозданныя скалы.

Да, это—страна камня. Здѣсь на камнѣ живутъ люди и изъ камня же добываютъ себѣ хлѣбъ. Здѣсь человѣку приходится отвоевывать себѣ у камня буквально каждую пядь земли. И какая это ужасная борьба!

Здѣсь, напримѣръ, не въ диковину встрѣтить огодничество такого рода. Предъ вами гранитная глыба

въ нѣсколько саженой длины и ширины, до двухъ саженой вышины, а на глыбѣ гряды. Большого труда требуетъ уходъ за этими грядами. Нужно каждый разъ взбираться туда по лѣстницѣ; нужно таскать корзинами землю и удобрение и носить ведрами воду для поливки... Но „Богъ труды любитъ“. На этомъ безпримѣрномъ огородѣ удивительно быстро и въ достаточномъ количествѣ произрастаютъ вкусныя, сочныя и ароматныя овощи.

Но не думайте, что это исключение. Напротивъ, почти на всемъ протяженіи земледѣльской Финляндіи, простирающейся верстѣ на двѣсти сѣвернѣе полярнаго круга, попадаются равнины и косогоры, усѣянные валунами (обломками) сѣраго и краснаго гранита. Недавно еще, всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ, это были поля сплошнаго камня. Руками землепашцевъ камни помельче собраны и сложены тутъ же грудами. Но тѣмъ не менѣе крупныхъ, глубоко сидящихъ въ землѣ валуновъ остается еще такъ много, что поле представляется усѣяннымъ ими, и какое бы ни избрать направленіе, непременно придется лавировать между камнями. Это каменное поле, однако, занято посѣвомъ. За невозможностью вспашки, его иногда просто вскапываютъ, и въ награду за этотъ невѣроятный трудъ камень родить человѣку такой хлѣбъ, какого, увы! не вездѣ могутъ дождаться въ другихъ мѣстахъ (хотя бы, примѣръ, въ средней части Россіи) и на черноземныхъ поляхъ.

Хотите знать дальнѣйшую судьбу этихъ каменныхъ полей? Вперемѣшку съ „полями камня“ изрѣдка попадаются веселенькія, муравчато-зеленыя ложбины, за-

нятыя лугами и пашнями. Хозяйственною рукой землепашцевъ здѣсь пухомъ взбитъ каждый вершокъ земли; вдоль и поперекъ прорыты водосточныя канавы, черезъ которыя переброшены небольшіе мостики; между отдѣльными полосами поствовъ проложены тропинки для пѣшеходовъ, чтобы наблюдать за пашнею. Глядя на эти прелестныя равнины съ ихъ сочною травой и рослымъ хлѣбомъ, обещающимъ обильный урожай, положительно забываешь, что находишься подъ негостепріимнымъ сѣвернымъ небомъ, да притомъ еще въ „странѣ камня“. Между тѣмъ эти очаровательныя ложбины, какой-нибудь десятокъ лѣтъ тому назадъ, если не меньше, тоже были каменными полями; но упорный, неустанный, все побѣждающій трудъ человѣка обратилъ ихъ въ лучшіе по плодородію поля и луга.

Таково же прошлое и огромнаго большинства тѣхъ прекрасныхъ пашень и луговъ, которыми довольно богата южная, юго-западная и западная часть Финляндіи.

Старательная обработка земли и заботливый уходъ за нею положительно дѣлаютъ чудеса въ этой суровой странѣ. Финляндцы культивировали (т.-е. выгодовали, воспитали) лучшую породу ржи — вазаскую и одну изъ наиболѣе доброкачественныхъ кормовыхъ травъ — тимоеевку. Но борьба съ камнемъ — это только часть той борьбы, которую приходится финляндцамъ вести съ окружающею природой, главнымъ же образомъ — съ водою.

Взгляните на карту Финляндскаго полуострова. Весь онъ оказывается изрытымъ озерами. Разбросанныя безъ видимаго порядка, они, однако, группируются въ три громадныя водоема, или бассейна, называемыхъ иначе многоозерьями: ближе къ Петербургу — Сайминское, къ

западу отъ него — Пэйнское, еще западнѣе — Несинское. Эти водные бассейны получили названіе по имени главныхъ озеръ, около которыхъ группируются остальные. Какъ велико въ общей сложности пространство внутреннихъ финляндскихъ водъ, можно судить уже по тому, что протяженіе одного Сайминскаго озернаго бассейна (самаго большого, впрочемъ, въ ряду всѣхъ другихъ многоозерьевъ) равняется почти четверти всей Финляндіи и заключаетъ въ себѣ сто - двадцать большихъ озеръ и болѣе тысячи малыхъ.

Съ незапамятныхъ временъ началась въ этой странѣ осушка болотъ и расчистка порожистыхъ протоковъ; но правильно ведется въ Финляндіи борьба человѣка съ водою лишь около ста-тридцати лѣтъ. Успѣхи этой борьбы еще болѣе поразительны, чѣмъ успѣхи борьбы съ камнемъ, который, какъ мы знаемъ уже, финляндцы заставили давать имъ и хорошій хлѣбъ и травы.

Въ настоящее время болота не составляютъ уже и шестой части Финляндіи. Размѣры ихъ быстро сокращаются съ каждымъ годомъ; при чемъ болота съ замѣчательнымъ успѣхомъ обращаются въ рощи, плодородныя поля и обильныя травою луга.

Въ осушеніи болотъ только частичка борьбы финляндцевъ съ водою; главную же долю труда имъ пришлось употребить на устройство сообщеній между озерами каждой системы многоозерья въ отдѣльности. Это такая ужасная работа, что невозможно даже описать ея трудностей. Тутъ буквально, шагъ-за-шагомъ, приходилось работать молотомъ да порохомъ, чтобы взрывать гранитныя скалы, расчищать пороги, образуя сводные стоки воды изъ озеръ, лежащихъ выше, въ

озера съ болѣе низкимъ уровнемъ. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда озера находились на одномъ уровнѣ, между ними пролагали каналы. И вотъ, черезъ много десятковъ лѣтъ неустанныхъ трудовъ, работа настолько подвинулась впередъ, что 26 августа 1856 года былъ открытъ замѣчательный Сайминскій каналъ, установившій прямое сообщеніе между Сайминскимъ многоозерьемъ и Финскимъ заливомъ, или ипаче — Балтійскимъ моремъ.

Каналъ этотъ выстроенъ, можно сказать, на вѣчныя времена, потому что дно его и бока сплошь облицованы гранитомъ. Дѣйствительно, четвертый десятокъ лѣтъ работаетъ это прекрасное сооруженіе, а смотритъ, что называется, „какъ съ молоточка“, словно его только сегодня открыли.

Изрѣзанность водою внѣшнихъ береговъ какой бы то ни было страны всегда способствуетъ развитію судоходства и облегченію сношеній съ другими странами, а также росту промышленности и торговли. Страны, имѣющія наибольшую изрѣзанность береговъ, отличаются и наибольшимъ торгово-промышленнымъ развитіемъ. Точно также и внутреннія воды каждой страны могутъ способствовать увеличенію береговой линіи и облегченію торгово-промышленныхъ сношеній; но для этого необходимо, чтобы воды внутри страны имѣли удобное для судоходства сообщеніе съ внѣшними водами, т.-е. морями.

Значить, устроивъ Сайминскій каналъ, финляндцы этимъ самымъ увеличили больше, чѣмъ на одну треть, протяженіе береговой линіи Финляндіи или больше,

чѣмъ на одну треть, увеличили быстроту, легкость и дешевизну торгово-промышленныхъ сношеній.

Какъ ни великъ былъ такой успѣхъ, но все же оставалось сдѣлать еще больше. Два остальныхъ многоозерья, Пэянское и Несинское, попрежнему были разобщены: не соединялись ни съ Сайминскимъ многоозерьемъ ни съ моремъ. Финляндцы вышли изъ этого затрудненія, построивъ желѣзную дорогу такъ, что она подходитъ ко всѣмъ главнѣйшимъ торговымъ пунктамъ на всѣхъ многоозерьяхъ и на морскомъ побережьи. Эта желѣзная дорога, съ одной стороны, связала въ одно цѣлое всѣ три многоозерья, остававшіяся прежде разобщенными, и, слѣдовательно, разомъ увеличила береговую линію Финляндіи во много разъ; съ другой стороны, желѣзная же дорога открыла легкій и быстрый проходъ изъ всѣхъ многоозерьевъ къ морю.

Такъ вотъ какимъ образомъ финляндцы одержали такую удивительную побѣду надъ водою. Съ дерзкою смѣлостью былъ задуманъ этотъ планъ и гениально выполненъ уже во всѣхъ основныхъ его частяхъ. Гдѣ бы ни вздумалъ теперь поселиться финляндецъ, онъ вездѣ находитъ, въ предѣлахъ своей страны, удобное, дешевое и быстрое сообщеніе. Населенію Финляндіи теперь до всего близко, до всего легко достигнута. Благодаря этому, Финляндія занимаетъ въ настоящее время въ торговомъ и промышленномъ отношеніяхъ одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ.

Пристальнѣе взгляните въ карту Финляндіи, во взаимное отношеніе между сушей и водой. Не случайно вѣдь это обиліе острововъ и у береговъ Финляндіи и въ большихъ и малыхъ его озерахъ. Здѣсь,

очевидно, должно происходить что-то особенное, какая-то борьба между сушей и водой. Да, тысячелѣтіями ведется здѣсь эта борьба, при чемъ побѣда неизмѣнно остается на сторонѣ суши. Но прежде — нѣсколько словъ о водѣ внутри Финляндскаго полуострова.

Вотъ, напримѣръ, озеро Сайма, чаще другихъ посѣщаемое русскими. Очертаніе береговой линіи такъ фантастично, развертывающіяся одна за другою панорамы такъ неожиданны и разнообразны, наконецъ, самое озеро такъ необъятно, многовѣтвисто и разбросано во всѣ стороны, что разомъ охватить и нарисовать полную и цѣльную картину Саймы — дѣло невозможное. Масса воды, тѣсняемая со всѣхъ сторонъ островами, полуостровами и мысами, то вдругъ разбрасается во всѣ стороны цѣлою системой рукавовъ, то разобьется на цѣлую цѣпь большихъ и малыхъ бассейновъ самой прихотливой формы. А какое восхитительное разнообразіе острововъ! Бугры или холмы разной величины и вида, почти правильной формы пирамиды и конусы и, наконецъ, просто узенькія полоски суши, дерзко вынырнувшія изъ воды на нѣсколько футовъ среди обширнаго водоема, вотъ-вотъ, кажется, готоваго поглотить ихъ, все это или разбросано въ живописномъ безпорядкѣ или расположено довольно правильными группами; все это искрится, блеститъ и играетъ на солнцѣ разными оттѣнками гранита и въ то же время поросло лѣсомъ, яркая зелень котораго такъ чудно гармонируетъ съ чистою, зеркальной поверхностью воды.

Черты красоты Саймы такъ характерны, что, побывавъ разъ на этомъ озерѣ, вы не забудете его во всю жизнь. А вотъ и еще одна изъ важныхъ его чертъ.

Обильное, переполненное водою, озеро Сайма переливается черезъ край въ юго-восточномъ углу, образуя рѣку Вуоксу, представляющую собой какъ бы сплошную цѣпь проточныхъ озеръ, прерванную бурнымъ водопадомъ Иматрой и цѣлымъ рядомъ большихъ и малыхъ пороговъ.

Берега Вуоксы, удаленные другъ отъ друга на 160 саженой, быстро начинаютъ сближаться, становясь, наконецъ, на разстояніи саженой двадцати другъ отъ друга сплошными гранитными, почти отвѣсными, стѣнами. Наклонъ ихъ отъ сѣвера къ югу ясно замѣтенъ. Въ это-то узкое и наклонное ущелье и устремляется многоводная Вуокса, какъ бы именно затѣмъ, чтобы показать людямъ все красóты, какія только могутъ быть свойственны водѣ. Здѣсь, на протяженіи болѣе четверти версты, вода ниспадаетъ съ высоты не менѣе девяти саженой, но не сплошнымъ обрывомъ, не такъ, какъ падаетъ вода, срываясь съ отвѣсной скалы, а распавшись на пять, ясно выраженныхъ, послѣдовательныхъ водопадовъ, имѣющихъ въ общемъ видъ водяной горы.

Это Иматра, единственный въ своемъ родѣ сложный водопадъ, необычайно быстрый, бурный и обильный водою. Гдѣ бы вы ни представили себѣ поперечный разрѣзъ водопада, въ секунду времени проносится черезъ него около пяти милліоновъ ведеръ воды. Это такое обиліе воды, такая ужасающая быстрота, какой невозможно даже и представить себѣ! Неровности дна, гдѣ, помимо уступовъ, множество разорванныхъ утесовъ, обрывовъ, глубокихъ трещинъ, впадинъ и т. п., придаютъ этому гигантскому каскаду чарующую, оше-

ломлящую прелесть. Бѣшено мчится вода съ уступа на уступъ, пѣнится и бурлитъ, образуя водовороты, взвивается волнами въ нѣсколькой сажени, яростно бросающимися то другъ на друга, то на гранитные берега, поднимая при этомъ брызги сажени на три въ вышину и заставляя сотрясаться эту сплошную скалу. А какое изумительное разнообразіе! Нѣтъ момента, нѣтъ пункта, чтобы можно было наблюдать совершенно тождественную картину воды: форма волнъ, ихъ размѣры и очертанія, водовороты, самый видъ пѣнящейся воды здѣсь, тамъ, въ другомъ мѣстѣ,—все это новое, новое и новое! На гребнѣ пѣнистыхъ волнъ, въ брильянтовыхъ брызгахъ, ниспадающихъ непрерывнымъ дождемъ въ разныхъ мѣстахъ водопада, наконецъ въ водяной пыли, стоящей едва замѣтною дымкой надъ всѣмъ водопадомъ, тысячами цвѣтовъ, тоновъ и оттѣнковъ играетъ и переливается радуга...

Невыразимо-величественная картина природы!.. Бурное рокотаніе каскада, слышимое въ тихую ночную пору вереть на шесть кругомъ, рѣшительно завладѣваетъ вашимъ вниманіемъ, заставляеть вслушиваться и вдумываться въ этотъ грозный голосъ природы, какъ бы рассказывающій вамъ длинную исторію о томъ, какими усиліями проложилъ себѣ этотъ бѣшенный потокъ дорогу къ перевозданной горной породѣ. Самый же видъ каскада, клекочущаго и бурлящаго на тысячу ладовъ, имѣеть что-то магически-притягивающее васъ къ себѣ, властвующее надъ вами, поработящее васъ своимъ величіемъ.

— Такъ въ чемъ же, однако, проявляется побѣда суши надъ водою?—спросить читатель.

Когда ѣдешь къ Сайминскому озеру, старики-финны то-и-дѣло указываютъ: „Вотъ тутъ лѣтъ 25 тому назадъ могли пароходы проходить, а теперь острова; вонъ тамъ лѣтъ десять тому назадъ начали прорѣзываться острова; вотъ эта коса была прежде островомъ, а теперь соединяется съ берегомъ; вонъ тѣ острова были голымъ камнемъ, и нѣтъ еще двѣнадцати лѣтъ, какъ на нихъ занялся лѣсъ“. И много въ этомъ же родѣ можно услышать интересныхъ замѣчаній.

Всѣ они сводятся къ тому, что суши постепенно прибываютъ да прибываютъ въ Финляндіи за счетъ воды. Что это означаетъ? чѣмъ объясняется такая прибыль? что происходитъ въ этой странѣ камня и тысячи озеръ?

Наблюденіями людей ученыхъ, производящимися въ разныхъ мѣстахъ Финляндіи въ теченіе ста-пятидесяти лѣтъ, уже вполне доказано, что дѣйствіемъ подземныхъ силъ материкъ всего этого полуострова безостановочно поднимается и поднимается. Для разныхъ пунктовъ Финляндіи скорость подъема суши не одинакова; во всякомъ случаѣ, она не менѣе двухъ футовъ и не болѣе шести футовъ въ столѣтіе. Значитъ, если заглянуть за тысячу лѣтъ впередъ, то при условіи продолженія подъема суши въ томъ же размѣрѣ, какъ это происходитъ теперь, весь материкъ будетъ приподнятъ отъ 20 до 60 футовъ надъ уровнемъ моря.

Этотъ подъемъ во многомъ весьма существенно измѣнитъ характеръ Финляндіи. Размѣръ, на примѣръ, внутреннихъ водъ страны замѣтно сократится; море уйдетъ верстъ на десять отъ нынѣшнихъ береговъ,

такъ что нынѣшніе приморскіе города должны будутъ или передвинутся за уходящимъ моремъ или стать внутренними неприморскими городами. Наоборотъ же, общее пространство финляндской суши увеличится почти на треть, полей и луговъ—въ три раза, а болотъ останется менѣе трети нынѣшняго ихъ размѣра. Нѣкоторыя изъ озеръ совершенно пересохнутъ, обратятся въ плодородныя ложбины, на которыхъ появятся сѣла и города, рощи, поля и луга. Нѣкоторыя изъ ближайшихъ къ берегу острововъ станутъ холмами; проливы же, отдѣляющіе ихъ въ настоящее время отъ берега, обратятся въ долины съ роскошными полями и лугами, живописными озерами, изъ которыхъ будутъ выходить болѣе или менѣе бурные потоки или даже грандіозныя водопады.

Напротивъ, если мы заглянемъ вдоль прошлаго Финляндіи, то, наоборотъ, чѣмъ болѣе будемъ уходить въ глубь временъ, тѣмъ больше найдемъ преобладанія воды. Что, напримѣръ, могла представлять собою Финляндія пять тысячъ лѣтъ тому назадъ? Допуская, что подъемъ финляндскаго материка и въ то отдаленное время совершался въ такомъ же приблизительно размѣрѣ, какъ и теперь, можно рассчитать, что тогда размѣръ суши былъ вчетверо меньше, чѣмъ теперь. А это означаетъ иначе, что въ то время, вмѣсто нынѣшняго Финляндскаго полуострова, было лишь нѣсколько отдѣльныхъ полуострововъ, не успѣвшихъ еще слиться между собою въ одно, а между ними разгуливало бурное, холодное море. Въ то время Финляндія чуть не круглый годъ была покрыта льдами.

Пять тысячъ лѣтъ въ жизни человѣческой—громад-

ный періодъ; великъ онъ и въ жизни земнаго шара, давность которой совершенно точно опредѣляетъ наша православная Церковь. По ея счисленію отъ сотворенія міра протекло лишь 5508 лѣтъ до Р. Хр. Зная это, имѣя понятіе о томъ, въ какомъ несчастномъ, можно сказать, совершенно мертвомъ, одѣпенѣломъ состояніи находилась Финляндія тысячъ пять лѣтъ тому назадъ, не приходится удивляться, что Финляндскій полуостровъ, какъ страна, все еще продолжающаяся образовываться, не имѣетъ еще сплошнаго почвеннаго слоя, который бы закрылъ собою первозданную гранитную породу.

Въ Финляндіи, какъ странѣ молодой, все еще продолжается повсемѣстное образованіе почвеннаго слоя. Вы любуетесь, напримѣръ, рослымъ старымъ лѣсомъ, густо покрывающимъ какой-нибудь холмъ, на которомъ, вдобавокъ, не видно уже и обнаженнаго гранита. Но совершенно ошибочно было бы предположить, что корни деревьевъ вѣдряются въ почву на нѣсколько аршинъ, какъ это бываетъ въ русскихъ лѣсахъ. Если вамъ тутъ же попадется вывернутое бурей столѣтнее дерево, — окажется, что на его корняхъ много-много, если наберется четверти двѣ-три почвеннаго слоя. Корни едва замѣтными нитями предательски заползаютъ въ самыя малѣйшія трещины и углубленія, присасываются, такъ сказать, къ камню, болѣе и болѣе разрушаютъ физическую связь между его частями, разрыхляютъ камень и, такимъ образомъ, добываютъ необходимую для дерева пищу. Деревья прекрасно держатся на почти обнаженныхъ скалахъ, едва прикрытыхъ кое-гдѣ незначительнымъ почвеннымъ слоемъ.

Труднѣе дается эта борьба кустарнику, который ищетъ укромныхъ рвовъ и овраговъ; травянистая же растительность, какъ самая слабосильная, не могущая вести непосредственной борьбы съ камнемъ, спускается въ ложбины.

Такъ, весь финляндскій материкъ, за все продолжительное время своего существованія, не успѣлъ даже обзавестись въ должной степени и почвеннымъ слоемъ, то тѣмъ менѣе возможности было ему припасти для человѣка другихъ естественныхъ богатствъ въ видѣ, на примѣръ, каменнаго угля, каменной соли и мѣла, не говоря ужъ о золотѣ, серебрѣ и проч. Чтобы могли накопиться такія богатства, требуется еще такой громадный промежутокъ времени, до котораго мы конечно дожить не можемъ. Такимъ образомъ замѣчательно красивая, живописная финляндская природа до крайности бѣдна. Гранитъ, лѣсъ и вода, вода, гранитъ и лѣсъ, — вотъ и все видимое, естественное богатство страны.

Но какъ же живутъ въ такой бѣдной странѣ? Какъ ни старательно занимаютъ финляндцы земледѣліемъ, но они все еще не въ состояніи прокормиться собственнымъ хлѣбомъ. Тщательно обрабатывая землю, финляндцы дѣятельно увеличиваютъ также и размѣръ пахоты и луговъ не только осушеніемъ болотъ, но и спускомъ озерной воды, заставляя, такимъ образомъ, озера уступать человѣку часть занимаемой имъ земли. Вслѣдствіе этого количество прикупаемаго Финляндією хлѣба годъ отъ году уменьшается, но прикупать, однако, приходится ежегодно.

Выходитъ, что, по бѣдности мѣстной природы, фин-

ляндцамъ приходится покупать все, начиная съ хлѣба и соли и кончая благородными металлами (т. е. золотомъ и серебромъ) для выдѣлки (чеканки) монеть.

Но что же могутъ продавать финляндцы, если природа ихъ такъ бѣдна? Вотъ тутъ-то и сказалась великая мудрость финляндцевъ, необычайная ихъ энергія въ борьбѣ съ суровою природой, которая даетъ право жить здѣсь только сильному, слабое же обрекаетъ на смерть. Финляндцы пускаютъ въ ходъ, т. е. продаютъ рѣшительно все, что только даетъ имъ убогая родная страна и что можетъ быть создано усиліями человѣка, какъ-то: гранитъ, лѣсъ, смолу, мохъ, ягоды, корзинныя и разныя другія кустарныя издѣлія, дичь, рыбу, раковъ и молочные продукты (масло, сыръ и проч.), наконецъ, произведенія весьма разнообразной и очень сильно развитой фабрично-заводской промышленности.

Все это вывозится изъ Финляндіи въ другія страны въ громадныхъ количествахъ и, несмотря на ничтожную цѣнность такихъ, напримѣръ, продуктовъ, какъ мохъ, брусника, клюква, черника, корзинныя издѣлія и раки, — даже одни эти продукты даютъ ежегодно финляндцамъ десятки милліоновъ рублей. Общій же вывозъ изъ страны обильно обезпечиваетъ ее всѣмъ необходимымъ и ставитъ Финляндію въ число наиболѣе богатыхъ странъ. Добываніе средствъ такимъ путемъ, дѣлающее большую честь финляндцамъ, требуетъ, понятно, громадныхъ усилій, обращающихъ всю жизнь населенія этой маленькой страны въ одинъ непрерывный трудъ.

Ради успѣха неустанной борьбы съ суровою природою финляндцы не скучиваются, какъ у насъ въ Рос-

сіи, въ большія села и многонаселенные города, а болѣе и болѣе разбрасываются по странѣ, забираясь всюду, гдѣ только есть хоть малѣйшая возможность создать какую-нибудь отрасль торговли и промышленности. Большую рѣдкость, напримѣръ, составляютъ поселки въ 6—8 дворовъ; обыкновенно же живутъ „починками“ (вновь образующимися селеніями) въ два-три двора.

Малонаселенность городовъ вызываетъ, съ непри-
вычки, даже удивленіе. Такъ, Гельсингфорсъ—главный
городъ Финляндіи—имѣетъ около 40,000 жителей; въ
Або насчитывается около 23,000 жителей. Даже и эти
города, не говоря ужъ о другихъ, еще менѣе населен-
ныхъ, могутъ показаться, съ нашей русской точки
зрѣнія, просто „городишками“. Но въ дѣйствительности
это совсѣмъ не такъ. Одна многонаселенность сель
и городовъ ровно еще ничего не значить: есть нѣчто
несравненно болѣе высокое и болѣе важное многона-
селенности—*народная предприимчивость*. Наберется не
мало русскихъ городовъ, съ населеніемъ свыше 100,000
человѣкъ, которые положительно не могутъ идти въ
сравненіе съ малонаселенными финляндскими городами,
положительно поражающими высокимъ развитіемъ и
разнообразіемъ торгово-промышленной дѣятельности.

Вотъ, напримѣръ, малонаселенные по нашему рус-
скому счету приморскіе финляндскіе города: Выборгъ
(менѣе 15,000 жителей), Улеаборгъ (не болѣе 10,000
жит.), Ваза, или Николайштадтъ (менѣе 7,000 жит.) и
Торнео (до 1,000 жит.); всѣ они въ отдѣльности и
совокупности ведутъ буквально всесвѣтную торговлю.
Ихъ прекрасныя парусныя и паровыя суда съ одина-

ковымъ удобствомъ посѣщаютъ главнѣйшіе приморскіе торговые города какъ всѣхъ европейскихъ странъ, такъ и всѣхъ частей свѣта, до Америки и Австраліи включительно.

Отъ приморскихъ финляндскихъ городовъ не отстаютъ и внутренніе города. Словомъ, мы видимъ въ этой странѣ громадную предпримчивость, которой положительно нельзя не удивляться, тѣмъ болѣе, что Финляндія въ сущности очень маленькая страна,—опять-таки по нашей, русской, мѣркѣ.

Финляндія занимаетъ около 324,000 кв. верстъ. Значить, страна эта менѣе Вологодской губерніи, площадь которой составляетъ около 353,350 квадратныхъ верстъ, и далеко менѣе половины Архангельской губерніи, протяженіе которой равняется 740,366 квадратнымъ верстамъ. Населеніе же въ Финляндіи считается немного болѣе 2.100,000 человѣкъ, тогда какъ въ Россіи есть много губерній, численность населенія которыхъ превышаетъ эту цифру.

Маленькая Финляндія, называемая иначе великимъ княжествомъ Финляндскимъ, подвластна Россіи почти уже 80 лѣтъ. Княжество это подраздѣляется на восемь губерній, въ которыхъ считается въ общей сложности до сорока городовъ, и каждый изъ этихъ городовъ, какъ бы онъ ни былъ малъ, непремѣнно играетъ болѣе или менѣе замѣтную роль въ торгово-промышленномъ отношеніи, то улучшая производство, то изобрѣтая новые предметы торговли, то отыскивая въ чужихъ краяхъ новые рынки для сбыта всего того, что даетъ бѣдная мѣстная природа и что позволяетъ поча приготовить человѣку своими руками.

Предпримчивость этой маленькой сторонки просто изумительна. Но такое великое благо, какъ народная предпримчивость, не является само собою на свѣтъ: она бываетъ лишь спутницей образованія, которое освѣщаетъ предъ нею путь, вооружаетъ ее всѣмъ необходимымъ для борьбы и умѣло направляетъ впередъ и впередъ къ завоеваніямъ все большаго успѣха.

Финляндія, дѣйствительно, очень образованная страна. Все мужское и женское населеніе страны поголовно грамотно и исповѣдуетъ христіанскую вѣру. Прошло болѣе полувѣка уже, какъ между кореннымъ населеніемъ этой страны (финнами, шведами и лопарями) вовсе нѣтъ ни безграмотныхъ ни язычниковъ. Вся Финляндія, можно сказать, покрыта средними и низшими училищами, и каждый, желающій обучаться наукамъ или какому-нибудь ремеслу, находитъ свободный доступъ въ школу. Кромѣ того, маленькая Финляндія имѣетъ слѣдующія высшія учебныя заведенія: университетъ, училища мореплаванія, кораблестроенія и технологіи, высшее сельско-хозяйственное училище и, наконецъ, политехникумъ, т. е. такое учебное заведеніе, въ которомъ обучаютъ наукамъ, необходимымъ для устройства фабрикъ и заводовъ, постройки желѣзныхъ дорогъ и проч.

Но и это еще не все. Чтобы бѣдность не мѣшала маленькимъ дѣтямъ научиться грамотѣ, по деревнямъ ходятъ учителя, которые и обучаютъ дѣтей чтенію, письму и счету, такъ что имъ не надо и въ школу ходить. Чтобы бѣдность не мѣшала взрослымъ людямъ научиться ремесламъ, изъ деревни въ деревню переходятъ учителя другого рода, обучающіе желающихъ

ремесламъ. Наконецъ, по деревнямъ же развѣзжаютъ и особаго рода учительницы, которыя обучаютъ деревенскихъ женщинъ, какъ нужно ухаживать за домашнимъ скотомъ и обращаться съ молокомъ, чтобы получить изъ него наибольшую прибыль.

Вотъ потому-то и спорится въ рукахъ финляндцевъ всякая работа, что они вооружены грамотностью и практическими знаніями, необходимыми въ хозяйственномъ быту. Знаніе и есть та чудесная созидательная сила, которая на каждомъ шагу поражаетъ въ Финляндіи. Знаніе въ сотни разъ увеличиваетъ силы этой горсти населенія, разбросанной по суровому краю. Жестокая природа разъединила между собою населеніе, а знаніе дало ему возможность объединиться и научило его сообща работать на пользу общую: прокладывать лучшія въ мірѣ шоссеиныя дороги, густой сѣтью покрывающія всю эту страну, сооружать грандіозные каналы, строить прекрасныя желѣзныя дороги, создавать новыя и новыя производства и т. д.

Гдѣ бы ни поселился финляндець, (онъ, благодаря своимъ знаніямъ, толково, съ пользой для себя и другихъ, добываетъ себѣ средства изъ всего, что падаетъ ему подъ руку. Камень, дерево, прутья, кора, растительное волокно, волосъ, шерсть, щетина, кожа, рогъ, кость, раковины, рыба и раковая чешуя,— все это въ умѣлыхъ рукахъ сельскаго ремесленника обращается въ разныя подѣлки, имѣющія недурной сбытъ. Только при помощи такой замѣчательной опытности и умѣлости въ трудѣ оказалось возможнымъ для финляндцевъ создать себѣ безбѣдное существованіе тамъ, гдѣ природа какъ бы намѣренно рассчитала все, чтобы

уморить челоѣка голодною смертью. Сознавая истинную цѣну образованія, какъ самой могущественной силы въ жизни народа, финляндцы считаютъ образованіе главною, первѣйшей потребностью жизни и не жалѣютъ средствъ на большее и большее распространеніе его въ массѣ населенія. И замѣчательно, что этотъ расходъ очень быстро возвращается сторицею — въ видѣ явнаго роста народной производительности и торговли, замѣтнаго улучшенія народнаго благосостоянія.

Нужно замѣтить, что въ недалекомъ еще прошломъ Финляндія страшно голодала. Такъ, въ 1808 и 1809 годахъ изъ 900,000 челоѣкъ, составлявшихъ тогда населеніе Финляндіи, умерло отъ голода 105,000 челоѣкъ. Начиная съ этого, можно прослѣдить, какъ, по мѣрѣ возрастанія расходовъ на нужды просвѣщенія, т. е., по мѣрѣ распространенія образованія въ населеніи, постепенно улучшалось народное благосостояніе. И, наконецъ, въ настоящее время Финляндія, достигнувъ высокаго уровня образованности, представляетъ уже страну, не только вполне благоустроенную, но и замѣчательную по своему достатку и зажиточности.

Зажиточность финляндцевъ чувствуется на каждомъ шагу, но не бросается, однако, въ глаза, потому что они живутъ очень скромно. Попадешь ли въ большой или маленькій финляндскій городъ, онъ не поразитъ ни затѣйливостью и богатствомъ построекъ, ни ихъ громадностью. Но маленькіе, одно и двухъ-этажные домики, деревянные или каменные, довольно широко другъ-отъ-друга поставленные, обильно укутанные зеленью, замѣчательно опрятно содержимые, имѣютъ весь

ма нарядный видъ и производятъ чрезвычайно пріятное впечатлѣніе своей изящною простотой.

Эта же черта свойственна и всей сельской Финляндіи. Выберите самую бѣдную избушку и войдите въ нее. Васъ не оттолкнутъ неряшество, неопрятность, зловошіе: все чистенько, прибрано и даже уютно. Будь это даже убожество—вамъ не противно будетъ сидѣть на безукоризненно чистой лавкѣ, скамьѣ или табуреткѣ. Столъ, покрытый грубою полотняной скатертью, не помѣшаетъ вашему аппетиту. Деревянная и глиняная посуда такъ безукоризненно чиста, что вамъ не вздумается перемывать ее. Въ самомъ отдаленномъ углу Финляндіи едва ли можно найти семью, у которой не было бы библіи или, по крайней мѣрѣ, новаго завѣта. Воскресный день свято чтился. Въ этотъ день старѣйшій въ родѣ читалъ слово Божіе,¹ остальные же члены семьи внимали ему.

Поселки — будетъ въ нихъ много или мало дворовъ—производили пріятное впечатлѣніе своимъ опрятнымъ видомъ, улицы и проулки выметены; около дворовъ нѣтъ навозныхъ кучъ. Дворы, огороды, поля, луга и даже лѣсъ обыкновенно обгорожены. И чѣмъ болѣе углубляешься внутрь страны, тѣмъ болѣе поражаетъ этотъ порядокъ и чистота, доведенные почти до изящества, особенно строго соблюдалось это въ отношеіи одежды. Какъ бы ни былъ бѣдно одѣтъ поселянинъ, костюмъ его безупречно опрятенъ.

Это уже такая степень народнаго развитія и образованія, которыя переходили въ благовоспитанность. Дѣйствительно, финляндцы — народъ трезвый и замѣчательно честный. Ни въ городахъ, ни въ деревняхъ

никогда не бывает на улицахъ безшабашнаго разгула, непривычнаго шума, дракъ и проч. Воровство, грабежъ, а тѣмъ болѣе разбой, представляютъ въ высшей степени рѣдкое явленіе и почти совсѣмъ неизвѣстны въ этой странѣ. Каждый простой сельскій финляндецъ держитъ себя съ большимъ достоинствомъ: онъ ни самъ не оскорбитъ другого и не позволить другому оскорбить себя, потому что сознаетъ свои человѣческія права и обязанности.

Каждый поселокъ—въ какой бы дали онъ ни находился—хорошо знаетъ, что такое газета. Онъ непременно получаетъ маленькую, дешевую мѣстную газетку, по которой слѣдитъ за тѣмъ, что дѣлается на Божьемъ свѣтѣ. Черезъ эту же газетку онъ узнаетъ, какія въ данный моментъ цѣны на разные продукты и кому можно сбыть имѣющіеся запасы. Въ Финляндіи большой запросъ на печатное слово; въ этой маленькой странѣ, кромѣ книгъ, выходятъ въ годъ болѣе шестидесяти періодическихъ изданій, т. е. газетъ и журналовъ, что очень много для двухмилліоннаго населенія.

Поэтому въ Финляндіи совершенно нѣтъ того, что называется захолустьемъ, куда не доходитъ вѣстей о томъ, что дѣлается на Божьемъ свѣтѣ. Куда бы вы ни забрались въ этой странѣ, вы будете чувствовать, что находитесь въ образованной странѣ. Наилучшее состояніе дорогъ, видъ селъ и городовъ, поведеніе населенія и его образъ жизни—все это само собою уяснитъ вамъ, что вы имѣете дѣло съ образованною страной и образованными людьми.

Финляндцы—народъ молчаливый, сосредоточенный. Но несмотря на угрюмый видъ, носящій на себѣ какъ

бы отпечатокъ вѣшней природы, они отличаются большою добротой и глубокой сердечностью. Главная же отличительная черта финляндцевъ — непоколебимая твердость характера, чѣмъ они какъ бы соперничаютъ съ своими гранитными скалами. Финляндца очень трудно вывести изъ себя: онъ до этого достаточно благовоспитанъ, умѣетъ владѣть собою и сдерживать себя; но будучи выведенъ, наконецъ, изъ терпѣнія, онъ бѣшенъ и грозенъ, какъ водопадъ.

ПЕРВЫЙ МОРОЗЪ.

(П. Пейверинта).

Была середина августа. Мнѣ понадобилось по дѣламъ отправиться въ одну изъ самыхъ глухихъ мѣстностей Финляндіи, еще не прорѣзанныхъ дорогами. Пришлось итти поневолѣ пѣшкомъ. Разъ, такъ пробираясь, и подъ вечеръ наткнулся на покачнувшійся отъ ветхости крестьянскій „дворъ“. Войдя въ домъ, я, послѣ обычныхъ привѣтствій, попросилъ у хозяевъ ночлега. Отказа, конечно, не было.

Въ домикъ я засталъ слѣпого старика, старуху и нѣсколько ребятишекъ, еще не вышедшихъ изъ „бездштатнаго“ возраста. Старики, очевидно, были дѣдушкой и бабушкой, и первый изъ нихъ пользовался, повидимому, самой горячей привязанностью своихъ

внучать. То и дѣло дѣти вскакивали къ нему на колѣни, трепали его сѣдые волосы и бороду, гладили и цѣловали его морщинистое лицо.

Разговоръ между мною п старикомъ начался съ обычныхъ разспросовъ: кто я, откуда, зачѣмъ? потомъ сдѣлался нѣсколько оживленнѣе.

— Вы живете здѣсь постоянно?— спрашиваю я.

— Постоянно.

— Домику-то у васъ, поди, стукнуло не мало лѣтъ?

— Да, почитай, лѣтъ сотня,—еще покойный отецъ строилъ.

— Ну, и вамъ пришлось здѣсь довольно поработать?

— Всего бывало.... Казалось, слѣдовало бы дойти до чего-нибудь хорошаго!—Оно, пожалуй, такъ бы и было, если бы подъ бокомъ не было недобраго гостя—мороза. Морозъ, нѣтъ-нѣтъ, да и заглянетъ не въ пору, такъ и прощай все, не то, чтѣ у сосѣдей. Къ нимъ ходитъ онъ, да все-таки рѣже; а у насъ вся бѣда въ томъ, что обокъ—болото. Съ такимъ сосѣдомъ нашему двору въ одиночку то и не подъ силу! Пока не осушимъ болота, все будетъ, какъ было: морозъ останется у насъ частымъ гостемъ.

Дѣдъ проговорилъ это, видимо сильно озабоченный своими словами.

Погода стояла дѣйствительно холодная; весь день дула крѣпкая сиверка.

— Когда шли сюда, вѣтеръ былъ съ полуночи?—обратился ко мнѣ дѣдъ.

— Да, съ сѣвера; но, кажется, какъ-будто начинало теплѣть.

— О, кабы такъ!—и старикъ глубоко вздохнулъ.

— У васъ семья большая?—спрашиваю я послѣ короткаго молчанія.

— Въ живыхъ четыре сына.

— И всѣ женаты!

— Трое, да одинъ еще холостъ.

— Гдѣ-жъ они?

— Новъ поднимаютъ, корчуютъ и жгутъ пни.

— Къ ночи вернутся, конечно?

— О, вернутся! вчера еще ушли!

— А невѣстки гдѣ?— съ дѣтьми?

— Да, тамъ же, вмѣстѣ на работѣ.

Мнѣ хотѣлось продолжать свои разспросы, но односложные отвѣты способны были отбить всякую охоту. Старикъ очевидно былъ не въ духѣ; какая-нибудь тяжелая забота лежала у него на сердцѣ. Тутъ ужъ, понятно, не до болтовни! Впрочемъ, дѣлаю еще попытку.

— А въ жизни-то, пожалуй, пришлось вамъ испытать много?

— Всего было вдоволь! Господь Богъ посылаетъ испытанія, но Онъ милосердъ и не покидаетъ вовѣки!— прибавилъ дѣдъ какимъ-то особенно торжественнымъ голосомъ.

Мнѣ показалось сразу, что эти слова не его; дѣйствительно, я припомнилъ, что это одно мѣсто изъ стихотворенія „Крестьянинъ Паво“ Рутндерга, и съ живостью обратился къ старику:

— Откуда вы взяли эти слова: изъ книги или слышали гдѣ?

— Угадали.... Мой сынъ Матти выроетъ книгу изъ подъ земли, если нужно. Онъ-то все и читаетъ мнѣ надосугъ! О, въ Матти вся моя радость! Много хоро-

шихъ часовъ даетъ онъ мнѣ, особенно, какъ примется за слово Божіе. Матти—мои глаза! Благословенъ же Господь, оставившій мнѣ слухъ!

— А вы ослѣпли давно?

— Лѣтъ съ десятокъ. Лучину щепаль и оскорёкъ попалъ въ глазъ; глазъ разболѣлся, потомъ отозвалось на другомъ,—такъ и ослѣпъ!

Молчаніе снова.

— Внуки-то, кажется, васъ очень любятъ?

— Любятъ, любятъ, да, по правдѣ, вѣдь и я ихъ люблю.

— Любовь была бы въ семьѣ, остальное—спѣлгоря. Хороша семья, гдѣ миръ да любовь!—замѣчаю я.

— Да, вѣрно!... Мы вотъ счастливы: любимъ вмѣстѣ, горюемъ вмѣстѣ; а все мнѣ, какъ большаку въ семьѣ, потяжелѣе другихъ приходится! Вотъ ужъ сколько лѣтъ у насъ сряду недородъ смѣняется недородомъ. Съ года-на-годъ приходится ѣсть одну кору, а нынѣшній годъ, пожалуй, выйдетъ еще хуже! Эрки Тинкель придетъ за долгомъ, и на уплату придется понатужиться... Можетъ-быть и удастся! Богъ милостивъ; жатва обѣщаетъ добрый урожай... Только опять начинается свѣжѣть,—вѣтеръ съ полночи! Ну, какъ морозъ, сохрани Господи! заглянеть по-старому,—прощай все! Эрки Тинкель навѣрно не пощадить; продадутъ скотинку, а скотинка одно наше спасеніе въ тяжелую годину. Сведутъ ее со двора—умирай, да и только! Мало развѣ этого? Поневоля молчишь да горюешь!

Такъ говорилъ старикъ; между тѣмъ послышался шумъ въ сѣняхъ и отворилась дверь: это возвращались

отсутствующіе члены семьи. Мнѣ захотѣлось со стороны, незамѣченнымъ сначала, приглядѣться ко всемъ моимъ хозяйкамъ, подмѣтить ихъ взаимныя отношенія. Это удалось, — стоило только отодвинуться поглубже въ уголь, куда не проникалъ свѣтъ. Легко было все слышать и видѣть, оставаясь незамѣченнымъ.

„Брр!.. брр!..“ послышалось изъ сѣней. Входятъ; каждый спѣшитъ поставить въ уголь свою мотыку, сѣкиру; народъ все молодой, веселый....

Приглядимся сначала къ „глазамъ“ старика, къ его Матти. Любитъ ли Матти отца, какъ тотъ его любитъ? Матти распозналъ я сразу. Рослый, свѣжій юноша съ голубыми глазами, лѣтъ семнадцать, съ крайне пріятной и располагающей наружностью. Да, несомнѣнно, это былъ онъ, Матти! Живо сбросилъ онъ съ себя загрязненный кафтанъ и тотчасъ обратился къ старику. Съ какимъ-то особенно сердечнымъ чувствомъ онъ сталъ обнимать его, въ то же время поглаживая рукой его сѣдые волосы.

— Чтò, сильно скучалъ, батюшка? Вѣдь два дня, какъ мы пропадали. Жаль, что ты не можешь читать, — все было бы веселѣе!

Старикъ еще не успѣлъ раскрыть рта, какъ Матти поспѣшилъ къ печкѣ и зажегъ лучину. Потомъ онъ поднялъ съ полу брошенный было имъ кафтанъ и сталъ опрастывать его карманы. Оказалась пачка газетъ. Съ ними въ рукахъ, онъ опять подошелъ къ старику:

— Смотри, у насъ опять есть что читать! Хочешь, прочту новые стихи: „Пиръ крестьянина?“ Знаю, что они придутся тебѣ по сердцу, — слушай же!...

„Только начнется недѣля, котомку за спину и въ лѣсъ, принимайся за пни.... Какъ поработаешь досыта, то-то весело и спокойно на сердцѣ и сладокъ отдыхъ у домашняго очага! Музыка у меня своя: птички поютъ около хаты; хоръ имъ подтягиваетъ: это—боръ сосновый на задворкахъ; захочется попить, — ручей подставляетъ мнѣ свою струю, а явства — хлѣбъ, правда, съ корой, да все-таки недурной, право!...“

„Но какъ постучится подъ окно сердитый морозъ, какъ тяжело вдругъ станетъ на сердцѣ! Вотъ онъ ужъ задушилъ мою золотистую ниву: колосья ржи повисли безсильно! О, горько, какъ горько, какъ голодъ придетъ въ семью! Ну, какъ не позавидовать тѣмъ счастливымъ, которымъ нѣтъ дѣла до крохотнаго зернышка, брошеннаго въ борозду, не то, что мы! Вотъ, напримѣръ, ко мнѣ, хоть и не урожай, а придетъ кредиторъ и потребуетъ уплаты всего долга полною мѣрой!“

Пока читалъ Матти, я приглядывался къ старику. Лицо его то-и-дѣло мѣняло свое выраженіе, какъ, будто ему хотѣлось выжать изъ глазъ хоть одну слезинку; онъ морщился, морщился, а все не удавалось; вмѣстѣ съ свѣтомъ изсякъ у него и источникъ слезъ,— слезъ не было больше! Правда и то, пѣсня была не изъ тѣхъ, которыя успокаиваютъ наболѣвшее сердце.... Послѣ нея, напротивъ, становится тяжелѣе на душѣ. Этого Матти и не замѣчалъ въ своемъ юношескомъ увлеченіи. Онъ только одно зналъ: пѣсня говорила о той же заботѣ, что была и у нихъ на очереди.

— Въ какой книжкѣ это написано?—спрашиваетъ, наконецъ, старикъ.

— А вотъ въ этой газетѣ: „Улеоборгскій еженедѣльникъ“,— отвѣтилъ Матти.

— Ночью, только-что отработали, какъ я во весь духъ, да въ деревню, и отъ Гейки Матыля выпросилъ газету, чуть ли не за цѣлый годъ! — Глаза Матти при этихъ словахъ такъ и засвѣтились радостью.

— А пѣснь-то чья?

— Господь знаетъ,—не подписано.

— Кто бы ни написалъ, только онъ знаетъ наше горе и не на обумъ пишетъ. Вотъ и у меня на душѣ такая же пѣснь.

И старикъ впалъ въ тяжелое раздумье. Между тѣмъ остальные члены семьи были заняты каждый своимъ дѣломъ; одни снимали мокрую одежду и развѣшивали ее передъ огнемъ, другіе вытаскивали изъ своихъ кошелокъ соль, маслянки и ставили ихъ на столъ. Жены принялись кормить грудью своихъ ребятишекъ.

— Ну, а какъ рожь? много подвинулась?—спросилъ, наконецъ, старикъ, какъ-будто очнувшись отъ своего забытья.

— Порядкомъ... недѣльки черезъ двѣ можно и жать! Рожь сильна! колосья такъ и гнутся. Если морозъ ее не убьетъ, такъ и съ Ерки Тинкелемъ разочтемся, да и чистаго хлѣба будетъ вдосталь.

— И газету свою выпишемъ,—вмѣшивается живо Матти, притуливаясь къ отцу и поглаживая его волосы и бороду.

— Двѣ выпишемъ, если одной мало! — отвѣчаетъ старикъ, сисясь улыбнуться на слова своего любимца; потомъ опять потупился. Видно, что радостное чув-

ство блеснуло и погасло вслѣдъ за своимъ появленіемъ. Забота, плодъ горькаго опыта, снова заняла свое насиженное мѣсто.

Долго всѣ молчали, потомъ опять заговорили... а старикъ:

— Ну, дѣтки, а какъ да морозъ, что тогда дѣлать... что будемъ ѣсть?

— Мы, батюшка, поспѣвшіе колосья сняли, боясь мороза; сняли столько, что зерна хватить на цѣлый посѣвъ. Хорошо ли сдѣлали? Ты самъ-то намъ объ этомъ не наказывалъ!—обратился къ отцу одинъ изъ молодцовъ.

— Ничего, хорошо! у меня и изъ головы было вонь,—думалъ, время теплое. Слава Богу, теперь хоть посѣвъ обезпеченъ.

Въ это время замѣтили и мое присутствіе. Познакомились. Разговоръ сдѣлался общимъ. Всѣ жаждали новостей,—спрашивали, что въ общинѣ, въ сеймѣ. Особенно волновался Матти. Онъ подѣлалъ ко мнѣ всѣхъ ближе, глоталъ каждое мое слово, вставлялъ свое, и всегда удачно. Онъ не походилъ на другихъ братьевъ; все, чего не понималъ, добивался уяснить себѣ тутъ же. Очевидно, онъ былъ развитѣе своихъ братьевъ, хотя и тѣ были по-своему далеко не глупы; только одна книга, очевидно, не составляла для нихъ насущной потребности, какъ для Матти.

Подошло время ужина; всѣ столпились около стола, а для меня накрыли особый столикъ въ другомъ углу. Я не могъ отговориться. Какая рѣдкая деликатность въ гостепримствѣ бѣдняка! Поужинали. На всѣхъ лицахъ появилось утомленіе. Израсходованныя силы за-

являли свои права. Семья другъ-за-другомъ расходилась по своимъ кроватямъ. Скоро стало раздаваться всхрапыванье то изъ одного, то изъ другого угла. Миѣ постлали постель въ отдѣльной избѣ. Наступило царство сна и покоя.

Дурная привычка не спать долго по ночамъ! У меня она была развита сильно. Лежишь, бывало, а прожитое днемъ мелькаетъ вновь передъ глазами; думы роятся,—отъ нихъ долго, долго, бывало, не отдѣлаешься. Въ эту ночь очередь была за моими хозяевами: ихъ заботы становились словно и моими заботами.

Что-то морозъ? Неужели онъ побьетъ и жатву и всѣ надежды и мечты семьи? Неужели пылкой жаждѣ знанія у Матти суждено заглохнуть въ тяжелой житейской нуждѣ? Горе побѣжденнымъ! Матти не выпшетъ своей газеты, его юношескія мечты не осуществятся, голодъ поселится въ хатѣ, злой Эрки Тинкель сведетъ послѣднюю корову. Будь еще у нихъ знаніе, сьумѣли бы кое-какъ справиться.... Вотъ только вздумай осушить болото—морозъ взглядывалъ бы рѣже, на мѣстѣ болота посѣяли бы кормовыя травы, можно бы завести побольше скота и перестали бы рассчитывать на одинъ зерновой хлѣбъ, то-и-дѣло побиваемый морозомъ. Старикъ былъ бы менѣ озабоченъ, а то, сколько страданій и горя! Правда, несокрушимое ничѣмъ упрямство—эта наша народная черта! Благодаря упрямству, мы не мало выдержали борьбы; но лучше, если бы тутъ же рядомъ стала и сила знанія.

А теперъ? Миѣ не хотѣлось вѣрить, чтобы морозъ не пощадилъ столько надеждъ и столько чаяній! Всѣ,

вѣдь, далеки отъ этой мысли, только одинъ старикъ опасается худшаго. Мнѣ казалось, что Провидѣніе все-таки сжалится, и что морозъ самъ отступить въ ужасѣ отъ послѣдствій, которыя онъ поведетъ за собою! Такъ мнѣ думалось, пока глаза не закрылись въ легкой дремлѣ. Я заснулъ какъ-будто.

Я замѣчалъ, что сны дѣйствительно идутъ всегда однимъ и тѣмъ же путемъ. Мысль и воображеніе продолжаютъ и во снѣ свою работу, только образы во снѣ еще ярче и живѣе, чѣмъ на яву....

Мнѣ снилась та же августовская ночь, съ тѣмъ же яснымъ небомъ. Густо заросшая нива еще гордо высила свои колосья... но, казалось, чего-то ждала тревожно; какъ-будто, слезы скатывались по стеблямъ и падали на землю. Тихо, такъ тихо кругомъ, а дышалось все тяжелѣе и тяжелѣе. Не даромъ пахло въ воздухѣ, — чуюло бѣду сердце. И вотъ, за горой, на сѣверѣ, показалось кроткое лицо мѣсяца; дальше, обокъ съ нимъ, я увидалъ высокаго сѣдого старика.... Онъ былъ съ большую сосну ростомъ; бѣлый, какъ снѣгъ, ледяной плащъ спускался съ его плечъ, а у плаща рукава и полы убраны серебристыми блестками; широкая бѣлая борода спускалась до колѣнъ, а борода и брови сверкали ледяными иглами; ледяные рукавицы и сапоги дополняли нарядъ. Старикъ шель рука-объ-руку съ мѣсяцемъ, не отставая; когда они проходили мимо меня, долетѣло и ко мнѣ нѣсколько словъ:

— Не ходи за мной, — проговорилъ тихо мѣсяць, — довольно зла, довольно! Люди ждутъ тебя съ ужа-

сомъ. Посмотри отсюда, сколько страданья на ихъ лицахъ! Они знаютъ тебя.

— Нѣтъ мнѣ дѣла до ихъ слезъ, до ихъ страданій! — ворчалъ роковой старикъ. Не мѣшай мнѣ дѣлать свое дѣло. Я братъ сѣвера; теперъ наша пора.

— Ну, такъ иди дальше на сѣверъ! Тамъ холодъ, тамъ нѣтъ людей, однѣ скалы кругомъ! — не прине- сешь туда ни горя, ни страданій, а сюда еще успѣешь вернуться. Обожди немного, найдешь еще работу: ско- вать моря и озера, сдержать ручьи въ своихъ объятяхъ, одѣть все своимъ ледянымъ покровомъ и успокоить землю и болота, развѣ этого мало для тебя?

Такъ молилъ добрый мѣсяцъ упрямаго рокового старца.

— Нѣтъ, сказалъ ужъ, что нѣтъ! — отвѣчалъ тотъ упрямо. — Такъ наказалъ мнѣ старшій братъ; я иду первый, а онъ за мной. Онъ знаетъ свое время и свое мѣсто. Нынѣшнею ночью моя первая прогулка! Нельзя сворачивать съ дороги.

Громко говорилъ старикъ, и вотъ встряхнулъ онъ своими покровами. Съ нихъ посыпались мириады искръ инея, закружившихся кругомъ въ бѣшеной пляскѣ, и стужей пахнуло на меня. Я тоже хотѣлъ замолвить слово старику: „Уходи, не приноси за собой скорби!“ но упрямецъ ничего не хотѣлъ слышать и шелъ, тя- жело ступая своими ногами, все дальше и дальше. До- шелъ онъ до домика, гдѣ ночевалъ я. „Уходи, не губи этой жатвы, — шепталъ я какимъ-то дѣтскимъ лепетомъ: — у Матти не будетъ газеты; слѣпой дѣдъ, — онъ много уже терпѣлъ на своемъ вѣку, — опять вы- нужденъ будетъ ѣсть хлѣбъ съ корой! Эрки Тинкель

неумолимо потребуетъ уплаты долга,—вся семья впадетъ въ нищету!“

Но старикъ остался глухъ къ моему молитвенному лепету. Онъ приблизился къ самому двору, сильно встряхнулъ своей одеждою, нагнулся надъ нивой идохнулъ на нее. Колосья испуганно встряхнулись, выпрямились, росинки превратились въ ледъ, стужа наполнила воздухъ, а бѣлый иней покрылъ землю.

О, Господи!—вскричалъ я громко, такъ громко, что проснулся отъ своего голоса. Какой тяжелый сонъ! Я весь дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ, и едва былъ въ состояніи двинуться съ мѣста.

Мои хозяева еще спали, солнце только-что поднималось.... Неужели мои предчувствія оправдались?...

Вотъ взошло солнце; пора было мнѣ и въ путь. Посмотримъ, что на дворѣ. Я одѣлся и вышелъ. Кругомъ было все покрыто морознымъ инеемъ. У меня потемнѣло въ глазахъ и защемило сердце, и мнѣ приходилось на себѣ испытывать борьбу съ морозомъ; я знаю его хорошо; морозъ этой ночи былъ такъ силенъ, что могъ добраться и до моего собственнаго поля; но, казалось въ эту минуту, бѣда моихъ хозяевъ была какъ-будто ближе моему сердцу.

Печальный, я пошелъ въ поле. Рожь и картофель поникли своею листвою; стебли ихъ такъ застыли, что ломались въ рукахъ, какъ стеклянные. Я взялъ нѣсколько колосьевъ и вернулся въ избу. Еще приближаясь къ домику, вижу—сѣни его отворены. Кто-то вышелъ изъ домика и спустился во дворъ. Это былъ слѣпой дѣдъ. Когда онъ дошелъ до середины двора, то опустился на колѣни и началъ ощупывать землю.

Чуть только успѣлъ дотронуться, какъ отпрянулъ съ страшнымъ крикомъ: „О, Господи! все пропало“.

Шатаясь, онъ вернулся къ крыльцу почти ползкомъ. Потомъ приподнялся и, придерживаясь стѣны, нащупалъ дверь избы. Незамѣтно я пошелъ за нимъ слѣдомъ. Дойдя до середины хаты, дѣдъ закричалъ раздирающимъ голосомъ:

— Дѣти, вставайте, что спите? Нашъ врагъ приходилъ въ эту ночь,—былъ и разорилъ все. Все, все—слышите?—все пошло прахомъ... и труды, и потъ нашъ, и наши расчеты,—все погибло!

Ударъ грома не могъ бы подѣйствовать сильнѣе этихъ словъ старика. Всѣ повскачили съ своихъ постелей и бросились торопливо одѣваться. Дѣти—и тѣ проснулись на шумъ, но никто не шелъ смотрѣть на поле; боялись оглянуться даже другъ на друга. Слова старика не нуждались въ повѣркѣ. Всѣ опустили по скамьямъ около стѣны въ какой-то нравственной истомѣ и безсиліи.

— Что будемъ теперь ѣсть?—проговорилъ старикъ.

— Бѣда съ недоимками! — вмѣшивается старшій братъ.

— А Ерки Тинкель? — отзывается другой.

— О, мои газеты! — еквозъ слезы шепчетъ Матти.

— Хлѣба, дайте хлѣбца! — начинаютъ ревѣть проголодавшіеся дѣти.

— О, Господи, дѣти, невинныя дѣти! Какъ имъ придется страдать!.. — и старикъ нѣжно обнималъ малютокъ.

— Богъ караетъ насъ! — раздался шопотъ старухи-бабушки.

— Да, Господь оставил насъ! — поддерживаетъ дѣдъ.

— Господь посылаетъ намъ испытанія, но Онъ милосердъ и не покидаетъ насъ вовѣки!—вдругъ раздается твердый голосъ Матти. Вспомните „Крестьянина Палала!“ онъ не впалъ въ унывіе, не будемъ и мы падать духомъ, попробуемъ гнать смолу, попытаемся перенести бѣду и обойдемся безъ своей газеты.

И всѣ лица вдругъ просвѣтлѣли; какъ изъ тучи блеснула своими лучами надежда.

Мнѣ мѣшать было нечего; я приготовился въ путь. Благодаря за радушный пріемъ, при прощаньѣ я успѣлъ шепнуть Матти, что онъ не останется безъ газеты, пусть только скажетъ какую, да не лѣнитесь ходить за ней въ приходъ, а газету я ему вышлю. Матти не зналъ, что и дѣлаетъ отъ радости: бросился ко мнѣ на шею, жаль руки и, наконецъ, вызвался быть моимъ проводникомъ. Выборъ газеты остановился на „Улеоборгскомъ еженедѣльномъ обозрѣніи“, къ которой онъ уже привыкъ.

Мы вышли вмѣстѣ. Его помощь оказалась далеко не лишней. Тропинки то-и дѣло переплетались между собою. Матти провожалъ меня верстъ пять. Шли, не торопясь. Много было матеріала для разговоровъ. Разстались мы, какъ старые друзья, и на прощанье крѣпко обнялись. Долго еще Матти оглядывался на меня, провожая глазами, пока я не скрылся изъ вида.

На пути я убѣдился, что морозъ захватилъ длинную и широкую полосу. Повсюду посѣвы были тронуты, картофельноччернѣлъ, а сладковато-приторный запахъ отравлялъ окрестность. Пришлось вскорѣ услышать,

какъ много пострадало людей, мнѣ близкихъ; но между ними, повторяю, несчастіе слѣпого старика все-таки было мнѣ какъ-будто ближе. Милый обликъ Матти долго нѣтъ - нѣтъ, бывало, да и встанетъ предъ моими глазами. Вернувшись домой, я спѣшилъ выполнить свое обѣщаніе — выслалъ Матти газету и вѣсколко полезныхъ книгъ.

ПОѢЗДКА КЪ ИМАТРЪ.

(С. Меча).

I.

Въ 6 часовъ вечера 16 іюня 1877 года я выѣхалъ изъ Петербурга по желѣзной дорогѣ въ Выборгъ.

Уже на вокзалѣ дороги повѣяло на меня чѣмъ-то чужимъ, незнакомымъ. Всюду, рядомъ съ русскими объявленіями и надписями, бросаются въ глаза другія, написанныя на шведскомъ и финскомъ языкахъ; дорожная прислуга едва говоритъ по-русски, но необычайно вѣжлива и предупредительна.

Заплатилъ я полтора рубля и сѣлъ въ вагонъ 3-го класса. Смотрю—все отмѣнно опрятно, хотя и просто. Стѣны и лавки такъ и лоснятся масляною краской; подумаешь, что все это сдѣлано только вчера.

Поѣхали тоже не по-русски. Поѣздъ идетъ быстро и ровно, съ точностью хронометра приходитъ на стан-

ціи, стоить на нихъ ровно, сколько назначено по расписанію, и подходитъ къ Выборгской платформѣ какъ-разъ въ тотъ моментъ, когда часы показываютъ 9 часовъ 50 минутъ. Отъ Петербурга до Выборга 120 верстъ,—значить, мы проѣзжали больше 30 верстъ въ часъ: скорость, которою насъ балуютъ въ остальной Россіи за большія деньги „курьерскіе“ поѣзда.

Бду я и посматриваю въ окна. Проѣхали уже нѣсколько станцій, но въ окружающей природѣ нѣтъ ничего новаго: та же равнина, какъ гдѣ-нибудь въ Тверской губерніи, и на ней лѣсъ и лѣсъ.

Но за то въ людяхъ перемѣна. вмѣсто родного языка слышится въ вагонѣ и на станціяхъ непонятное нарѣчіе, которому внемлешь съ неудовольствіемъ, ибо видишь кругомъ знакомую природу, гдѣ съ дѣтства привыкъ слышать русскую рѣчь. Эти кудрявыя, бѣлоствольныя березы; эти прямыя, какъ свѣчи, сосны; эти цвѣты, что разсыпаны по полю; эта необъятная для взора равнина — какъ все это знакомо и дорого мнѣ! Какъ непріятно рѣжетъ ухо диссонансъ между шопотомъ милаго лѣса и чуждымъ мнѣ говоромъ бѣлокураго, бѣлоглазаго финна.

Вотъ вошли въ вагонъ два пьяныхъ финскихъ крестьянина; послѣ нихъ явилось еще двое такихъ же. Какой жалкій у нихъ видъ! А если бы вы видѣли, съ какимъ вниманіемъ относится къ нимъ кондукторъ, какъ онъ заботится о сохраненіи вещей ихъ, какія мѣры принимаетъ для того, чтобы пьяные пассажиры не проспали станціи, до которой ѣдутъ! Этотъ кондукторъ — самъ финнъ и въ этихъ растрепанныхъ мужичонкахъ видитъ родныхъ своихъ братьевъ.

Мы проѣхали станціи: Удѣльную, Шувалово, Парголово, Левашово, Бѣлоостровъ, Теріоки, Райвала, Нюкирки, Паркяви и Голицыно, а въ окружающемъ ландшафтѣ нѣтъ ничего новаго. Но отъ Голицына до Сейнію и отъ Сейнію до Выборга вамъ уже ясно, что вокругъ васъ не Тверская губернія, а какой-то другой, незнакомый край. Почва хотя и остается все тою же песчаною и глинистою, но здѣсь она буквально усѣяна гранитными камнями развой величины, начиная съ очень маленькихъ до гигантовъ съ крестьянскую избу. Эти сѣрые угловатые „валуны“ неуклюже торчатъ изъ земли посреди лѣса, какъ бы сознавая, какъ странны они посреди такой вовсе не гористой мѣстности.

Занятый разсматриваніемъ картины, мелькавшей мимо оконъ вагона, я и не замѣтилъ, какъ прошло время, и мы пріѣхали въ Выборгъ. Беру чемоданъ, выхожу на крыльцо вокзала, вижу—стоятъ ряды довольно приличныхъ экипажей. Думаю — извозчики. Подхожу къ одному изъ нихъ: „Вези, — говорю, — въ гостиницу, какая получше“. Не понимаетъ. Я къ другому—то же самое. „Вотъ тебѣ, — думаю, — и путешествіе по Россіи!“ Наконецъ, нашелся такой возница, который догадался, чего я хочу. Но этотъ посылаетъ меня за какимъ-то билетомъ. „Билетъ, билетъ!“—твердитъ онъ на всѣ мои вопросы и доводы, указывая на стоящаго при вокзалѣ полицейскаго. Я къ нему: „Что за билетъ такой нужно мнѣ взять для того, чтобы получить право ѣхать на извозчикѣ?“ Оказывается, что полицейскій забралъ у всѣхъ стоявшихъ здѣсь извозчиковъ ихъ жестяныя бляхи съ номерами и выдаетъ ихъ пріѣзжимъ, какъ

гарантию на худой конецъ. Взялъ я бляху, иду къ извозчику. „Сколько,—спрашиваю,—ты съ меня возьмешь?“—„30 пенни“,—отвѣчаетъ финнъ. Я, конечно, ничего не понимаю. „Да ты мнѣ скажи, сколько копеекъ,—я твоихъ пенни не знаю“. А онъ плохо знаетъ мои копейки. Я опять къ полицейскому. Тотъ посоветовалъ мнѣ ѣхать въ гостиницу „Стокгольмъ“, какъ ближайшую, и дать извозчику гривенникъ.

Пріѣхалъ я въ „Стокгольмъ“, который оказался совсѣмъ близехонько, и нанялъ чистый номерокъ за три марки въ сутки. Финская марка должна по настоящему равняться 25 к., но при нынѣшнемъ упадкѣ цѣнности нашихъ денегъ она равна цѣлымъ 36 копейкамъ. Марка раздѣляется на 100 пенни. Такъ вотъ что значать эти пенни,—подумалъ я, когда мнѣ объяснили финскія деньги въ гостиницѣ.

Итакъ, я нанялъ чистый номерокъ. Впрочемъ, чисто-то здѣсь хоть и чисто, хоть обои совсѣмъ новыя, хоть полъ какъ-будто сейчасъ только вымыть, а окна и двери такъ и блестятъ лакомъ и бѣлизною, но въ красивой обивкѣ дивана я открылъ цѣлыя сонмища клоповъ, а въ одномъ углу комнаты лоснился, „какъ черносливъ“, большой тараканъ.

Пока это еще Россія!—подумалъ я съ удовольствіемъ.

II.

Губернскій городъ Выборгъ, по-фински Viipuri, расположенъ въ концѣ обширной бухты или, вѣрнѣе, фіорда и отъ него до Финскаго залива далеко—версть 30. Фіордъ очень красавъ, особенно тамъ, гдѣ онъ

расширяется, на окраинахъ города. Но напрасно стали бы вы искать въ немъ признаковъ моря: вода его совѣмъ прѣсная и нѣтъ въ ней ни морскихъ травъ, ни странныхъ рыбъ, ни красивыхъ раковинъ, которыхъ я ожидалъ, вспоминая счастливые дни, нѣкогда проведенные мною въ Тавридѣ. Нѣсколько парусныхъ судовъ и небольшихъ пароходиковъ покачивались на его волнахъ. Мнѣ хотѣлось набросать въ альбомъ видъ двухмачтовой шкуны, стоявшей возлѣ самаго берега. Увидя, что я рисую, медлительный, бѣлокурый шведъ тотчасъ же озаботился привести реи и снасти въ надлежащій порядокъ и потомъ долго смотрѣлъ на мою работу, какъ бы слѣдя, вѣрно ли я передаю дорогой ему корабликъ.

На маленькомъ островѣ залива возвышается старинная черная башня, сложенная отчасти изъ гранита, отчасти изъ кирпича. Она построена еще шведами, Богъ знаетъ когда, и съ нея можно было обстрѣливать окрестность на большое разстояніе. Очевидно, что она защищала Выборгъ со стороны моря, а съ суши его окружаетъ рядъ укрѣпленій, сложенныхъ изъ неправильныхъ глыбъ гранита, со рвами, желѣзными воротами и проч. Прежде Выборгъ былъ перво-классной крѣпостью Финляндіи.

Большинство зданій Выборга красивы и прочны; на нихъ, какъ и на всемъ въ городѣ, лежитъ отпечатокъ какой-то добросовѣстной аккуратности и стремленія устроить свою жизнь получше и поудобнѣе. Мнѣ особенно нравятся эти деревянные, красивые дома, солидно построенные на гранитныхъ фундаментахъ. На

окнахъ цвѣты, внутри эlegantная мебель, порядокъ и чистота.

Хорошъ также и общественный садъ, который своимъ свѣжимъ видомъ такъ отлпчается отъ нашихъ московскихъ бульваровъ. Что за роскошная, яркая мурава, что за прекрасныя деревца, политыя и подвязанныя трудолюбивою рукой финна!

Но мнѣ все какъ-то странно и непривычно въ этомъ чистомъ городкѣ. Этотъ незнакомый говоръ, эти незнакомыя газеты на шведскомъ и финскомъ языкахъ, эти собаки въ намордникахъ, этотъ счетъ времени 12-ю днями впередъ, этотъ тихій, не лишенный пріятности, звонъ башенныхъ часовъ, который раздается отъ времени-до-времени, эта учтивость и предупредительность, которыми такъ не избалованы мы, русскіе, — все заставляетъ меня забывать, что я въ русской странѣ, всего въ какихъ-нибудь 120-ти верстахъ отъ столицы русскаго государства.

Ночи стоятъ здѣсь тоже для меня невиданныя; я совсѣмъ забылъ, что значить ночь, точно достигъ сѣвернаго полюса, какъ капитанъ Гатрасъ. Въ первомъ часу можно свободно писать безъ всякаго искусственнаго освѣщенія, просто сидя у окна. Съ непривычки странно взглянуть на городъ, когда часы показываютъ глубоую полночь, и видѣть, что все дома и заливъ освѣщены совершенно дневнымъ, розовымъ свѣтомъ. Ни словомъ, ни кистью нельзя передать тонкую, неуловимую прелесть этого ночного ландшафта. Небо безоблачно, но на немъ нѣтъ ни одного свѣтила—ни солнца, ни звѣздъ, ни мѣсяца, а между тѣмъ свѣтло какъ днемъ. Каждый предметъ освѣщенъ оди-

наково со всѣхъ сторонъ — и сверху и съ боковъ, какъ будто всѣ предметы сами свѣтятся собственнымъ сіяніемъ, никуда не кидая отъ себя тѣни; такъ всю ночь. Наконецъ, на сѣверо-востокъ, почти совсѣмъ на сѣверѣ, небо еще болѣе свѣтлѣетъ, алѣетъ, и вотъ медленно выкатывается изъ-за горизонта красное солнце. Оно свѣтитъ сначала такъ осторожно, такъ ласково, что можно прямо смотрѣть на него; но уже и при этомъ румяномъ свѣтѣ просыпается природа, заснувшая-было на короткое время сѣверной ночи....

III.

Вечерѣетъ. Я сижу на крылечкѣ маленькаго ветхаго домика. Наивныя, веселыя лица дѣтей, мальчиковъ и дѣвочекъ, съ восторгомъ слѣдятъ за работой моего карандаша. Дѣти смѣются, говорятъ что-то другъ другу, говорятъ что-то и мнѣ, но я не понимаю ни слова. Какъ жаль, что мнѣ не знакомъ ихъ бѣдный языкъ! тогда я узналъ бы и полюбилъ этихъ маленькихъ обитателей суровой Финляндіи. Ихъ занимаетъ, какъ на бумагѣ выходить лошадь и таратайка, которыя я срисовываю въ мой альбомъ. По ихъ крикамъ и движеніямъ я ясно вижу, что они отлично понимаютъ малѣйшую подробность моего рисунка. Вотъ я забылъ нарисовать ремешекъ у збруи, и бѣлокурый мальчуганъ, молча, показываетъ мнѣ пальцемъ на этотъ ремешекъ и смотритъ такъ серьезно, такъ вопросительно, что я спѣшу исполнить его желаніе.

Въ толпѣ совершенно бѣлокурыхъ дѣтей я вижу черноглазую дѣвочку. Я зову ее къ себѣ, показывал

знаками, что она через нѣсколько минутъ можетъ появиться у меня на бумагѣ, но она застыдилась и спряталась въ толпѣ, при громкомъ смѣхѣ окружающихъ.

Мальчуганы смѣлѣе: они уже рѣшили брать въ руки мои карандаши, перочинный ножъ и резинку. Я говорю имъ, какъ называются эти вещи по-русски; они повторяютъ: „карандашъ, карандашъ!“ слышится сдержанный шопотъ. Одинъ изъ мальчиковъ, при первомъ моемъ желаніи, сталъ передо мною неподвижно, какъ статуя, и стоялъ все время, пока я рисовалъ его. Такой славный! съ виду и не узнаешь, что не русскій.

Но близъ меня есть и взрослые, и старики, и женщины. Всѣ очень заинтересованы моею нехитрою работою. Я предлагаю папироску одному изъ нихъ, и онъ, вытаращивъ глаза, принимаетъ ее съ поклономъ.

А кругомъ, по лѣсамъ, по гранитнымъ камнямъ, идетъ гармоническій звонъ. Вотъ показалось небольшое стадо, почти у каждой коровы и овцы надѣтъ ошейникъ съ колокольчикомъ, и она тихо идетъ, вся облитая золотыми лучами солнца, и звонять, звонить...

А спустя полчаса я пью чай со старухою финнкой, принявшею меня столь привѣтливо, чай съ густыми сливками, съ незамѣнимою приправой этого тихаго, успокоительнаго воздуха.

Да, на душѣ такъ хорошо, такъ тихо. Я такъ чуждъ всему кругомъ, что могу спокойными глазами смотрѣть на бѣдность этихъ людей и на скудость ихъ природы. Что мнѣ до нихъ? Я здѣсь, какъ челоуѣкъ, спустившійся на воздушномъ шарѣ: нынче сижу съ этими

людьми и объясняюсь, какъ умѣю, завтра сѣлъ въ свою ладью—и былъ таковъ.

Какая дичь, какая глушь вокругъ! Холмистая даль, дремучіе лѣса, гранитныя, мшистыя глыбы. Какъ и чѣмъ можетъ жить человѣкъ посреди такой непривѣтной природы, въ такомъ климатѣ, почти полярномъ? Я вижу крохотныя пашни, съ трудомъ взрытыя посреди древесныхъ пней и камней и заботливо обнесенныя изгородями; я вижу небольшія луговины, тоже среди лѣсовъ и гранитовъ и тоже старательно огороженныя. Тамъ зрѣеть рожь и ячмень, но успѣютъ ли дозрѣть?.. здѣсь пасутся коровы и овцы.

Такъ, человѣкъ и здѣсь нашель средство жить впроголодь, но не умирать съ голода.

Но, вѣдь, придетъ зима, а зима здѣсь стоитъ чуть не полгода. Что тогда будетъ съ этой глушью, съ этой дичью? Что тогда будетъ дѣлать этотъ простякъ финнъ! Занесетъ снѣгомъ его избушку и поди отрывайся изъ-подъ него, а до сосѣда далеко, не то, что у насъ, гдѣ крестьяне живутъ большими деревнями. Здѣсь люди разбрелись кто-куда и живутъ маленькими кучками, домика въ два, въ три. И холодно, и голодно, и пустынно.

Но гостепріимная хозяйка приготовила уже мнѣ постель. Часы показываютъ ночь, хотя ночи нѣтъ въ дѣйствительности. Пора!

И спалъ я такъ долго, такъ крѣпко, какъ давно уже не спалъ. Высоко поднялось солнце, и жаворонки давно звенѣли и заливались въ неподвижномъ, тепломъ воздухѣ, когда я вышелъ, наконецъ, на крыльцо.

IV.

Такъ писалъ я на второй станціи по дорогѣ къ Иматрѣ, гдѣ остановился переночевать. Теперь, въ уютномъ номерѣ иматрской гостиницы, подѣ немолчный гулъ водопада, запишу все по порядку.

Двухъ дней было вполнѣ довольно, чтобы разсмотрѣть Выборгъ и его окрестности; меня тянуло дальше, въ глубь страны. И надумался я прокатиться на пароходѣ по Сайминскому каналу. Пароходъ отходить въ 8 часовъ утра. Просыпаюсь—дождь, все небо въ тучахъ. Что тутъ дѣлать? Приходилось сидѣть въ четырехъ стѣнахъ моего номера. Я былъ въ отчаяніи.

Проходитъ часовъ пять, и вдругъ небо разясняется, показывается солнце. Ъхать на пароходѣ поздно. Ну, думаю, поѣду на лошадахъ на Иматру, и поѣхалъ.

Въ гостиницѣ „Société“ можно достать лошадей къ водопаду. Отправляюсь туда, и мнѣ даютъ добрую лошадку, запряженную въ маленькую телѣжку, которая должна довести меня до первой станціи. Положилъ я чемоданъ, сѣлъ, мальчикъ-финнъ усѣлся рядомъ, и мы покатали по влажной, только-что смоченной обильнымъ дождемъ дорогѣ.

До Иматы около 60 верстъ, и на этомъ пути три станціи, четвертая—Иматра. Плата—10 пенни съ версты. Дорога какъ скатерть; нигдѣ, на всемъ пути, ни ямки ни камушка. Усыпанная крупнымъ пескомъ, который получается отъ разрушенія особаго сорта гра-

нита (рапакиви — гнилой камень), она, очевидно, заботливо поддерживается. Ни пыли ни грязи тутъ быть не можетъ. Мосты вездѣ прочные, удобныя. На перекресткахъ выставлены столбы съ надписями по-шведски и фински, куда ведетъ каждая дорога. Станціи вымыты и выскребены до-нельзя, въ нихъ всегда можно найти и чистую постель и пищу за недорогую, опредѣленную таксой, цѣну.

Ѣхаль я въ экипажѣ особаго рода, какіе едва ли есть гдѣ еще въ Россіи, — это двухколесная таратайка въ одну лошадь. Не знаю, удобна ли она по другимъ дорогамъ, но здѣсь это такая прелесть, что и представить себѣ нельзя. Извозчикъ-финнъ погоняетъ себѣ лошадку, и мчишься стрѣлою по гладкой дорогѣ. Ѣзда почти беззвучна по мягкому щебню, и только маленькій колокольчикъ подѣ шеей лошади звенить, но не раздражаетъ нервы, какъ нашъ валдайскій. А кругомъ все новыя и новыя картины. Право, я всегда жалѣлъ, когда подѣзжалъ къ станціи, хотя Ѣхаль на Иматру.

По обѣ стороны дороги все время, почти не прерываясь, стѣною стоитъ свѣжій, густой лѣсъ: сосна, береза, ель — вотъ самыя обыкновенныя деревья. Мѣстами, опрокинутая бурей ель оторвала на своихъ корняхъ всю почву, на которой росла и держалась, и тогда видно, что эта почва тонкою корою лежала на голомъ гранитѣ. Иныя сосны растутъ и прямо на камнѣ, совсѣмъ безъ земли, запустивъ свои корни въ его трещины. Посреди темной зелени сосенъ притаились огромныя гранитныя глыбы, разбросанныя въ прихотливомъ и чудномъ безпорядкѣ. Горь нѣтъ, но эти глыбы — цѣлыя горы въ миниатюрѣ. Онѣ-то отвѣсными

стѣнами высятся надъ обрывомъ, то подступаютъ къ водѣ озера, то лежатъ въ его волнахъ небольшими островками, то, обросшія мохомъ, угрюмо смотрятъ на васъ изъ темноты лѣсовъ.

Много птицъ въ этихъ лѣсахъ: то-и-дѣло кричатъ соколы, поютъ дрозды, кукуютъ кукушки, а разныя мелкія пташки такъ и заливаются на тысячу голосовъ.

Волковъ и медвѣдей совсѣмъ нѣтъ въ этой части Финляндіи; это мнѣ говорили всѣ, кого я ни спрашивалъ. Поэтому скотъ пасется безъ присмотра, на маленькихъ полянахъ, обнесенныхъ легкими изгородами, а не то просто въ лѣсу, и хозяинъ отыскиваетъ своихъ коровъ по звону колокольчика.

Финны живутъ вразбросъ: то тамъ, то здѣсь падаются по два, по три домика, очень похожіе на русскія избы, но крытые, не знаю почему, не тесомъ и не соломой, а круглыми палками, подъ которыми лежитъ кора. Иногда поверхъ палокъ разбросано нѣсколько гранитныхъ камней, какъ-будто финнъ старается копировать видомъ своего жилья родную природу. Тѣ, кто позажиточнѣе или, можетъ-быть, поприлежнѣе, дѣлаютъ крышу изъ коротенькихъ драпокъ, накладывая ихъ, какъ черепицу. Такая крыша легка и очень долговѣчна.

Финнъ одѣвается въ суконную куртку, суконный жилетъ съ мѣдными пуговками и суконныя панталоны, которыя у него никогда не засовываются въ голенища сапогъ. Грубое полотно его рубашки съ большими отложными воротничками обыкновенно довольно чисто. Мнѣ часто встрѣчались эти люди по дорогѣ. Они ѣздятъ или въ таратайкахъ или въ маленькихъ телѣж-

кахъ, съ желѣзными осями, и не на такихъ чудовищныхъ колесахъ, на какихъ катаются наши крестьяне по глубокимъ рытвинамъ и лужамъ своихъ дорогъ. Важно сидитъ безбородый и безусый финнъ съ коротенькимъ чубукомъ трубки въ зубахъ и правитъ круглою лошадкой; рядомъ съ нимъ его жена, а сзади, за сидѣньемъ, лежитъ въ таратайкѣ какая-нибудь кладь. Встрѣчаясь, мужчины привѣтливо снимаютъ шляпы и кланяются.

V.

Поглядывая на верстовые столбы, я замѣтилъ, что мнѣ осталось до Иматры только 4 версты. Вдругъ слышу какой-то шумъ, несущійся изъ лѣса справа. Шумъ этотъ совершенно такой же, какой бываетъ въ сосновомъ лѣсу во время сильнаго вѣтра. „Не водопадъ ли?“ подумалъ я, но тотчасъ же разувѣрилъ себя, такъ какъ водопадъ, по-моему, долженъ быть совсѣмъ не тамъ, откуда несется шумъ, да и не можетъ же быть, чтобы онъ слышался за 4 версты. Однако, шумъ этотъ все усиливался, сталъ уже напоминать голосъ моря во время бури, и только-что я хотѣлъ просить остановиться, чтобы разрѣшить сомнѣнiе, какъ изъ-за деревьевъ показалось огромное деревянное зданiе, и мой возница остановилъ лошадь. „Что такое?“ спрашиваю я совершенно смущенный и взволнованный. „Всѣ, пріѣхаль!“ отвѣчаетъ тотъ. Оказалось, что цифры на верстовыхъ столбахъ означаютъ разстоянiе до ближайшей почтовой станціи „Сятоля“, а вовсе не до водопада.

Подъѣзжаю къ гостиницѣ, вхожу. Нарочно сдерживаю въ себѣ нетерпѣніе, чтобы, отдохнувъ, полнѣе насладиться предстоящими впечатлѣніями, и разсматриваю зданіе гостиницы. Какъ все красиво, удобно! Деревянный домъ съ террасами, съ балкончиками, съ большими свѣтлыми окнами, весь убранъ зеленью и цвѣтами. За 1 рубль въ сутки мнѣ дали небольшую комнатку со всѣми удобствами цивилизованной жизни. Здѣсь я умылся и переодѣлся и привелъ въ порядокъ мои дорожныя вещи, а самъ все прислушивался, — комната была полна грохотомъ водопада, который гдѣ-то тутъ близко.

Вхожу въ большую общую залу. Тамъ нѣсколько пріѣзжихъ изъ Петербурга франтовъ усердно заняты ѣдой. Выхожу на террасу; вижу — сквозь деревья мелькаетъ что-то бѣлое, ревущее. Тутъ ужъ я со всѣхъ ногъ пустился по дорожкѣ къ бесѣдкѣ.

Рѣка Вуокса, выбравшись изъ этого гигантскаго сплетенія озеръ, изъ этого резервуара чистой, какъ слеза, воды, называемаго Саймой, течетъ прозрачная и широкая, посреди лѣсовъ и бѣдныхъ финскихъ селеній. Безпрестанно заграждаютъ ее пороги, и вдругъ каменные пласты заставили течь рѣку на пространствѣ около $\frac{1}{4}$ версты по сильно наклоненной щели, шаговъ въ 50 шириной, стиснувъ ея свѣтлыя воды чудовищными черными глыбами гранита. Рѣка съ бѣшенымъ ревомъ устремляется въ эту тѣснину, прыгаетъ и воетъ, какъ дикій звѣрь, высоко подбрасывая гребни волнъ и снопы брызгъ, вся бѣлая отъ пѣны, сверкая красками радуги, обдавая дождемъ береговыя скалы. Какихъ только звуковъ не слышишь въ этой дикой

музыкѣ: тутъ и громъ, и вой, и плачь, и шумъ лѣса, и стоны.

Такова Иматра. Это не водопадъ, это— порогъ, но другого такого порога, конечно, нѣтъ на свѣтѣ. Черезъ знаменитые Днѣпровскіе пороги искусный лопманъ можетъ провести нагруженную барку, но сохрани Богъ попасть лодкѣ въ это теченіе, столь быстрое, что голова кружится при его видѣ. Большая ель, брошенная въ Иматру, моментально и навѣки исчезаетъ въ ея неизвѣданной глубинѣ.

Всѣ говорятъ, что видъ на Иматру лучше съ другой стороны, противоположной гостиницѣ. Перебраться туда можно очень скоро, но страшновато. Дѣло въ томъ, что черезъ рѣку, черезъ грохочущія стремнины водопада, перекинуть, высоко надъ ними, проволочный канатъ, и на немъ виситъ легкая тростниковая корзина. Въ корзину стоятъ два плетеные стула. Работникъ вертитъ на берегу деревянный валъ, и корзина скользитъ на двухъ блокахъ вдоль по канату, который при этомъ страшно изгибается внизъ. Я все ждалъ, не отправится ли кто изъ пріѣзжихъ франтовъ въ этой корзину на ту сторону, но никто не рѣшился. „Дѣлать нечего,—думаю,—надо отправиться самому“. Осмотрѣлъ способъ укрѣпленія каната на берегу; вижу—вбить въ гранитную глыбу желѣзный болтъ, и къ нему привязанъ канатъ. Потомъ этотъ канатъ перекинуть черезъ деревянную перекладину на столбахъ и идетъ на другой берегъ. Осмотрѣлъ корзину: кажется,—прочная. Попробовалъ рукой: качается изъ стороны въ сторону, что твоя качель. „Что,—думаю,—какъ голова закружится?“... Но изъ корзины упасть

нельзя: двери можно задвинуть—и сиди себѣ тамъ. Если сдѣлается дурно, упадешь на дно, но не на дно Иматы, а на дно корзины. Отправлюсь!

Купилъ билетъ, заплативъ за него около двухъ марокъ, и пошелъ къ корзины. Жду; сердце бьется неровно. Страшно! а Иматра прыгаетъ, воетъ и веселится внизу и лижетъ „голодную волной“ почернѣвшія скалы.

Вижу—спускается по лѣстницѣ работникъ. Я посмотрѣлъ на него, какъ на палача, и молча сѣлъ въ свой странный экипажъ. Проходитъ минутъ пять, а мнѣ кажется, что это цѣлыхъ полчаса. Работникъ медлитъ, прилаживая спутавшіяся веревки. „Не выйти ли,—думаю,—назадъ?“

Но вотъ корзина закачалась, и я повисъ надъ стремниной... Оказалось, впрочемъ, что ожиданіе страха страшнѣе самого страха, и я довольно спокойно взглянулъ на прыгающія волны. Только дѣлать это нельзя безнаказанно,—голова сейчасъ начинаетъ кружиться, поэтому я старался смотрѣть на лѣсистые берега рѣки, а корзина, нѣтъ-нѣтъ, да, и остановится и виситъ, покачиваясь, на изогнувшемся канатѣ.

Минутъ черезъ пять я вышелъ на берегъ. Дѣйствительно, если сойти немного внизъ по рѣкѣ и стать на камни, какъ-разъ противъ того мѣста, гдѣ на противоположномъ берегу сдѣлана бесѣдка въ видѣ навѣса на столбѣ, то здѣсь водопадъ гораздо грандіознѣе. Главный напоръ и бѣшенство волнъ—здѣсь, у васъ подъ ногами. Въ двухъ шагахъ отъ васъ изъ нѣдръ быстро несущейся рѣки вырываются блестяшія массы крупныхъ брызгъ и взлетаютъ, блестя на солн-

цѣ; вы чувствуете, какъ мелкій дождь орошаетъ ваше лицо и руки. Здѣсь рѣка дѣлаетъ послѣднее усиліе, чтобы вырваться изъ тѣснины и потомъ, поднимаясь огромными волнами, разливается по болѣе широкому и спокойному мѣсту.

Долго стоялъ я на влажныхъ черныхъ камняхъ, не отрывая глазъ отъ величественной картины, которую, вѣроятно, уже не увижу никогда. Солнце ярко сіяло на безоблачномъ небѣ. Высокія сосны и березы стояли не шевелясь. Тысячи муравьевъ копошились подъ ногами; но всѣ звуки были поглощены, подавлены немолчнымъ, оглушительнымъ шумомъ воды. Какой-то очень тонкій звукъ, весьма похожій на непрерывный трескъ кузнечиковъ, одинъ ясно выдѣлялся въ этомъ концертѣ. Я вначалѣ такъ и принялъ его за стрекотаніе насѣкомыхъ, но скоро понялъ, что его производятъ мплліоны лопающихся водяныхъ пузырьковъ, въ которые превратилась здѣсь рѣка.

Назадъ пустился я уже безъ страха, но забылъ задвинуть дверцу корзины, въ чемъ дорогой пришлось раскаяться: сквозь нее была видна рѣка внизу и глаза невольно взглядывали туда, какъ я ни старался смотрѣть въ другую сторону. Я чувствовалъ все усиливавшееся головокруженіе и не имѣлъ силы задвинуть дверцу. Однако же все обошлось благополучно, и я остался цѣлъ и невредимъ.

Ф И Н Л Я Н Д І Я.

(Природа страны, характеръ народа, пища, одежда и жилище).

Природа, исторія и религія, какъ и вездѣ, имѣла огромное вліяніе на образованіе характера финновъ и на складъ ихъ жизни.

Что касается природы Финляндіи, то она не обладаетъ пріятными условіями для жизни и успѣшной дѣятельности человѣка.

Огромныя пространства, занятыя болотами, озерами и лѣсами, и ничтожное количество земель, способныхъ къ обработкѣ,—вотъ характеристическія черты природы Финляндіи. По сдѣланнымъ въ послѣднее время вычисленіямъ оказывается, что въ Финляндіи лѣса занимаютъ *половину* всей поверхности, лѣса и болота вмѣстѣ—*три четверти* ея, а лѣса, болота и озера—почти *девять десятыхъ* общей поверхности; обработанная же земля едва составляютъ *одну двадцатую* часть.

Большая часть Финляндіи имѣетъ характеръ горной страны, хотя высокихъ вершинъ здѣсь очень мало. Большія пространства земли вовсе не имѣютъ земного покрова и представляютъ сплошную каменную массу, на которой дико разбросаны обломки гранита и другихъ породъ. Небольшія горныя группы изъ красноватаго и сѣраго гранита, безъ всякой связи между собою, разбросаны по всей странѣ, и среди нихъ лежатъ безчисленныя озера.

Совершенно открытыя болота покрываютъ четвертую часть всей Финляндіи. Финляндскія болота простираются иногда десятки верстъ въ длину и въ ширину. Они имѣютъ совершенно ровную поверхность, поросшую мхомъ и желтоватыми травами, имѣя видъ зеленыхъ озеръ, изъ которыхъ кое-гдѣ выдаются островки темнаго песчанаго бора. Весною, послѣ таянія снѣговъ, всѣ болота обращаются въ озера. Только въ началѣ іюня они принимаютъ видъ настоящихъ болотъ, проходимыхъ лишь мѣстами вдоль узкихъ песчаныхъ косъ или островковъ. Существованіе болотъ составляетъ одну изъ причинъ, замедляющихъ развитіе земледѣлія. Разсчитано, что болота Финляндіи при испареніи поглощаютъ столь огромное количество теплоты изъ окружающаго воздуха, что въ продолженіе одной ночи въ состояніи охладить до 0° температуру дня $+12^{\circ}$ тепла. Отсюда ранніе морозы, губительно дѣйствующіе на посѣвы. Вообще Финляндія обладаетъ довольно суровымъ климатомъ, потому что принадлежитъ къ сѣверному холодному поясу. Холодная и продолжительная зима, жаркое и короткое лѣто и быстрые переходы отъ тепла къ холоду суть главныя характеристическія черты финляндскаго климата. Но, впрочемъ, наблюденія показываютъ, что эти крайности какъ будто начали сглаживаться, такъ что различіе между большими холодами и жарами становится незначительнѣе, и климатъ постоянно дѣлается ровнѣе и умѣреннѣе. Это можно объяснить тѣмъ, что годъ-отъ-года увеличиваются обработанныя пространства земли, высушиваются многія болота и уменьшаются лѣса. Замѣчательна также разница между климатомъ прибрежнымъ и внутрен-

ней части края. Согрѣтое лѣтнимъ солнцемъ море не такъ скоро охлаждается, какъ материкъ, и поэтому зима наступаетъ раньше во внутренности края, чѣмъ на побережьяхъ. Напротивъ того, весною холодные морскіе вѣтры охлаждають береговую часть страны и замедляютъ тамъ развитіе растительной жизни, въ то время, какъ оно уже началось во внутренности края.

Болѣе счастливыми климатическими условіями обладаетъ юго-западный уголъ Финляндіи, гдѣ, благодаря вліянію моря, климатъ умѣренъ, и хотя лѣтніе ночные заморозки изрѣдка вредятъ урожаю, земледѣліе здѣсь совершенно обезпечено. Менѣе благопріятными условіями обладаетъ средняя Финляндія, обильно покрытая озерами и болотами, гдѣ земледѣліе, хотя и составляетъ главный промыселъ жителей, подвергается многимъ случайностямъ, особенно морозамъ, и не можетъ служить обезпеченіемъ для народонаселенія. Наконецъ, сѣверная и сѣверо-восточная части Финляндіи — страны великихъ холодовъ и продолжительныхъ дней и ночей, съ весьма скудной растительностью.

Но, представляя не мало препятствій успѣшному развитію земледѣлія, природа Финляндіи даетъ возможность съ выгодною заниматься скотоводствомъ, на развитіе котораго въ послѣднее время обращается особое вниманіе финляндскаго населенія, равно и другими промыслами. Такъ, многочисленные лѣса даютъ возможность къ различнымъ промысламъ по обработкѣ дерева: смолокуренію, изготовленію угля, разныхъ подѣлокъ и т. п. Омывающіе берега Финляндіи море и многочисленные внутреннія озера даютъ возможность заняться рыболовствомъ, которое во многихъ мѣстахъ

доставляетъ значительныя выгоды. Наконецъ, судостроеніе и судоходство даютъ пропитаніе десяткамъ тысячъ народа. Вообще Финляндцы—отличные моряки, и финляндскія суда можно встрѣтить почти во всѣхъ моряхъ. Фабричная дѣятельность развита въ Финляндіи слабо; только рудокопство и каменные ломки доставляютъ жителямъ немаловажныя выгоды.

Само собою разумѣется, что различіе природныхъ условій, зависящихъ отъ нихъ запятій и промысловъ ведетъ къ различію въ бытѣ населенія: бытъ приморскаго жителя или жителя судоходной рѣки во многомъ отличается отъ быта обитателей глухихъ мѣстностей внутренней Финляндіи; различіе быта отражается и на особенностяхъ характера. Но, несмотря на различія въ частностяхъ, природа и исторія создали нѣкоторыя общія черты въ характерѣ финновъ. Такъ, всѣ изслѣдователи приписываютъ финнамъ трудолюбіе, твердость и настойчивость въ достиженіи цѣли. Не трудно объяснить эти черты вліяніемъ окружающей финновъ природы и историческихъ условій, среди которыхъ они поставлены были долгое время. Въ самомъ дѣлѣ, занявъ страну, покрытую лѣсами, болотами и голыми каменными массаами, кое-гдѣ только присыпанными землею, съ холоднымъ и суровымъ климатомъ, финнъ долженъ былъ употребить невѣроятныя усилія, терпѣніе и тяжкіе труды, чтобы сдѣлать свою страну способною къ осѣдлой, земледѣльческой жизни. Соотвѣтственно природѣ, какая-то угрюмая важность и задумчивость выражается въ его лицѣ, походкѣ и словахъ. Онъ говоритъ медленно и обдуманно и съ такой же медленностью исполняетъ свою работу; но зато

работа его добросовѣстна, прочна и надежна. Съ другой стороны, многочисленныя и опустошительныя войны, иногда въ конецъ разорявшія его отечество, лѣтніе морозы, въ одну ночь уничтожающіе всѣ надежды на хорошую жатву, пріучили его спокойно выносить несчастье и покоряться судьбѣ. Получивъ въ наслѣдство отъ шведовъ довольно развитое общественное и государственное устройство, основанное на равенствѣ всѣхъ сословій (крестьяне въ Финляндіи имѣютъ своихъ представителей въ сеймѣ), финскій крестьянинъ не работаетъ предъ болѣе его образованнымъ господиномъ, но въ то же время непрекословно повинуется законнымъ требованіямъ правительства. Тѣмъ не менѣе историческими условіями объясняется и раздѣленіе финскихъ носелянъ на два многочисленные класса: крестьянъ—собственниковъ земли и крестьянъ—арендаторовъ чужой земли и вообще безземельныхъ батраковъ. Это раздѣленіе, переходящее изъ рода въ родъ, положило также рѣзкое различіе въ характерѣ и бытѣ того и другого класса. Насколько зажиточность и матеріальное довольство крестьянъ-землевладѣльцевъ способствовало образованію изъ нихъ самостоятельныхъ, энергичныхъ и предприимчивыхъ людей, какихъ рѣдко можно встрѣтить между поселянами другихъ странъ настолько же часто встрѣчающаяся бѣдность между безземельными, особенно во внутренней Финляндіи, создала изъ нихъ вялыхъ, какъ бы равнодушныхъ къ своей судьбѣ, людей.

Наконецъ, историческими же условіями должно объяснить и замѣтное различіе въ отношеніи наружныхъ свойствъ между карелами—жителями береговъ Ладож-

скаго озера, — и собственно финнами, населяющими остальную часть Финляндіи. Первые, издавна находясь въ сношеніяхъ съ русскими, носятъ на себѣ слѣдъ русскаго вліянія, вторые — шведскаго. Такъ, многіе изъ кареловъ исповѣдуютъ православную вѣру, одѣваются по-русски, высокаго роста и имѣютъ черты лица, сильно напоминающія великорусса; въ самомъ языкѣ кареловъ можно узнать множество испорченныхъ русскихъ словъ. Собственно финны, напротивъ, говорятъ на своемъ языкѣ, все исповѣдуютъ протестантскую вѣру, средняго роста, сухощавы, но крѣпко сложены, цвѣтъ лица имѣютъ смугло-желтоватый, глаза довольно узкіе, волосы бѣлые, желтые или русые; бороду и усы носятъ немногіе, а большею частію брѣютъ.

Одежда финновъ также заимствована отъ шведовъ, напоминаетъ костюмъ нѣмецкихъ крестьянъ и состоитъ изъ сюртука (у болѣе зажиточныхъ), куртки въ родѣ пиджака, жилета съ мѣдными пуговицами и штановъ при башмакахъ съ пряжками и чулками. Сюртукъ и штаны обыкновенно темно-синяго цвѣта, куртка и кафтанъ — сѣраго, а жилетъ — преимущественно краснаго цвѣта, на головѣ фуражка или круглая шляпа съ большими полями. Женщины носятъ такъ-называемое нѣмецкое платье, а также и свой національный костюмъ, въ коемъ наиболѣе характернымъ представляется головной уборъ, сдѣланный въ видѣ роговъ, и множество металлическихъ украшеній на головѣ, шеѣ, груди и поясѣ. Юбка — синяя, полосатая или красная. Вообще красный цвѣтъ, самый любимый въ Финляндіи, употребляется вездѣ, гдѣ можно. Одежда, какъ зимою, такъ и лѣтомъ одинакова не только по крою, но

часто служить въ теченіе нѣлаго года одна и таже; тѣ же куртки и кафтаны зимою, и рѣдкіе, больше старики, употребляютъ шубы. Самый трескучій морозъ какъ бы не имѣеть для финновъ значенія.

Поселяне - землевладѣльцы, особенно въ окрестностяхъ городовъ и по большимъ дорогамъ, рѣкамъ и каналамъ, живутъ такъ опрятно, такъ хорошо, что нельзя не восхищаться ихъ бытомъ. Большихъ сель въ Финляндіи нѣтъ, такъ какъ финны живутъ уединенно, отдѣльными семьями. Дома ихъ деревянные, на каменномъ фундаментѣ, изъ тесаныхъ бревенъ или даже каменные, по большей части окрашены красною краской, съ большими свѣтлыми окнами, крыты дранками, тесомъ или гонтомъ. Внутри этихъ домовъ, кромѣ черной рабочей комнаты, служащей вмѣстѣ и кухню, находится, обыкновенно, одна большая комната, а во многихъ — и по одной и по двѣ малыхъ комнатки, служащихъ спальнею для хозяевъ и дѣтей ихъ, для рабочихъ и для храненія одежды и т. д. Всѣ эти комнаты выбѣлены и убраны домашней мебелью, хотя и незамысловатой, но прочной работы. Полы усыпаны обыкновеннымъ можжевельникомъ. Въ кухнѣ съ чрезвычайной аккуратностью разставлены по полкамъ блюда, тарелки и прочія принадлежности; вездѣ господствуетъ порядокъ и чистота. Въ главной (передней) комнатѣ каждаго поселанина стоитъ шкафъ; въ немъ, на полкахъ подъ стекломъ, хранится чайный и кофейный приборы и серебряныя ложки. У нѣкоторыхъ поселанъ есть богатые серебряные кубки, изъ которыхъ въ торжественные дни пьютъ вино, водящееся у каждаго изъ нихъ, и не только простое, но и виноградное.

Въ спальнѣ стоитъ широкая раздвижная кровать съ чистымъ бѣлымъ и пологомъ. Занавѣски на окнахъ составляютъ также необходимую принадлежность финскаго жилища; ихъ можно встрѣтить повсюду: и въ селахъ, и въ городахъ, и у богатыхъ, и у бѣдныхъ; у другого нѣтъ порядочнаго стула, но есть занавѣски; это можно назвать народной страстью, первой потребностью. Кромѣ того, у каждаго порядочнаго поселанина, равно какъ и у всѣхъ городскихъ жителей, непремѣнную домашнюю утварь составляютъ нѣсколько цѣнковыхъ трубокъ въ серебряной оправѣ, красиво разставленныхъ въ углу комнаты. Въ Финляндіи всѣ курятъ, и эта страсть въ особенности развита въ молодомъ поколѣніи. Даже десятилѣтнія дѣти курятъ изъ своихъ коротенькихъ трубочекъ. Куреніе финновъ непріятно, потому что они постоянно поплевываютъ во время куренія. Коренные финляндцы строго соблюдаютъ чинопочитаніе по трубкамъ; въ этомъ отношеніи часто гостей подраздѣляютъ на три класса: гостямъ перваго класса, самымъ почетнымъ, хозяинъ самъ набиваетъ трубку и подаетъ огонь; втораго класса—онъ просто указываетъ на трубку, говоря: „а вотъ огонь!“ Распространено также жеваніе табаку.

Къ числу домашнихъ принадлежностей финскаго жилища должно причислить также качающееся кресло съ высокимъ задкомъ, ножки котораго вставлены въ два въ видѣ дуги изогнутые бруска, такъ что, сидя на немъ, при малѣйшемъ усилии, происходитъ безконечное качаніе. Поселянинъ усаживается на эту качалку въ воскресный день и проводитъ время за чтеніемъ какой-нибудь религіозной книги или газеты. Большую часть

рабочей половины финскаго жилища занимаетъ огромная печь съ очагомъ, надъ которымъ виситъ большой мѣдный котелъ. Въ этомъ котлѣ готовятъ кушанья и возлѣ него стоитъ шкафъ съ посудой. Кругомъ стѣнъ разставлены бѣлыя деревянныя лавки, служащія также кроватями для работниковъ и домашней прислуги; передъ лавками стоятъ чисто вымытые столы, на одномъ изъ коихъ всегда можно найти евангеліе.

Кромѣ жилого дома, необходимою принадлежностью финскаго двора составляютъ: рига, житница и баня, до которой финны такіе же охотники, какъ и русскіе. Баня эта обыкновенно имѣетъ видъ небольшого, отдѣльно стоящаго, домика съ каменною печкой безъ трубы, съ небольшимъ отверстіемъ въ стѣнѣ, вмѣсто окошка, и съ низенькой дверью. Вмѣстѣ съ баней нерѣдко можно встрѣтить въ крестьянскихъ дворахъ и небольшую кузницу, которая служитъ остаткомъ обычая финскихъ крестьянъ своими руками готовить всѣ предметы домашняго обихода. Вообще финскіе дворы отличаются домовитостью и прочностью постройки. Финны имѣютъ большую склонность къ постройкамъ и стараются въ нихъ перещеголять другъ друга. Всѣ лишнія деньги, часто въ ущербъ достоинству пищи, финны охотнѣе всего употребляютъ на постройки.

Пища финновъ, даже и зажиточныхъ, отчасти вслѣдствіе бѣдности собственныхъ произведеній страны и отчасти по унаслѣдованной съ давнихъ поръ привычкѣ,—самая неприхотливая. Мягкій ржаной хлѣбъ у финновъ—роскошь; обыкновенно же они пекутъ хлѣбъ два раза въ годъ, въ видѣ сухихъ круглыхъ лепешекъ. Въ срединѣ каждой лепешки дѣлается отверстіе,

посредствомъ котораго лепешки нанизываются на шесты; шесты эти протягиваются подъ потолокомъ кухни и, по мѣрѣ надобности, съ нихъ снимаются лепешки. Кромѣ хлѣба, любимую пищу финновъ составляютъ: масло, картофель, рыба (большею частью соленая) и овощи, изъ которыхъ болѣе другихъ распространены рѣпа и картофель. Молоко, особенно кислое, также составляетъ у финновъ предметъ первой потребности: его ѣдятъ и пьютъ во всѣхъ возможныхъ видахъ. Въ особой молочной кладовой стоитъ особый чанъ, куда вливаютъ всѣ остатки молока; тамъ оно, перекиснувшее, служитъ запасомъ на всю зуму. Пахтанье изъ масла, вкусный и хорошій напитокъ, пока оно свѣжо, можно также получать вездѣ въ Финляндіи; часто употребляется оно смѣшаннымъ съ водою. Вода и прѣсное молоко составляютъ общій напитокъ въ Финляндіи и у зажиточныхъ ставятся въ графинахъ. Но безпрестанное употребленіе молока развиваетъ между финнами разныя желудочныя болѣзни. На молоко же, смѣшанномъ съ водою, готовится національное кушанье финновъ—супъ изъ ржаныхъ крупъ и рѣпы. Любимое питье: кофе—у женщинъ и водка—у мужчинъ. Хотя финны большіе охотники до водки и употребляютъ ее часто (разумѣется, если имѣютъ средства), но пьянства между ними не замѣтно. Финляндцы еще не такъ любятъ кофе, какъ финляндки, которыя безъ него рѣшительно не могутъ жить. Кофе—ихъ вторая натура. Многіе, по бѣдности, за неимѣніемъ чего другого, питаются кофе, и онъ ихъ насыщаетъ. Финляндки запиваютъ кофе и радость и горе; у иной хозяйки

въ коморкѣ бѣдность и недостатокъ, а ужъ кофейникъ есть навѣрное.

Вообще о финнахъ надобно сказать, что, кажется, нѣтъ народа болѣе неприхотливаго на пищу: простой финнъ довольствуется твердою, какъ камень, хлѣбною лепешкой, кислымъ молокомъ, картофелемъ и нѣсколькими салакушками (маленькими рыбками); онъ этимъ сытъ и доволенъ и не желаетъ ничего лучшаго. Финны не имѣютъ понятія о щажъ и о сушъ; даже и городскіе жители не всѣ употребляютъ горячее масное, и это не отъ бѣдности, а просто по укоренившейся привычкѣ. Но, разумѣется, такая привычка къ умѣренности развилась не отъ чего другого, какъ отъ бѣдности, вслѣдствіе скудости даровъ природы и общественныхъ условій, ибо, какъ мы уже выше сказали, если часть финновъ, собственно крестьянъ-землевладѣльцевъ, и пользуется достаткомъ, рѣдкимъ въ другихъ странахъ, то другая, и гораздо большая часть, особенно въ глухихъ мѣстностяхъ внутренней Финляндіи, вдали отъ промышленныхъ и торговыхъ центровъ и путей сообщенія, до сихъ поръ находится въ бѣдности. Особенно это должно сказать о безземельныхъ, живущихъ наемнымъ трудомъ, и *торпаряхъ*, т. е. арендаторахъ небольшихъ участковъ. По мѣрѣ улучшенія состоянія торпарей, увеличиваются и требованія собственниковъ земли и, разумѣется, при такихъ обстоятельствахъ имъ трудно достигнуть достатка.

Между тѣмъ, какъ по береговой дорогѣ, особенно по южной, деревня - за - деревней и домъ - за - домомъ свидѣтельствуютъ о достаткѣ населенія края, во внутреннихъ областяхъ Финляндіи можно проѣхать цѣлыя

мили, не увидѣвъ слѣда хижины; а если, наконецъ, и встрѣтится жильѣ, то оно виситъ на скатѣ горы или ютится въ рошѣ, гдѣ-нибудь по берегу озера.

Простъ и безыскусственъ бытъ здѣшняго поселянина. Изба его немного просторнѣе бани, но по виду и обстановкѣ совершенно подобна ей; внутренность избы представляетъ посѣтителю странную картину: стѣны и полъ, сколоченные изъ неотесанныхъ бревень и досокъ сосновыхъ, черны какъ уголь, первыя—отъ дыму, а послѣдній отъ всякой, никогда не смывающейся, грязи. Окно нѣтъ, кромѣ волоковыхъ, въ которыхъ доску по произволу можно отодвигать и задвигать. Чтобы лучше понять всю особенность такого жилища, говоритъ знаменитый финскій поэтъ Рунебергъ въ своемъ описаніи внутренней Финляндіи, надобно видѣть ее въ зимній вечеръ. Печь, святилище жилища, стоитъ тогда въ полномъ блескѣ. Крупныя сосновыя дрова пылаютъ широкимъ пламенемъ, и вся комната наполнена ослѣпительнымъ сіяніемъ, которое еще увеличивается отъ горящихъ лучинъ, то воткнутыхъ въ стѣну, то поддерживаемыхъ свѣтцами. Въ этомъ свѣтѣ движется или, чаще, покоится множество людей. Женщины сидятъ за прялкою или горшкомъ, а то занимаются другою работою; мужчины дѣлаютъ корзины, сани, лыжи и т. п., нищіе и нахлѣбники *) лежатъ предъ огнемъ для постоянной статьи домашней работы — щипанія лучины, которая исполняется какимъ-нибудь старичкомъ, спокойно дѣлящимъ тоненькія дранки еще на болѣе тончайшія. Въ это время

*) О нихъ будетъ сказано ниже.

толпа ребятишекъ обыкновенно валяется на печи. Надъ длиннымъ корытомъ, возлѣ двери, лошадь лакомится сѣчкою, наслаждаясь тепломъ и обществомъ, между тѣмъ какъ пѣтухъ, если онъ еще не занялъ ночлега въ кругу своего семейства, навѣщаетъ своихъ подругъ по всѣмъ угламъ комнаты. Вотъ что представляетъ въ зимній вечеръ, съ небольшими измѣненіями, всякая финская изба⁴.

Невозможно описать той бѣдности, которая господствуетъ между жителями нѣкоторыхъ мѣстностей внутренней Финляндіи. Скучная, часто противная природа, пища дѣйствуетъ губительно на ихъ тѣлесныя силы, а отъ незнакомства съ иными наслажденіями, кромѣ сна и покоя, происходитъ, что они исключительно придерживаются этихъ двухъ удовольствій и не стараются достазить себѣ другихъ. Рѣдко мысли ихъ простираются далѣе заботы о нѣсколькихъ дняхъ. Промышленность вообще здѣсь слабо развита, да и удаленность отъ городовъ затрудняетъ сбытъ произведеній. Земледѣлію пренятствуетъ жестокій врагъ—морозныя ночи. Многія хозяйства такъ терпятъ отъ нихъ ежегодно, что часто жители не могутъ даже за-сѣвать полей своихъ. Проголодавъ цѣлый годъ, крестьянинъ спѣшитъ убрать свой хлѣбъ прежде, нежели зерно разовьется и созрѣетъ. Домашній скотъ, который лѣтомъ пасется по берегамъ лѣсныхъ ручьевъ и въ долинахъ горъ, кормится впроголодь за недостаткомъ соломы, и часто въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Небольшое количество жидкаго молока, получаемаго въ это время, употребляется на смачиваніе жест-

каго хлѣба изъ древесной коры, которая большею частію составляетъ единственную пищу крестьянъ.

„Онъ ѣсть круглый годъ жесткій хлѣбъ“ и „онъ неимовѣрно богатъ“ — значитъ здѣсь одно и то же. „Однажды,—говоритъ Рунебергъ,—случилось зайти мнѣ на лугъ, съ котораго убирали сѣно. По стѣнамъ гумна развѣшаны были котомки рабочаго люда, и я полюбостествовалъ заглянуть во многія изъ нихъ. Во всѣхъ нашель я лепешки, слѣпленные изъ еловой коры: онѣ были чернехоньки внутри, а снаружи подернуты бѣлымъ слоемъ муки. Въ нѣкоторыхъ сумкахъ было сверхъ того немного соленой, жесткой корюшки, въ другихъ—нѣсколько зеренъ соли“.

Въ составѣ обитателей финской избы названы были выше нищіе и нахлѣбники. „Нахлѣбникъ,—по словамъ того же поэта Рунеберга,—вторая ласточка финскаго поселянина. Подобно ей, они подъ крестьянскою кровлею требуютъ мѣста для себя и для своихъ. Подобно ей, никогда не получаютъ въ томъ отказа и, какъ она, живутъ тѣмъ, что Богъ послалъ. Плата за его постой обыкновенно состоитъ въ томъ, что онъ бросаетъ въ избу дрова въ волоковое окно. Остальной трудъ въ вознагражденіе хозяевъ зависитъ отъ его доброй воли. Такой человекъ, если онъ не знаетъ никакого ремесла, иногда промышляетъ рыбною ловлею, охотою и сверхъ того пользуется безъ позволенія, но и безъ запрета, тою выгодою, что пускаетъ по ихъ землѣ палу (сжигаетъ лѣсъ и кустарникъ) для посѣва рѣпы и обращаетъ произрастенія въ свою собственность. Если ему удастся запастись коровою, то она живетъ вмѣстѣ съ хозяйскими. Такъ какъ нужды нахлѣбника

невелики, а по безграничной добротѣ хозяина обязанности еще менѣ значительны, то ясно, что онъ болѣ всякаго другаго слѣдуетъ врожденной склонности финновъ къ безопасности и лѣни. Потому-то и видишь его всегда отдыхающимъ: зимою—передъ печкою на лавкѣ, лѣтомъ—на голой землѣ, на солнцѣ“.

Другую непремѣнную принадлежность избы составляютъ нищѣ. Правда, они остаются не навсегда, но приходятъ и удаляются; но рѣдко выдается день, въ который бы крестьянинъ, живущій у дороги, не пріютилъ одного или нѣсколькихъ такихъ посѣтителей. „Нищаго у финновъ вовсе не презираютъ, не ставятъ въ ничто. Ему, по ихъ мнѣнію, сопутствуетъ Богъ; нищій часто странствуетъ съ женою и дѣтьми, съ одного двора на другой, и вездѣ встрѣчаютъ его какъ гостя, а не какъ бѣдняка, живушаго милостынею; въ печкѣ есть жаръ для него, какъ и для другихъ; онъ ничего не требуетъ; всякій и безъ того знаетъ нужды его и удовлетворяетъ ихъ по возможности. Никому и на мысль не придетъ кормить его какими-нибудь остатками; онъ вмѣстѣ съ домашними ѣстъ лучшее кушанье, какое только имѣется у нихъ, т. е. единственное; онъ рассказываетъ, если у него найдется что-нибудь для разсказа, шутить, если вздумается шутить; дѣти его, если они при немъ, играютъ вмѣстѣ съ хозяйскими дѣтьми. Вечеромъ ложится онъ тамъ, гдѣ сыщеть спокойный уголокъ, на печи или на лавкѣ; онъ не завидуетъ тому, кто занялъ лучшее мѣсто; тотъ на него не сердится, когда ему удастся завладѣть такимъ мѣстечкомъ. Захочетъ онъ уйти—уходить, и будь онъ самъ или кто-нибудь другой изъ его семьи слыш-

комъ слабъ и хворъ, въ такомъ случаѣ крестьянинъ, какъ искони водится, запрягаетъ лошадь и охотно, во всей простотѣ своего сердца, везетъ нищаго или его сродниковъ до ближайшаго двора. Такъ живетъ нищій между финнами. Овъ ѣстъ кору потому, что и крестьянинъ, его принимающій, ею питается; живи крестьянинъ на бѣломъ хлѣбѣ — и у нищаго была бы та же пища“.

По обращенію финновъ съ нищими уже можно судить вообще объ ихъ гостепріимствѣ. Дѣйствительно, едва ли есть народъ, который бы съ подобными средствами такъ радушно дѣлился своимъ добромъ и былъ такъ готовъ исполнить всякое требованіе. Чужому всегда даютъ лучшее, что только удастся достать, и величайшаго труда стоитъ убѣдить кого-нибудь, чтобы онъ принялъ малѣйшую плату за угощеніе. Такимъ гостепріимствомъ отличаются всѣ классы населенія и изъ высшихъ особенно — пасторы. Всякій путешественникъ смѣло можетъ заѣзжать въ попиллу (такъ называется усадьба пастора) и найдетъ тамъ привѣтъ и обильное угощеніе.

Вмѣстѣ съ гостепріимствомъ отличительною чертою финновъ служитъ честность. Несмотря на бѣдность массы, кражи случаются между финнами очень рѣдко и считаются столь тяжкимъ проступкомъ, что до сихъ поръ, по финскимъ законамъ, наказываются смертною казнію *). Что бы ни запродалъ финнъ въ долгъ, на

---

*) Надобно, впрочемъ, сказать, что, хотя смертные приговоры и произносятся судьями, но не исполняются, а замѣняются тюремнымъ заключеніемъ.

какую бы сумму ни ссудилъ деньгами, онъ готовъ довольствоваться однимъ честнымъ словомъ, не требуя расписокъ и документовъ, разумѣтся, если лицо заслужило его довѣріе.

Финны услужливы и привѣтливы, когда замѣчаютъ то же самое со стороны другихъ; въ противномъ же случаѣ они упрямы и дерзки. При встрѣчѣ съ высшими, каждый финнъ желаетъ счастливаго пути, выражая свое привѣтствіе наклоненіемъ головы и приподнимая фуражку. Это дѣлаетъ онъ съ какою-то важностію, безъ всякаго подобострастія и низкопоклонничества.

Къ сожалѣнію, бѣдность и неблагопріятныя условія окружающей природы неблагоотворно повліяли на характеръ неимущей массы населенія. Крестьянинъ-бѣднякъ нѣсколько лѣнивъ, безстрастенъ и вообще скупъ на слова. Нравъ у него кроткій, терпѣливый и уступчивый. Бѣдность и стѣсненія, въ которыхъ онъ живетъ, заставили его заключиться въ самомъ себѣ; всѣ душевныя силы его дѣйствуютъ внутрь, такъ что онъ рѣдко и слабо обнаруживаются дѣломъ. Величавая природа, его окружающая, никогда не доставляла ему удовольствія покорить ее: она всегда являлась предъ нимъ гордою и непреодолимою; тогда какъ душа его съ безсознательнымъ трепетомъ преклоняется предъ нею, силы тѣлесныя дремлютъ и увядаютъ. Но это безсиліе предъ природою съ другой стороны отражается на религіозности финновъ, въ которой они какъ бы ищутъ защиты противъ виѣшнихъ бѣдъ.

Финны чрезвычайно богомольны и строго соблюда-

ютъ всѣ предписанные церковью обряды, они не пропускаютъ ни одной обѣдни, и хотя иной живетъ далеко отъ кирки, зато отправляется ранѣе и ужъ навѣрное не пропуститъ службы; поэтому финскія кирки полны всегда молящимися.

Вообще вѣра въ Финляндіи имѣетъ большое значеніе не только въ нравственномъ отношеніи, но она оказываетъ огромное вліяніе и на распространеніе въ народѣ грамотности. Такъ, по закону, никто не допускается къ приобщенію святыхъ тайнъ, не пользуется гражданскими правами, не имѣетъ права вступить въ бракъ, кто не знаетъ читать катихизиса и священнаго писанія и кто не умѣетъ объяснить главные догматы вѣры. Поэтому всѣ родители стараются учить дѣтей своихъ грамотѣ, а духовенство, съ своей стороны, обязано имѣть главное наблюденіе за обученіемъ прихожанъ. Для этого пасторы, отъ времени до времени, разъѣзжаютъ по своему приходу и экзаменуютъ дѣтей, а кромѣ того, предъ допущеніемъ къ причастію, всѣ молодые люди собираются на нѣкоторое время къ пастору, который объясняетъ имъ главные догматы вѣры и затѣмъ производитъ экзаменъ. Пасторъ въ Финляндіи пользуется большимъ значеніемъ и уваженіемъ. Онъ проповѣдникъ, учитель, докторъ, адвокатъ, судья. Пасторъ проповѣдуетъ на народномъ языкѣ слово Божіе; онъ сѣетъ въ народѣ первыя сѣмена образованія; къ нему обращается народъ за совѣтомъ въ трудныхъ обстоятельствахъ жизни, за медицинскою помощію въ болѣзни; если крестьяне не поладятъ въ чемъ-нибудь между собою, они идутъ на судъ къ пастору, и его слово—законъ; пасторъ собираетъ подати

съ народа и онъ же ходатайствуетъ предъ высшимъ начальствомъ о нуждахъ своихъ прихожанъ.

Финны чрезвычайно любятъ свое отечество, свой языкъ и гордятся имъ. Даже въ тѣхъ деревняхъ и городахъ, въ которыхъ они находятся въ постоянномъ сношеніи съ русскими, они говорятъ не иначе, какъ по-фински. Языкъ финновъ отличается обиліемъ гласныхъ звуковъ. Много усилій стоило финнамъ завоевать себѣ уваженіе къ своему языку, совершенно вытѣсненному-было шведскимъ языкомъ изъ употребленія.

Заботы о пропитаніи, непрерывно тяготѣющія надъ финнами, не позволяютъ имъ предаваться той живой радости, которую во многихъ другихъ мѣстахъ порождаютъ народныя празднества и игры. Только на святкахъ и на Ивановъ день замѣтно нѣкоторое расположеніе къ веселью. На святкахъ молодежь собирается къ пляскѣ и другимъ забавамъ; въ это время непременно долженъ быть, даже въ хижинѣ самаго бѣднаго, накрытый столъ, который въ теченіе многихъ дней стоитъ какъ праздничное убранство. На немъ собрано все, что въ состояніи доставить хозяйство зажиточнаго финна, что удалось сберечь отъ вседневнаго голода бѣдняку; все это идетъ на то, чтобы угостить и распотѣшить святочныхъ гостей. Кто бы ни вошелъ въ жилище финна, онъ cadaго старается угостить.

Ночь на Ивановъ день празднуется чуть-ли не веселѣе всѣхъ другихъ празднествъ. Канунъ Иванова дня считается у финновъ чернымъ днемъ. Простой народъ вѣритъ, что въ ночь на Ивановъ день открываются всѣ клады; на томъ мѣстѣ, гдѣ находится кладъ, по ихъ повѣрью, виднѣется въ эту ночь пламя; но пламя это

можно видѣть не иначе, какъ съ крыши такого строе-
 нія, которое перенесено было на третье мѣсто. Иные
 финны, вслѣдствіе подобныхъ толковъ, переносятъ съ
 мѣста на мѣсто одно и то же строеніе (амбаръ, баню,
 даже избу), чтобы только видѣть кладъ; они также
 вѣрятъ, что кладъ не дастся тому, кто произнесетъ
 бранное слово. Иные простые финны наканунѣ Ива-
 нова дня топятъ баню и готовятъ все, что нужно
 для мытья: воду, вѣники, мыло и проч., и оставляютъ
 все это на цѣлую ночь для невидимаго хозяина дома—
 „домоваго“, который за это вниманіе будетъ снисхо-
 дительнѣе. Вечеромъ, наканунѣ Иванова дня, финская
 молодежь пускаетъ по озерамъ и рѣкамъ зажженные
 смоляныя бочки и кадки, и жжетъ кокко (костры) и
 стрѣляетъ изъ ружей въ честь праздника. Для устрое-
 нія кокко избираютъ обыкновенно высокую, полуобго-
 рѣлую сосну, на песчаной горѣ, которая бы господство-
 вала надъ окрестностью. Сухое дерево обставляютъ
 смолистыми легкосгорающими вещами, громоздятъ какъ
 можно выше, а въ полночь зажигаютъ всю груды: она
 пылаетъ при звукѣ скрипокъ, гулъ выстрѣловъ и кри-
 кахъ веселящейся кругомъ толпы. Болѣе зажиточные,
 особенно вблизи городовъ, всю ночь проводятъ въ тан-
 цахъ, гуляньяхъ на лодкахъ и прогулкахъ.

Довольно веселый также праздникъ совершается и
 по случаю счастливаго окончанія жатвы. Три дня сряду
 въ это время молодежь финскихъ деревень празднуетъ
 и веселится. Обыкновенно празднество это бываетъ въ
 домѣ болѣе зажиточнаго. Крестьяне и крестьянки на-
 ряжаются какъ можно лучше и цѣлую ночь танцуютъ

шведскую кадрили и вальсъ, подь музыку скрипокъ, весьма употребительныхъ у финновъ.

Празднованіе свадьбы продолжается нѣсколько дней сряду безпрерывно, иногда пять или шесть дней.

ВЫБОРГЪ и ЕГО ЗНАМЕНИТЫЙ САДЪ.

(А. Милюкова).

Сторона между Иматрой и Выборгомъ принадлежитъ къ числу самыхъ живописныхъ уголковъ, какіе только мы видѣли въ Финляндіи. Дорога то извивается въ глубинѣ долинъ, то взбѣгаетъ на горныя возвышенности. Куда ни взглянешь, вездѣ горы покрытыя основнымъ лѣсомъ или выказывающія ребра обнаженныхъ утесовъ. Чѣмъ больше подвигаешься къ Выборгу, тѣмъ сильнѣе поражаетъ картина страшнаго разрушенія: вездѣ видѣются голыя вершины красноватыхъ скалъ, навороченныхъ безобразными грудями; камни громоздятся надъ камнями, и громадныя куски гранита разбросаны въ чудовищномъ безпорядкѣ. Кажется, будто недавно какой-нибудь страшный переворотъ раскрылъ земную внутренность, вырвалъ изъ нея цѣлыя массы гранита и въ хаосѣ этихъ развалинъ представилъ свѣжую картину разрушенія.

Иматра лежитъ въ пятидесяти-восьми верстахъ отъ Выборга. На этомъ разстояніи три станціи.

Скалы начинали уже темнѣть при слабомъ свѣтѣ вечернихъ сумерекъ, когда мы подъѣзжали къ Выборгу.

Я люблю города, которые, изъ вѣжливости къ путешественникамъ, высылаютъ имъ навстрѣчу, за пограничную черту свою, отдѣльные домики и дачи. Эти передовыя строенія, встрѣчая васъ, какъ радушные посланцы, какъ будто говорятъ, что вамъ недолго уже ѣхать, что для васъ готовъ и покойный ночлегъ, и аппетитный столъ, и любопытныя новости. Таковъ именно Выборгъ съ вильманстрандской дороги. Васъ встрѣчаютъ сперва разсѣянные по сторонамъ домики, нарядные и привѣтливые, потомъ они группируются, тѣснятся въ Петербургскій форштадтъ, и когда вы минуете его, бульваръ, съ маленькими деревьями, провожаетъ васъ длиннымъ строемъ до самыхъ городскихъ воротъ. Мы остановились въ гостиницѣ. Высокія, прилично меблированныя комнаты, безукоризненно чистыя постели, расторопныя служанки въ красныхъ національныхъ корсажахъ, — все отличается европейскими удобствами.

Послѣ обстроенныхъ деревянными домиками пустырей, которые мы до сихъ поръ встрѣчали въ Финляндіи подъ именемъ городовъ, Выборгъ въ самомъ дѣлѣ кажется городомъ красивымъ, веселымъ, почти многлюднымъ. Въ немъ есть каменные дома, торговля, публичныя сады, книжныя лавки, кондитерскія, даже гауптвахта, — однимъ словомъ, всѣ необходимыя принадлежности порядочнаго города. Коровы ходятъ не иначе, какъ подъ надзоромъ пастуха, и если изрѣдка попадаетъ на улицѣ свинья, то по ея торопливости видно, что тутъ не позволяютъ ей гулять безнаказанно. Одно напоминаетъ еще, что это Финляндія: едва легъ я въ постель и началъ смыкать глаза, какъ подъ окномъ

раздался крикъ ночнаго сторожа съ заунывнымъ приглашеніемъ гасить огонь и ложиться спать. Къ этому скоро присоединился глухо-протяжный звукъ какой-то трубы и повторился аккуратно черезъ полчаса. Послѣ я узналъ, что по старинному обыкновенію сторожъ лютеранской церкви трубитъ въ знакъ того, что въ городѣ все обстоитъ благополучно.

Утро посвятили мы на знакомство съ Выборгомъ. Мѣстоположеніе города, на краю глубокаго залива, довольно живописное. Укрѣпленія его состоятъ изъ высокаго землянаго вала, съ прорѣзанными въ нѣсколькихъ мѣстахъ воротами, выложенными камнемъ. Судя по нашимъ лѣтописямъ, крѣпость считалась встарину очень сильною, но я не нашелъ въ ней ничего грознаго. У длиннаго моста, соединяющаго городъ съ Выборгскимъ форштадтомъ, стоитъ замокъ съ массивной каменной башнею. Здѣсь помѣщаются теперь арестанты. Когда мы проходили мимо, два колодника въ сѣрыхъ сукованныхъ курткахъ ловили рыбу на удочки. При каждомъ движеніи, на ногахъ у нихъ гремѣли цѣпи. Подлѣ ведра, приготовленнаго для пойманной рыбы, стоялъ караульный солдатъ, угрюмо опираясь на ружье. Мы бросили деньги этимъ рыболовамъ; они опустили ихъ въ ведро и снова закинули свои удочки. Выборгская крѣпость извѣстна многочисленными осадами: ее нѣсколько разъ осаждали новгородцы, облегли царскія войска. Въ лѣтописяхъ съ особыми подробностями описывается извѣстный *выборгскій трескъ*. Въ концѣ XV вѣка русскіе, осаждая крѣпость въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, успѣли овладѣть одною башней, и шведы никакъ не могли ихъ оттуда вы-

бить. Комендантомъ былъ какой-то Кнуть Поссе. Послѣ напрасныхъ усилій оттѣснить непріятелей, онъ подвелъ мину и взорвалъ ее: башня взлетѣла на воздухъ съ трескомъ и громомъ, и новгородцы принуждены были снять осаду. Подлѣ замка проходитъ южное устье Сайменскаго канала. На немъ въ 1849 году выстроенъ прекрасный чугунный мостъ, легкій и изящный. Устройство его совершенно особенное. Во время прохода судовъ онъ не поднимается и не отводится въ стороны, какъ петербургскіе мосты, но посредствомъ машины уводится въ тоннель, сдѣланный подъ набережную, и скрывается подъ землей. Въ одну минуту, точно по волшебному мановенію, мостъ исчезаетъ, и какъ скоро пройдетъ судно, онъ снова выкатывается изъ-подъ земнаго тоннеля и ложится черезъ каналъ.

Выборгъ былъ главнымъ городомъ всей старой Финляндіи. Съ присоединеніемъ къ Россіи всего края, онъ сошелъ на степень губернскаго города, но, несмотря на то, сохранилъ свое прежнее значеніе. Въ немъ много напоминаетъ уже Россію. По улицамъ безпрестанно попадаются офицеры, на площади съ ранняго утра гремить барабанъ, на крыльцѣ губернаторскаго дома стоитъ жандармъ. Жителей въ Выборгъ теперь больше 15 тысячъ: это довольно пестрая смѣсь русскихъ, шведовъ, нѣмцевъ и финновъ. У каждаго племени своя церковь и свой языкъ. Даже на рынкѣ, по требованію съѣстныхъ припасовъ, легко угадать, къ какой націи принадлежитъ покупатель.

Выборгъ окруженъ зеленью. За Петербургскимъ форштадтомъ раскинутъ городской садъ, довольно обшир-

ный и тѣнистый. На противоположной сторонѣ города, на гранитномъ возвышеніи, разводится другой садъ. Деревья растутъ въ немъ очень медленно, тѣни совсѣмъ почти нѣтъ, и самая прогулка по крутымъ, узенькимъ дорожкамъ довольно утомительна. Но отъ бесѣдки, поставленной на гребнѣ скалы, открывается обширный видъ на городъ и заливъ. Здѣсь показали намъ большой камень, съ котораго Петръ I во время осады осматривалъ городскія укрѣпленія.

Но лучшее украшеніе Выборга — знаменитый Мон-Репо *). Послѣ обѣда взяли мы извозчицью линейку и отправились смотрѣть прославленный садъ барона Николаи. Черезъ Выборгскій форштадтъ, который такъ же далеко провожаетъ васъ отъ города, какъ при вѣздѣ встрѣтилъ насъ Петербургскій форштадтъ, выѣхали мы на гельсингфоргскую дорогу, съ нея повернули направо, и черезъ полчаса были у воротъ сада. По воскресеньямъ онъ открытъ для всѣхъ бесплатно, а въ прочіе дни съ посѣтителемъ собирается при входѣ по десяти копѣекъ серебромъ на бѣдныхъ. Помѣщикъ говоритъ этимъ: въ праздникъ милости просимъ отдыхать въ мой садъ, я радъ одинаково богатымъ и бѣднымъ; но если вы хотите гулять въ рабочіе дни, значитъ у васъ есть лишнее, и вы можете заплатить за свое удовольствіе тому, у кого нѣтъ куска хлѣба. Привратница подала намъ кружку и записную книгу: мы положили деньги, записали свои имена и вошли въ садъ.

Садъ принадлежитъ къ числу самыхъ оригинальныхъ мѣстъ по всей Финляндіи. Много видалъ я

*) Мон-Репо по русски „мой отдых“.

садовъ, но ни одинъ изъ нихъ не похожъ на это дикое, странное, живописное произведеніе природы и искусства. Его почти нельзя назвать садомъ.

Вообразите цѣлый лабиринтъ гранитныхъ скалъ, мѣстами возникающихъ въ видѣ отдѣльныхъ утесовъ, мѣстами собранныхъ въ дикія и живописныя группы, то обнаженныхъ, какъ черепъ, то одѣтыхъ густыми деревьями и ярко-зеленымъ мохомъ,—и все это отражается въ свѣтлыхъ тихихъ водахъ залива, какъ-будто вставленнаго въ гранитную, узорчатую раму, для того, чтобъ вѣтеръ не туманилъ этого прозрачнаго зеркала. По этимъ-то гудамъ утесовъ и прибрежныхъ острововъ раскидывается Мон-Репо. На всякомъ шагу передъ вами дикія картины финской природы, которымъ искусство придало еще болѣе красоты. Кажется, оно навело какую-то улыбку на эти мрачныя граниты, громадные сосны и неподвижныя воды. Стволы густыхъ деревьевъ покрыты желтыми и красными лишаями, скалы поросли такимъ зеленымъ бархатнымъ мохомъ, что кажется онъ посаженъ нарочно. Это образецъ сѣвернаго сада, который полгода спитъ подъ гудами снѣга и въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ блестятъ самыми яркими красками жизни.

Посреди этого живописнаго хаоса безпрестанно встрѣчаете вы поразительные и разнообразные виды. Послѣ дикой массы нагроможденныхъ полукругомъ скалъ, вы видите лугъ, блестящій самой яркой зеленью; отъ куртинъ, усѣянныхъ оранжерейными цвѣтами, приходите къ мрачному утесу, склоненному надъ свѣтлымъ заливомъ. На одномъ высокомъ гранитномъ островкѣ построены небольшой замокъ съ зубчатыми башнями.

Но лучшее мѣсто въ концѣ сада, гдѣ на берегу залива, въ небольшомъ ущельѣ, обставленномъ высокими скалами, поставлена статуя Вейнемейнена. Здѣсь въ маломъ видѣ вся Финляндія, съ ея мрачною поэзіей. Статуя Вейнемейнена, въ настоящій человѣческій ростъ, стоитъ на пьедесталѣ. Финскій Аполлонъ держитъ въ одной рукѣ кантелу, а другою ударяетъ по струнамъ; ротъ полуоткрытъ, глаза подняты къ небу, и, кажется, вдохновенная пѣснь льется вмѣстѣ съ слезами. Работа статуи далеко не художественная, но мысль выражена довольно удачно. Въ финской народной эпопеѣ выражено могущество его пѣсенъ въ чертахъ оригинальныхъ: когда онъ начиналъ пѣть—солнце останавливалось слушать, Большая Медвѣдица ярче горѣла своими звѣздами, озера переставали ревѣть и быстрая Вокса прекращала свое теченіе. Статуя Вейнемейнена напоминаетъ прекрасное мѣсто въ Калевалѣ:

Вотъ играетъ Вейнемейненъ:
 Мощный звонъ летитъ съ кантелы;
 Доли всходятъ, выси никнутъ,
 Горы твердыя трепещутъ,
 Окликаются утесы,
 . . . . . камни
 Разсѣдаются на брегѣ,
 Сосны зыблются въ восторгѣ...
 Проходилъ ли онъ межъ сосенъ,
 Шелъ ли межъ высокихъ елей,—
 Сосны низко преклонялись,
 Ели гнулись привѣтно,
 Иглы падали на землю.
 По лугамъ ли проходилъ онъ —
 У цвѣтовъ вскрывались чаши,
 . . . . .

Послѣ обѣда пріѣхали мы на пароходъ, который только-что пришелъ изъ Гельсингфорса. На немъ я оканчиваю свою поѣздку и возвращаюсь въ Петербургъ. Все пароходное общество собралось наверху.

Изъ залива, въ глубинѣ котораго стоитъ Выборгъ, мы вошли въ шхеры. Это цѣлый лабиринтъ гранитныхъ острововъ, усѣивающихъ весь сѣверный берегъ Финскаго залива. По мѣрѣ приближенія нашего къ востоку, гряда эта начинала рѣдѣть, утесы краснаго гранита становились ниже, берегъ дѣлался низменнѣе, острова менѣе живописными.

Отъ Березовыхъ острововъ мы вышли въ открытое море, и черезъ нѣсколько времени вдали показались едва замѣтныя очертанія зданій и мачтъ. Это Кронштадтъ. Послѣдній лучъ солнца исчезъ позади насъ, и въ то же мгновеніе впереди, на одномъ изъ крѣпостныхъ фортвовъ, мелькнулъ яркій свѣтъ, и громовые раскаты пушечнаго выстрѣла звучно пронесли по грустно-однообразной поверхности моря.

ОТЪ СЕРМАКСА ДО ПЕТРОЗАВОДСКА.

(Изъ путешествія В. Майнова).

Къ вечеру пароходъ пристаетъ къ Сермаксу, который сдѣлается со временемъ городомъ, такъ какъ онъ расположенъ на устьѣ Свири и притомъ при концѣ каналовъ Петра и Александра II; все, что ни идетъ къ Петербургу снизу, должно побывать въ Сермаксѣ, — сама природа указываетъ въ этомъ мѣстѣ быть городу. Еще

Петръ Великій замѣтилъ это мѣсто и немало пробылъ въ немъ.

Утромъ часовъ въ 5 пароходъ пристаетъ къ Лодейному Полю, новому памятнику Великаго Петра. Во время замѣчательнаго путешествія своего изъ Архангельска до устья Свири, Петръ восхитился изобиліемъ и ростомъ первобытныхъ лѣсовъ, растущихъ въ этихъ мѣстахъ и близъ деревеньки Мокришвицы, гдѣ теперь стоитъ городъ Лодейное Поле, и въ 1702 году заложилъ корабельную верфь, назначивъ начальникомъ ея поручика Меньшикова. Здѣсь выстроены были походный храмъ и дворецъ на время пребыванія Петра на верфи, а въ 1703 году строились уже корабли. Петръ понималъ всю важность быстроты работы, часто понукалъ въ письмахъ своихъ Меньшикова; натура его не выносила откладки дѣла въ долгій ящикъ, онъ самъ первый показывалъ примѣръ трудолюбія; огромныя деревья свезены были на ближнее поле, засѣянное рожью; изъ Каргополя, Бѣлозерска и Пошехонья явились рабочіе; Петръ самъ пріѣхалъ въ Лодейное Поле, заложилъ собственноручно 6 фрегатовъ и 9 шнявъ, и въ сентябрѣ 1703 года возвратился въ Петербургъ на первомъ построенномъ на Лодейнопольской верфи фрегатѣ „Штандартъ“, который и былъ первымъ русскимъ кораблемъ, вышедшимъ подъ императорскимъ флагомъ чрезъ Ладогу и Неву въ Балтійское море. Въ настоящее время городокъ Лодейное Поле состоитъ лишь изъ нѣсколькихъ домиковъ и вся бѣлая жизнь его перешла въ конечные пункты Свири—Вознесенье и Сермаксъ; Лодейное Поле теперь ни болѣе ни менѣ какъ промежуточная станція для судовъ и пароходовъ, направ-

ляющихся въ Петербургъ. Близъ собора на горѣ виднѣется какой-то обелискъ, который бросается въ глаза всякому подъѣзжающему со стороны рѣки къ городу. Обелискъ этотъ сооруженъ частнымъ лицомъ, которое отдало этимъ дань удивленія предъ гениемъ Петра; на обелискѣ съ боку вставленъ медальонъ съ изображеніемъ его, наверху придѣланъ двуглавый орелъ, а внизу надпись, которая гласитъ слѣдующее: „На томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда былъ дворецъ императора Петра Перваго“, и далѣе: „Да знаменуетъ слѣды Великаго сей скромной простымъ усердіемъ воздвигаемый памятникъ“. Въ Лодейномъ Полѣ нагрузили на пароходъ нѣсколько кусковъ великолѣпнѣйшаго гипса, который начинаютъ въ настоящее время разрабатывать близъ Олонца; гипсъ этотъ превосходной доброты и крошится между пальцами безъ всякаго усилія.

Съ Лодейнаго Поля ѣздятъ въ знаменитый Александро-Свирскій монастырь. Святой Александръ пользуется необыкновеннымъ почтеніемъ со стороны населенія всего Обонежья, что и объясняется при ознакомленіи съ его житіемъ, изъ котораго можно видѣть, что онъ всегда являлся защитникомъ народа. Александръ Свирскій и всѣ остальные пустынножители Обонежья заслуживаютъ почтенію, какъ первые колонизаторы и проводники образованія въ дикую среду бывшихъ обитателей береговъ Онега и близъ лежащихъ мѣстностей. Начиная съ XI вѣка, когда новгородцы покорили финскія племена, обитавшія въ сѣверномъ поморьѣ, въ Обонежскихъ предѣлахъ начали появляться „страдамыя“ деревни. Новгородскіе посадники, архіепископы и всѣ знатные и богатые люди приобрѣтали здѣсь земли, лѣ-

са, рѣки, озера; заводили рыбные и звѣриные промыслы и посылали сюда „удалыхъ добрыхъ молодцовъ“ для управленія своими угодьями и промыслами. Но такихъ поселеній до половины XV вѣка было очень немного, да и тѣ состояли изъ одного или двухъ дворовъ и разбросаны были одно отъ другого на весьма далекое разстояніе. Кругомъ починковъ была сплошная лѣсная глушь; еще въ XIV вѣка лопари и чудь, обитавшіе по берегамъ Онеги, оставались въ язычествѣ; въ 1227 году Святославъ Новгородскій распространялъ уже христіанство въ сѣверныхъ окраинахъ обширной земли новгородской; промышленники новгородскіе, принимая сюда экспедиціи для торговыхъ и промышленныхъ цѣлей, вывозили съ собою и священниковъ какъ для насаждаемыхъ ими въ Обонежѣ колоній, такъ и для проповѣди язычникамъ. Но ни князья новгородскіе, ни промышленники, наблюдавшіе здѣсь главнымъ образомъ свои коммерческіе расчеты, не могли сдѣлать многого для христіанскаго просвѣщенія края. Съ большимъ усердіемъ, съ большею любовью къ дѣлу, да и съ большимъ влѣдствіемъ этого успѣхомъ потрудились въ этомъ великомъ дѣлѣ обонежскіе пустынники. Простотою отношеній, любовью, трудолюбіемъ и желаніемъ добра они обращали невольню на себя вниманіе лопскихъ, чудскихъ и иныхъ „дѣтей карельскихъ“. У нихъ не было инаго оружія, кромѣ слова любви и утѣшенія, и иной силы, кромѣ нравственной. Сначала, конечно, не обходится безъ столкновеній съ непрошенными гостями; дикари ожесточаются противъ новыхъ пришельцевъ и проповѣдниковъ новыхъ, неслыханныхъ доселѣ истинъ; жгутъ ихъ хижины, грозятъ смертію, уби-

ваютъ даже; но страшное терпѣніе и невозмутимая кротость проникнутыхъ истиннымъ желаніемъ добра пустынниковъ мало-по-малу удивляютъ враговъ; дикари удивлены, ошеломлены; они съ любопытствомъ начинаютъ всматриваться въ ихъ жизнь, безконечная любовь поражаетъ ихъ и, наконецъ, замѣтивъ въ пустынникахъ полное отсутствіе противъ себя всякихъ враждебныхъ помысловъ, начинаютъ входить съ ними въ болѣе близкія сношенія, обращаться къ нимъ за совѣтами и помощію въ своихъ нуждахъ и дѣлахъ житейскихъ; они находятъ въ нихъ, вмѣсто враговъ, своихъ благотворителей, которые съ самоотверженіемъ слушаютъ ихъ выгодамъ и пользѣ; дѣло сдѣлано,—дикари полюбили человѣка, а за нимъ полюбятъ и то, чему онъ ихъ научитъ. Пустыльникъ на мѣстѣ своего поселенія обыкновенно ставилъ крестъ, иногда и часовню, и малую „хижу“. По мѣрѣ того, какъ становилось извѣстно его жилище, къ нему собиралась братія, устраивался монастырь и расчищались пашни. Около нихъ устраивались новые починки, поселенія, деревни, такъ что монастыри всегда становились центрами наиболѣе населенныхъ мѣстностей края; такимъ образомъ всѣ селенія, первоначальнымъ своимъ основаніемъ обязаны были пустынникамъ.

Привлекши къ себѣ дикарей, пустынники знакомили ихъ съ начальными знаніями и пріучали ихъ направлять производительность природы на улучшеніе своего матеріальнаго быта.

Если Пева уже названа красавицею, то Свирь конечно больше ея заслуживаетъ это названіе. Свирь почти вдвое уже Певы, хотя и не вездѣ. Масса

судовъ встрѣчается съ нами то на бичевѣ съ сарафаницами за погонщиковъ тощихъ волоковыхъ лошаденокъ, то на буксирѣ у малютокъ пароходовъ. Вотъ пароходъ остановился какъ разъ передъ порогомъ,—надо дать пройти по опасному мѣсту каравану изъ 25—30 унжаковъ, нагруженныхъ низовою пшеницей; на палубахъ унжаковъ сидятъ не у дѣла парни, наигрывая на всероссійской гармоникѣ плясовую.

Далѣе по рѣкѣ движется что-то неуклюжее, странное, некрасивое—это сомина съ соловецкими богомольцами. На небольшой баркѣ столпились на палубѣ 60—70 людей обоего пола; ни на комъ лица нѣтъ, да оно и понятно, потому что всѣ эти добровольные страдалцы вытерпѣли въ пути то, что снести можетъ не всякая натура: и голодно, и холодно, и болѣзни—все это сдѣлало изъ нихъ какихъ-то живыхъ мертвецовъ. Путь ихъ лежитъ изъ Петербурга на Шлиссельбургъ, Сермакъ, Вознесенье, Петрозаводскъ, Повѣнецъ и далѣе, черезъ Сороку преимущественно по Онежской губѣ на Соловки.

Вся Свирь закуплена лѣсопромышленниками. Покровитель свирскихъ жителей и въ особенности судоходовъ—Александръ Свирскій, уважаемый во всемъ Обонежьѣ. Преданія о немъ до сихъ поръ живутъ въ народѣ, и въ особенности лежитъ къ нему сердце народа, потому что онъ всегда былъ заступникомъ его предъ немногими, но полновластными тогда помѣщиками. Монастырь Александра Свирскаго расположенъ всего въ 6 верстахъ отъ берега Свири въ прекрасномъ мѣстѣ; онъ состоитъ собственно изъ двухъ монастырей, которые построены у озера Святаго; преподобный никогда не

хотѣлъ принять на себя санъ игумена и только силой почти заставили его согласиться на это высокое и нежелательное для него званіе. Въ настоящее время монастырь этотъ можетъ считаться первымъ по богатству во всей Олонецкой епархіи.

Вечеромъ пароходъ пристаетъ къ Вознесенской пристани, началу такъ-называемой Маріинской системы. Сотня лодокъ окружаетъ пристань, штукъ 20 рослыхъ дѣвушекъ и женщинъ вскакиваютъ на пароходный сходень и рѣшительно осаждаютъ пассажировъ предложеніями услугъ по части перевозки на другую сторону рѣки.

Маріинская система обязана своимъ существованіемъ также Петру Великому, съ именемъ котораго сочетается все благое въ этихъ мѣстахъ. Всегда смотря на Россію, какъ на посредницу между Европой и Азіей, Петръ чуть ли еще не въ первый пріѣздъ на Онегу задумалъ соединить Каспійское море съ Балтійскимъ. Ясно, что для Олонецкаго края эта дѣйствительно геніальная для того времени и при тѣхъ именно условіяхъ мысль имѣла весьма важное экономическое значеніе. Главный соединительный пунктъ волжскихъ водъ съ водами озеръ Онежскаго и Ладожскаго прозорливый глазъ Петра нашелъ въ нынѣшнемъ Вытегорскомъ уѣздѣ. Въ тѣ времена мѣстность города Вытегры была довольно заселена и имѣла торговое значеніе; на рѣкѣ Вытегрѣ была Вянгинская пристань, а другая пристань, Бадогская, была на р. Ковжѣ. Между этими двумя пристанями хлѣбъ и иные продукты перевозились съ Ковжи на Вытегру сухимъ путемъ. Такимъ образомъ водораздѣлъ Волжскаго и Онежско-Ладожскаго бассейновъ

находится между Бадогами и Вянгинскою пристанью. Но только покойная Императрица Марія Теодоровна нашла возможность позаимствовать на такое дѣло изъ суммъ Воспитательнаго Дома 400,000 р., и въ 1810 году вся система была открыта для судоходства подъ именемъ Маріинской.

Народъ отлично помнитъ, что дѣлалъ въ этихъ мѣстахъ Петрѣ, какъ онъ жилъ и какъ онъ относился къ крестьянину. Еще графъ Сиверсъ, строитель системы, засталъ въ живыхъ живой памятникъ временъ Петровыхъ. Это былъ крестьянинъ Пахомъ, имѣвшій тогда 115 лѣтъ отъ-роду и жившій неподалеку отъ соединенія нынѣшняго канала съ рѣкою Вытегрою. Пахомъ показалъ Сиверсу и его спутникамъ то мѣсто, на которомъ при его памяти стоялъ шалашъ, гдѣ „Осударь“ послѣ десятидневныхъ трудовъ своихъ отдыхалъ. Разказы Пахома о Петрѣ, какъ и всѣ воспоминанія о немъ тамошняго народа, исполнены были полного благоговѣнія. При каждомъ произношеніи имени Царя старикъ поднималъ глаза къ небу, прижималъ руку къ сердцу, присоединялъ всегда къ титулу „Осударя“ названія „батюшка“, или „надежда“. „А батюшка Осударь, — говорилъ Пахомъ, — былъ роста высокаго, всѣхъ людей выше цѣлою головою; часто встряхивалъ онъ своими черными кудерьками, а пуще, когда случался въ раздумьи. Не гнушался онъ нашего житья-бытья, купивалъ нашу хлѣбъ-соль и пожаловалъ отцу моему серебряный полтинникъ“. Такихъ полтинниковъ, а также и чарочекъ раздарено было Петромъ въ Обонежьи множество, такъ что, путешествуя въ этомъ

краю, то и дѣло приходится слышать: „Такъ у дѣда (прадѣда) и остался Осударь кушать и пожаловалъ въ ту пору ему эту самую чарочку“. Мы сами видѣли двѣ такія чарочки и между прочимъ по поводу одной изъ нихъ слышали разсказъ, который прекрасно характеризуетъ Петра, какъ человѣка, и отношенія его къ народу. „Былъ этотъ случай въ Вожмосальмѣ; у бѣднаго, пребѣднаго мужика народилась дочь; надо малютку крестить, а къ горюну никто въ кумы нейдетъ. Проходилъ Осударь въ это время чрезъ Вожмосальму и узналъ, что такая бѣда съ мужикомъ. Пришелъ онъ къ бѣдному мужику и говоритъ, что будетъ у него кумомъ. Только прослышали про такую волю Петрову на погостѣ, какъ стали къ бѣдняку бабы самыя богатая толкаться, да называться въ кумы. „Не хочу я съ ними кумиться, — говоритъ Петръ, — а розыщи ты мнѣ самую лядащую бабенку, что у васъ по погосту христа-ради ходитъ“. Нашелъ бѣднякъ такую бабу лядащую и покрестилъ Осударь съ ней бѣднякова младенца. Какъ покончили крестины, такъ и говоритъ Осударь: „А не худо бы куманекъ и винца теперь выпить!“ А у бѣдняка денегъ-то ни полушки, а зелена вина ни кошушки. „Видно дѣлать нечего, — сказалъ Царь, — моя анисовая нынче дѣла дѣлать будетъ“. Вынулъ Осударь свою походную баклажку, да чарочку золотую (серебряная вызолоченая), налилъ ее своей анисовой водкой, всѣхъ переподчивалъ, самъ выпилъ, одарилъ бѣдняка деньгами, а чарочку кумѣ подарилъ на память“. Простыя отношенія Петра къ народу не остались забытыми, и народъ съ благоговѣніемъ произноситъ его имя.

Въ 1871 году счастье, кажется, въ послѣдній разъ побаловало присистемныхъ жителей хорошимъ заработкомъ, который теперь съ каждымъ годомъ дѣлается все меньше и меньше, благодаря тому, что значительная часть груза, слѣдовавшаго прежде Маринскою системою, пошла по рыбинско-бологовской желѣзной дорогѣ; вслѣдствіе этого упали цѣны на суда и проходить ихъ стало меньше, а слѣдовательно и значительное число бурлаковавшихъ прежде жителей осталось безъ заработка. Да и хваленый 71-й годъ только въ началѣ навигаціи былъ хорошъ для бурлаковъ, а въ концѣ концовъ все-таки хорошаго вышло мало. Съ начала весны судоходство, вслѣдствіе необыкновеннаго разлитія отъ дождей водъ, потребовало найма рабочихъ для тяги судна втрое болѣе обыкновеннаго, бурлаковъ же изъ другихъ губерній, которые такъ ненавистны мѣстнымъ жителямъ ради постоянной сбавки пришельцами цѣнъ противъ туземцевъ, тогда еще не было, и цѣны за путину значительно поднялись. Но спали воды, цѣны упали въ виду того, что рабочихъ накопилась гибель, а затѣмъ явилась холера. Въ нынѣшнемъ году стало бурлакамъ и коноводамъ еще плоше; спина человѣческая наконецъ и тамъ начала признаваться за плохую тягу и въ шлюзованной части Маринской системы, въ Вытегорскомъ уѣздѣ, была введена конная тяга, которая такимъ образомъ замѣнила въ значительной степени рабочую человѣческую силу. Лошади для тяги нанимаются изъ того же Мологскаго уѣзда, такъ какъ мѣстные жители требовали, сравнительно съ мологжанами, болѣе высокую плату.

Не въ лучшемъ положеніи лоцмана и гребцы, кото-

рые вплотную усѣлись по Свири и жили проводомъ судовъ. Буксирное пароходство, на которое слышатся жалобы уже на Невѣ, и здѣсь пользуется у мѣстныхъ жителей прозваніями „проклятаго“ и т. п. Въ 1871 году, напр., буксирные пароходы, не прибѣгая къ помощи гребцовъ, провели по Свири въ теченіе навигаціи до 1000 судовъ, чрезъ что гребцы потеряли обычнаго своего дохода до 5000 р. с., а лоцмана лишились выдававшихся имъ „на рукавицы“ съ гребнаго судна по 2 р. или со всей тысячи 2000 р. с. Въ 1872 году количество проведенныхъ буксирными пароходами судовъ еще болѣе увеличилось, такъ что составляло почти половину общаго количества прошедшихъ по Свири. Съ своей стороны эпидеміи и болѣзни довершаютъ горе присистемныхъ жителей и многихъ вырываютъ изъ ихъ среды. Въ 1871 году холера, занесенная въ Вытегорскій уѣздъ извнѣ Олонецкой губерніи, встрѣтила на Маринской системѣ условія, крайне благопріятныя для своего развитія, заключающіяся въ плачевномъ состояніи путинныхъ, которые во время тяги судовъ употребляютъ грубую и малопитательную пищу, по нѣсколькимъ днямъ не имѣютъ отдыха подъ теплымъ кровомъ, обременены весьма тяжелымъ трудомъ, и къ тому же не снабжены сколько-нибудь сносною одеждою и обувью. При такихъ лишеніяхъ и трудахъ они крайне воспримчивы ко всякаго рода болѣзнямъ, а между тѣмъ медицинская часть на системѣ, для огромной массы больныхъ представляющая одну только Маринскую больницу, слишкомъ скудна и въ обыкновенное время, а тѣмъ болѣе при появленіи въ большихъ размѣрахъ эпидемій.

Вознесеніе славится, между прочимъ, отличною по-

стройкою судовъ какъ морскихъ, такъ и рѣчныхъ; строятся они больше изъ казеннаго лѣса, въ числѣ 14—16 штукъ. Морскія суда только тѣмъ и отличаются отъ рѣчныхъ, что имѣютъ киль весьма выдавшійся и декъ; рѣчныя суда устраиваются или съ однимъ килемъ или даже и безъ него. Суда одного наименованія строятся не всегда въ одинаковомъ размѣрѣ; это зависитъ отъ произвола строителя. Мореходныя суда, здѣсь строящіяся, поднимаютъ грузу: гальотъ до 15,000 п., свирская палубная лодка отъ 12 до 14,000 п., озерная палубная шкоча — до 10,000 п., лайбовая сойма, палубная до 4000 п.; рѣчныя суда поднимаютъ грузу меньше: свирская и пашская лодка — до 12,000 п., полулодка — до 8,000 п., тихвинка — до 4,000 п., и соминка или ластовая сойма — до 2,000 п. Постройка этихъ судовъ производится по большей части артелями „въ круглую“, съ подряда за все судно; цѣны крайне не опредѣленны, такъ что гальотъ, смотря по оснасткѣ и по быстротѣ хода, оплачивается, напримѣръ, отъ 8 и до 16 тысячъ рублей, а соминка отъ 800 и до 2 тыс. рублей.

Лишь только встанетъ солнце, какъ пароходъ снимается съ якоря и входитъ въ Онего (начиная отъ Сермакса къ Петрозаводску пароходы отапливаются дровами, тогда какъ, идя Невою и Ладогою, жгутъ уголь). Если Ладога красива своей безбрежностью, то Онего щеголяетъ своими берегами; пароходъ все время идетъ въ виду западнаго берега озера, чрезвычайно гористаго и покрытаго силошнымъ лѣсомъ, среди котораго чрезвычайно живописно расположены деревни и села съ бѣлыми церквами. Пароходъ нигдѣ по пути

Онегой до самаго Петрозаводска не останавливается, хотя и проходит недалеко отъ Шокши, гдѣ добывается знаменитый шокшинскій порфиръ. Олонецкая губернія, раскинутая на пространствѣ 2,700 кв. миль, не имѣетъ вовсе путей сообщенія. Удобные сохопутные пути существуютъ лишь для соединенія между собою городовъ, да и то не всѣхъ, расположенныхъ на болѣе или менѣе отдаленныхъ окраинахъ Онежскаго озера, которое, представляя площадь въ 230 кв. миль, или около 1,000 верстъ берегового протяженія, считается, по величинѣ, вторымъ послѣ Ладоги въ Европѣ и занимаетъ кромѣ того средину губерніи. По почтовому тракту, напр., разстояніе между Каргополемъ и Повѣнцомъ вокругъ озера составляетъ около 800 верстъ, а между Каргополемъ и Петрозаводскомъ свыше 600 верстъ. По своему положенію въ самомъ центрѣ губерніи, а также и за отсутствіемъ сколько нибудь удобныхъ торговыхъ дорогъ, Онежское озеро имѣетъ весьма важное значеніе для внутренняго сообщенія поселеній, расположенныхъ по его побережьямъ, и для внѣшняго торговопромышленнаго движенія грузовъ къ Петербургу. Онего омываетъ берега пяти уѣздовъ, съ 180,000 душъ населенія, обитающаго при его заливахъ и на островахъ. Два города, а именно Петрозаводскъ и Пюфенецъ, находятся на самыхъ берегахъ Онежскаго озера; другіе два, Вытегра и Пудожъ, не въ далекомъ отъ него разстояніи, при впаденіи двухъ довольно большихъ рѣкъ съ удобными дельтами. Судоходство на озерѣ значительно; плавающія на немъ мореходныя суда, не говоря уже объ огромномъ количествѣ неболь-

шихъ промысловыхъ соймъ, дѣлають въ навигацію 570 рейсовъ съ грузомъ цѣнностью на $\frac{1}{2}$ м. рублей.

Кромѣ лѣса, главная масса котораго, въ бревнахъ и доскахъ, идетъ въ р. Свирь, судовые грузы заключаются въ хлѣбныхъ и другихъ товарахъ, доставляемыхъ изъ Вытегры въ Вознесенье, въ Петрозаводскъ, Повѣнецъ, Пудожъ и значительныя прибрежныя селенія. На пудоожскомъ и петрозаводско-повѣнецкомъ прибрежьяхъ находится уже до пяти лѣсопильныхъ заводовъ, а лѣса гибель, — ясно, что число этихъ заводовъ возрастетъ до большаго количества, когда явится возможность безопасно слѣдовать по Онегѣ. Богатство лѣса по берегамъ Онего до того велико, что горбыли и браковья доски сжигаются, такъ какъ ихъ некуда дѣвать; по берегамъ же расположены превосходныя ломки гранита, порфира и мраморовъ. По всему озеру производится обширное рыболовство, такъ что, напр., въ южной части Повѣнецкаго уѣзда, бываетъ въ одно время въ дѣйствии до 500 неводовъ. Предметы всѣхъ этихъ промысловъ сплавляются по озеру къ Петербургу; озеромъ же доставляется въ столицу рыба и весь пушной товаръ, привозимые съ Поморья, а также идутъ и толпы богомольцевъ, направляющихся въ Соловецкій монастырь.

Издадека еще начинаютъ выясняться на горизонтѣ очертанія живописныхъ Ивановскихъ острововъ, а затѣмъ изъ-за лѣса показывается и куполь вновь строящагося Петрозаводскаго собора и колокольня собора Петропавловскаго, выстроеннаго Петромъ Великимъ, который устроилъ на ней для себя небольшую обсерваторію. Наконецъ пароходъ входитъ въ узину между

лѣвымъ берегомъ Онеги и Ивановскими островами (7—8 версть) и подъѣзжаетъ къ пристани, гдѣ его ожидаетъ чуть ли не весь Петрозаводскъ. Подходя къ пристани, пароходъ расцвѣчивается флагами и вымпелами, а капитанъ почему-то считаетъ долгомъ облечься въ новенькій пиджакъ.

Въ тотъ же день мы осмотрѣли Петрозаводскъ, который, впрочемъ, осмотрѣть весьма не трудно, такъ какъ, собственно говоря, онъ состоитъ изъ одной улицы и изъ нѣкотораго подобія безобразной пропасти, которая какъ бы вымощена шлаками и въ которой прячется отъ взоровъ любопытныхъ знаменитый Александровскій пушечный и снарядный заводъ. Первый Петровскій заводъ построенъ былъ на устьѣ рѣчки Лососинки въ 1703 году. Это горнозаводское заведение было поводомъ къ образованію здѣсь слободы, подъ именемъ Петровской, которая при Петрѣ еще начала развиваться и имѣла уже въ его времена до 30 домовъ, разбросанныхъ по холмамъ. Отъ Петровскаго завода, разрушеннаго впоследствии, остались весьма немногіе слѣды. Въмѣсто него построенъ былъ нынѣшній Александровскій заводъ на правомъ берегу Лососинки, почти въ центрѣ нынѣшняго города въ 1774 году. Петровская слобода возведена на степень города, а въ 1784 Петрозаводскъ сдѣланъ губернскимъ городомъ Олонецкаго намѣстничества и въ 1801 году губернскимъ городомъ Олонецкой губерніи.

МОНАСТЫРИ И ПУСТЫНИ НА ЛАДОЖСКОМЪ ОЗЕРѢ.

(А. П. Андреева).

На Ладожскомъ озерѣ въ настоящее время находятся монастыри: Валаамскій, Коневскій и Овдрусова пустынь.

Валаамскій, Спасо-Преображенскій, мужской, перво-классный, очень богатый, монастырь находится въ группѣ острововъ Валаамо, отъ Петербурга черезъ Неву и Ладожское озеро въ 185, а материкомъ черезъ Кексгольмъ и Сердоболь въ 295 верстахъ. По гражданскому управленію принадлежитъ онъ къ Сердобольскому уѣзду (Выборгской губерніи) въ Финляндіи, а по духовному, состоитъ подъ вѣдѣніемъ финляндскаго епархіальнаго начальства. Валаамскіе иноки, основываясь на устныхъ преданіяхъ, считаютъ основаніе монастыря весьма древнимъ.

Въ книгѣ „*Валаамскій монастырь*“, изданія 1864 года, говорится: „Христіанская вѣра и Церковь, въ давнія времена, силились утвердиться преимущественно на такихъ мѣстахъ, которыя прежде служили центромъ язычества. Этотъ историческій фактъ осуществился и на Валаамѣ. Преданіе говоритъ, что въ древности на Валаамѣ было главное капище языческихъ боговъ *Велеса* (Волоса) и *Перуна*, которымъ поклонялись и приносили жертвы живущіе по окрестностямъ язычники. Разборъ слова *Валаамо* подтверждаетъ вѣроят-

ность преданія. Валаамо состоитъ изъ двухъ словъ: *мо*, по-ижорски значить земля, а *валъ*, можно считать одного корня со словами Вааль, Волось и Велось, слѣдовательно, слово Валаамо означаетъ—*земля Велоса*, т. е. мѣсто, Велосу посвященное. Мѣстное преданіе къ этому прибавляетъ, что св. Андрей Первозванный, просвѣтитель скифовъ и славянъ, пришелъ изъ Кіева въ Новгородъ, отсюда достигъ Ладожскаго озера и посѣтилъ Валаамъ. Тамъ благословилъ горы каменнымъ крестомъ, истребилъ капище Велоса и Перуна, обратилъ въ христіанскую вѣру и жрецовъ идольскихъ и обитавшихъ на островѣ язычниковъ, положилъ основаніе на Валаамѣ исповѣданію вѣры Христовой и оставилъ пастырями новособраннаго стада Христова нѣкоторыхъ сопутствовавшихъ ему учениковъ“.

Хотя слово *валаамо* чисто финское, но, и не опираясь на устныя преданія, исторически извѣстно, что основателемъ монашества на Валаамѣ считается преподобный Сергій, валаамскій чудотворецъ, поселившійся на островѣ въ 960 году. Преемникъ его, св. Германъ, чудотворецъ валаамскій.

Съ 960 года судьба Валаама, въ теченіе многихъ вѣковъ, подъ вліяніемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, подвергалась разнымъ невздамъ. Въ этотъ періодъ, монастырь, то падалъ, то возвышался, то сжигался, то опять возникалъ изъ пепла и развалилъ. Въ 1715 году, указомъ Петра Великаго, монастырь возстановленъ на прочномъ основаніи. Потомъ онъ, мало по-малу, увеличивался, и въ настоящее время монастырь по числу братій и средствъ уже первоклассный.

Владѣнія Валаамскаго монастыря состоятъ изъ группы острововъ, числомъ до 50, включая сюда всѣ маленькіе островки внутри и около главнаго побережья расположенные. Кромѣ того, есть въ его владѣніи много угодьевъ въ разныхъ мѣстахъ и на материкѣ и въ шхерахъ. Главные острова, кромѣ самаго Валаама, по относительному ихъ размѣру, слѣдующіе: Скитскій, Предтеченскій, Никоновъ, Никольскій, Святой и друг.

Острова Валаамской группы расположены отъ запада на востокъ на 21 версту, а отъ сѣвера къ югу до 8 верстѣ. Всѣ острова состоятъ изъ кристаллической каменной породы.

Валаамскій камень весь въ трещинахъ по разнымъ направленіямъ и въ нѣкоторыхъ частяхъ разложился въ мелко-зернистую темно-красную почву. Острова, не смотря на каменное ихъ свойство, всѣ покрыты весьма хорошимъ лѣсомъ. Въ долинахъ же, между горъ, есть много полосъ земли, весьма удобныхъ и для хлѣбопашества и для сѣнокоса.

Самая большая высота Валаама доходитъ до 200 футовъ отъ горизонта озера; на островѣ находится превосходная глина для выдѣлки кирпича, есть и песокъ и до десяти озерковъ разной величины, расположенныхъ въ разныхъ частяхъ острова,—въ иныхъ глубина до 5 сажень.

По монастырскимъ свѣдѣніямъ, всѣ монастырскіе острова, въ сложности, занимаютъ около 3100 десятинъ земли. Изъ этого количества до¹ 20 десятинъ занято подъ монастырскія строевія, также подъ сады и

огороды. Около 500 квадратных сажень — подь братскимъ кладбищемъ. Удобной почвы для засѣва 130 десятинъ; 700 десятинъ покрыто разнымъ лѣсомъ и кустарникомъ; остальное пространство состоитъ изъ горъ и болотъ. Впрочемъ, въ настоящее время для осушки болотъ по разнымъ направленіямъ прорыты канавы; лѣсъ же отъ пней, сухостоя и валежника — очищенъ; слѣдовательно, пространство земли, удобной подь засѣвы и сѣнокосы, увеличилось вдвое, а лѣсъ приобрѣлъ болѣе свободный и правильный ростъ.

Лѣса Валаама преимущественно: сосна и ель; растутъ въ изобиліи береза, ольха, осина, рябина и другія породы; но ходъ роста лѣса довольно медленъ. Въ садахъ разведены яблони, вишни, простыя и шпанскія, крыжовникъ, смородина, малина, приносящія столько плодовъ, что большаго нельзя ожидать и въ болѣе тепломъ климатѣ. Есть сливы, дули и груши не высокихъ сортовъ, но этотъ фруктъ рѣдко когда дозрѣваетъ. Яблокъ разныхъ сортовъ иногда снимается въ лѣто до 900 четвериковъ. Въ питомникахъ (школахъ, разсадникахъ) разведены кедры, каштаны, пихта, лиственница, лѣсной орѣхъ, тополь серебристый и душистый, вязъ, дубъ, клень, ясень и друг. Нѣкоторыя изъ этихъ деревьевъ разсажены по острову въ болѣе закрытыхъ отъ непогодъ мѣстахъ и по аллеямъ около монастыря.

Звѣрей на Валаамѣ почти нѣтъ. Въ лѣсу свободно живутъ дикіе олени, зайцы, иногда видна лисица. Рыба около валаамскихъ острововъ водится разнообразная. Оригиналенъ — совершенно особенный и по виду и по вкусу — сигъ, называемый *валаамка*.

На островѣ, по разнымъ направленіямъ, проложены весьма удобныя дороги, которыя даютъ возможность легко имѣть сообщеніе со всеми монастырскими мѣстностями, каковы: скиты, рыбныя ловли, избы, въ которыхъ живутъ сторожа для охраненія лѣса отъ порубки наѣзжими поселянами съ материка, мѣста вывозки дровъ, валежника, корней для добыванія смолы и скипидара, на заводы кирпичные и известковые и проч.

Климатъ на Валаамѣ довольно суровъ, но здоровый. Зеленъ появляется около половины мая, а зима вступаетъ въ свои права въ ноябрѣ. Зимніе морозы доходятъ до 17 и 18° по Реомюру; но бываетъ, хотя довольно рѣдко, когда они доходятъ въ январѣ и февралѣ до 25°. Прочный зимній путь черезъ озеро устанавливается только въ послѣднихъ числахъ января, а иногда и въ половинѣ февраля; случается, что по озеру во всю зиму съ Валаама ѣздить на саняхъ нельзя: сильныя вѣтра безпрерывно ломаютъ ледъ и двигаютъ его изъ стороны въ сторону. Озеро около Валаама освобождается отъ льда не ранѣе мая; плавающий ледъ временемъ виденъ еще и въ началѣ іюня. Все-таки Валаамъ—прелестнѣйшій уголокъ въ здѣшнемъ суровомъ климатѣ. Его природа своего рода особенность, подобную которой не встрѣтишь нигдѣ въ Европѣ. Множество совершенно отвѣсныхъ скалъ, идущихъ и въ высоту на десятки сажень и подъ горизонтъ воды на весьма значительную глубину, поражаютъ путешественника. Островки, мыски, заливчики, бухточки, игриво разметанные по всей Валаамской группѣ и какъ-то затѣйливо перемѣшанные между кру-

тыми берегами и высокохолмистыми возвышенностями, прелестны! Пролиты, проливчики, озерки между густою растительностію и угрюмыми гранитными скалами отражаютъ на лазури водъ всѣ предметы!.. А стройный хвойный лѣсъ, перевитый листвою чернолѣсья и луговою зеленью, какъ-то мягко дополняетъ общую картину, придавая всѣму чудный, восхитительный видъ.

При входѣ въ великолѣпный монастырскій заливъ, простирающійся въ длину почти на двѣ версты, путника очаруетъ и природа и самый монастырь съ его храмами, зданіями, садами. А что внутри острова... Какія тамъ природныя картины, какіе повсюду великолѣпные ландшафты! Передъ вами — то отвѣсная стѣна каменной скалы, по которой змѣйкой вьется луговая зелень съ разнообразными полевыми цвѣтками, тогда какъ изъ скалы высится красивая, крѣпкая, вѣтвистая берега!.. То вы видите отвѣсно-гладкій отрубъ каменной горы, по отвѣсу которой тамъ-сямъ гнѣзятся ель, сосна, или рябина съ своими ярко-красными плодами, — между тѣмъ какъ по верху растетъ высокій лѣсъ до самой ея окраины!

Среди озера, даже въ концѣ іюня, вода съ поверхности, взятая въ стаканъ, холодна такъ, что зубамъ больно. На окрестныхъ островахъ и по самому озерному побережью Валаама, отъ силы и суровости вѣтра, растительность нѣсколько страдаетъ; оконечности (мысы), выдающіяся въ озеро — безъ растительности и дочиста обмыты волной при сильныхъ непогодахъ. Въ монастырскихъ же бухтахъ и внутри самаго острова не чувствуется ни сила бури, ни суровость вѣтра. Въ

садахъ и вишня зрѣеть, и арбузь поспѣваетъ, и ароматная дыня нѣжнаго вкуса доходитъ вполнѣ, ужь не говоря о тыквѣ, которая приноситъ плодъ въ 2 пуда вѣсомъ! Въ огородахъ же и рѣдка растеть съ горную пушку; свекла почти того же размѣра; капуста созрѣваетъ въ объемѣ 11 дюймовъ! Не однажды, на выставкѣ садоводства въ Петербургѣ, валаамскіе огородные продукты заслуживали за свое достоинство и величину поощрительныхъ медалей. Сѣна на островѣ такъ изобильно, что ни въ какіе неурожайные годы не бываетъ въ немъ недостатка; даже зачастую сѣно идетъ подъ постилку лошадямъ въ конюшнѣ.

На Валаамѣ, по штату, состоитъ монашествующихъ братій 140. Въ наличности же, съ богомольцами, проживающими для пріобученія къ монашеской жизни, число братій почти всегда превышаетъ это число. Кромѣ того, чернорабочихъ крестьянъ ежегодно бываетъ болѣе 100 человекъ.

Всѣ обитатели Валаама (кромѣ чернорабочихъ, которые находятся по найму на специальныхъ занятіяхъ) раздѣляются по должностямъ, называемымъ *послушаніями*. Первое послушаніе игумена; второе — намѣстника; третье — казначея; четвертое — ризничаго (*). Потомъ идутъ духовники; далѣе старцы и уже послѣ ихъ прочая братія исполняетъ послушаніе: эконома, келлара, келіарха, трапезарія, рухольнаго, бібліотекаря, аптекаря; за ними пойдуть: клиросные, пономари, звонари, будильники, гостинщики, келейники и исполня-

---

(*). Игумень, намѣстникъ, казначей и ризничій составляютъ старшую братію и въ дѣлѣ управленія образуютъ изъ себя такъ называемый *монастырскій соборъ*.

юшіе разныя ремесла, письменную часть въ канцеляріи, печеніе просфоръ, хлѣба, возку дровъ, воды, вареніе кваса, прислуживаніе въ трапезѣ, въ поварнѣ, въ конюшнѣ; занимающіеся стиркою бѣлья, ловлею рыбы и проч. Эти послушанія называются общими.

Духовныя, иночныя чины другихъ видовъ: великій ангельскій чинъ—схима; ангельскіе чины: отшельникъ (скитянинъ), пустычникъ, молчальникъ, іеромонахъ, іеродіаконъ, мантейный монахъ. Не связанные отрече-ніемъ отъ міра—рясофоръ и послушникъ.

Монашеское постриженіе на Валаамѣ совершается вполнѣ по требнику. Насчетъ этого обряда книга „Валаамскій монастырь“ говоритъ: „Постриженіе въ мантию можетъ быть не раньше какъ черезъ три года *по приуказаніи* брата въ послушника, да и то тогда, когда онъ имѣетъ не менѣе 30 лѣтъ отъ роду. Удостоенный обрученія ангельскаго образа и въ немъ стараясь подражать христовой нищетѣ и смиренію, онъ не только не ищетъ сана священства и должностей, но, напротивъ, желаетъ, чтобы никогда ихъ не возлагали на него. Одинъ только *обѣтъ послушанія*, данный имъ при постриженіи, можетъ заставить его принять какой-либо санъ или должность. Истинный подвижникъ однажды навсегда умеръ для всѣхъ человѣческихъ желаній, даже самыхъ невинныхъ. Христову подвижнику, монаху, если можетъ быть какое-либо на землѣ желаніе, то это одно—принять на себя великій ангельскій образъ, т. е. схиму“.

„И такъ, постриженный инокъ надѣваетъ на себя мантию—одежду нетлѣвія и чистоты; накрываетъ главу свою клобукомъ—шлемомъ надежды спасенія“.

Все дѣло иноковъ, исключая рабочихъ, состоитъ въ различнаго рода церковныхъ службахъ; но они, начиная отъ намѣстника и до самаго послѣдняго послушника, участвуютъ и лѣтомъ въ уборкѣ сѣна на поляхъ, и въ уборкѣ овощей и плодовъ въ садахъ, и на огородѣ.

Монастырская трапеза общая—безъ жаренаго; въ скоромные дни—масло коровье, молоко, творогъ; въ постные—снѣдь съ растительнымъ масломъ и безъ онаго. На Валаамѣ, въ особенности въ лѣтнее время, бываетъ много богомольцевъ. Для нихъ около монастыря выстроена каменная, весьма опрятная гостиница, вѣрнѣе, страннопріимный домъ, гдѣ каждый богомольецъ можетъ имѣть комнату съ тюфякомъ и подушкой, также чай. Обѣдъ въ общей трапезѣ, но можно спросить его въ комнату; болѣе же въ этой гостиницѣ ничего нельзя имѣть. Для простаго народа такой страннопріимный домъ есть особенный, около монастырской пристани, тоже каменный.

Въ Валаамскомъ монастырѣ 5 скитовъ: Большой, Предтеченскій, Никольскій, на островахъ: Святомъ, въ Желѣзницѣ и въ Баювыхъ. Замѣчательны по архитектурѣ и красивы по внутренности храмы въ скитахъ Большомъ (Всѣхъ Святыхъ) и Никольскомъ.

Въ нижнемъ этажѣ монастырскаго главнаго собора устроена церковь во имя преподобныхъ Сергія и Германа, валаамскихъ чудотворцевъ. Въ ней подъ спудомъ почиваютъ святые мощи валаамскихъ угодниковъ Сергія и Германа, въ храмѣ же утверждена серебрянная рака.

Въ теченіе года пребываетъ богомольцевъ въ Ва-

лаамской обители вѣсколько тысячъ. Окрестные жители являются болѣе всего въ день Благовѣшенія Пресвятыя Богородицы и на праздникъ св. апостоловъ Петра и Павла. На первомъ праздникѣ бываетъ народу до 900 чел., а на второмъ до 3—4 тысячъ.

Высоко почитая трудъ валаамскихъ иноковъ св. Сергія и Германа, подвижниковъ православія, миссіонеровъ евангельской истины и утвержденія вѣры Христовой въ здѣшнемъ дикомъ въ тѣ времена краѣ, нельзя не возносить ихъ дѣйствій.

Коневскій, Рождественскій, общежительный, третьеклассный, мужской монастырь, находится на островѣ Коневецъ, близъ западнаго берега озера, въ Финляндіи, Выборгской губерніи, Кексгольмскаго уѣзда. Островъ Коневецъ отдѣляется отъ материка глубокимъ проливомъ шириною въ 4 версты. Отъ Петербурга, водою — озеромъ и Невою 165, а отъ Кексгольма 35 версть.

Первымъ поселенцемъ и основателемъ обители на Коневцѣ,—по свидѣтельству новгородскихъ лѣтописей и мѣстнаго преданія,—былъ уроженецъ Великаго Новгорода, инокъ Арсеній, прибывшій сюда въ 1393 году. До того островъ былъ пустынный, а жители сопредѣльной Корельской земли были идолопоклонники. Арсеній утвердилъ здѣсь вѣру Христову.

Съ основанія обители на Коневцѣ, она безмятежно существовала 177 лѣтъ; послѣ того пошли на нее разныя невзгоды: разореніе отъ войнъ, перенесеніе по этимъ случаямъ обители въ другія мѣста, опять возобновленіе, опять погромы, и только въ 1718 году послѣдовалъ указъ Петра I, чтобы на Коневцѣ устроить

обитель по-прежнему, которая существуетъ и по настоящее время.

Островъ Коневецъ въ окружности около 18 верстъ; почва на немъ, на одной половинѣ большею частію песчаная, а на другой—глинистая, съ валунами. Самый островъ довольно высокъ, на срединѣ его есть возвышенность, называемая св. Гора, гдѣ находится скитъ. Лѣсъ по всему острову хвойный, но между имъ есть и чернолѣсье.

Коневская обитель расположена на юго-западномъ берегу острова, на ровной и возвышенной мѣстности. При ней въ 1843 году устроена деревянная гавань, которая въ настоящее время мало-по-малу заносится пескомъ съ озера; одинъ или два галіота могутъ еще въ ней помѣститься, пароходы же пристають къ западной сторонѣ этой гавани.

Соборный храмъ и всѣ монастырскія постройки каменные. Въ нижней церкви собора находится серебряная рака преподобнаго Арсенія Коневского; самыя мощи его подъ спудомъ. Подлѣ монастыря, вправо, стоитъ довольно большая деревянная гостиница, замѣчательная по толстотѣ деревь въ постройкѣ, которыя всѣ взяты съ острова. Этотъ домъ для богомольцевъ выстроенъ въ 3 этажа. Въ лѣвой сторонѣ, передъ обителью, въ 1873 году выстроена тоже гостиница, каменная, большая и весьма красивой архитектуры.

Отъ скита влѣво идетъ тропинка по направленію къ другому концу св. Горы, гдѣ на лѣвомъ ея склонѣ, по крутизнамъ ведетъ лѣстница внизъ, въ густую сосновую рощу, растущую почти въ грудяхъ камней. Въ числѣ этихъ камней есть огромной величины валунъ,

называемый *конь-камень* *); на немъ выстроена часовня. Этотъ громадный валунъ по народному преданію названъ конемъ-камнемъ потому, что язычники обитавшіе на материкѣ переправляли сюда на лѣто лошадей для пастбища, а по приближеніи зимы увозили ихъ обратно и въ угоду того духа, который берегъ ихъ стада, оставляли у этого камня коня. На другой годъ при переправѣ стада на пастбище, коня уже на островѣ не было: жертва была принята духомъ! Преподобный Арсеній, поселившись на островѣ, благодатію Божіею, дѣйствующею чрезъ св. икону Богоматери, изгналъ отъ камня нечистаго духа, который въ видѣ вѣрона перелетѣлъ на материкъ въ бухту противъ монастыря, отчего та и получила названіе *Чертова лахта*, а островъ, гдѣ монастырь—Коневецъ.

Весь Коневскій островъ заключаетъ удобной и неудобной земли 746 десятинъ. Всей братіи безъ работниковъ считается 125 человекъ. Монастырскій уставъ тотъ же, что и на Валаамѣ.

Ондрусова-Николаевская пустынь основана въ первой половинѣ XVI вѣка схимонахомъ Андріаномъ. Основатель этой пустыни въ мірѣ назывался Андреемъ, происходилъ изъ дворянскаго рода Завалишиныхъ и былъ при царѣ Іоаннѣ III Васильевичѣ царедворцемъ.

Брошюра *Ондрусова-Николаевская* пустынь, изданная въ С.-Петербургѣ 1856 г., говоритъ: „Проживая по волѣ Государя своего въ Обонежской пятинѣ, Андрей съ дружиною своею часто ходилъ на звѣриную ловлю

*) Высота камня 7, длина 13, толщина или ширина 9 сажень. Около него лежатъ значительной величины части того же камня, отдѣлившіяся отъ него при сильныхъ морозахъ.

въ дремучихъ лѣсахъ этого края. Однажды охотясь съ дружиною въ густой чащѣ лѣса, замѣтилъ онъ оленя и погнался за нимъ со псами. Преслѣдуя звѣря, онъ отдалился отъ дружины своей и въ мѣстѣ, гдѣ, казалось, отъ вѣка не была нога человѣка, встрѣтилъ убогую хижину. На порогѣ хижины явился къ нему отшельникъ, въ одеждѣ ветхой, — это былъ преподобный Александръ Свирскій, семь лѣтъ уже спасавшійся въ этой пустынной мѣстности. Андрей, познавъ сладость пустыннаго житія, оставилъ могущество и санъ, облекся въ одежду нищеты и смиренія, отошелъ въ Балаамскую обитель, гдѣ, послѣ продолжительнаго искуса, сподобился ангельскаго образа и наречень Андріаномъ. Желая во всемъ идти по слѣдамъ преподобнаго Александра, Андріанъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ пребыванія въ Балаамѣ, удалился на восточный берегъ Ладожскаго озера, избралъ уединенное мѣсто и поселился тамъ на пустынножитіи“.

Такимъ образомъ обитель получила начало и названа по имени своего основателя Ондрусовою. На нарѣчи мѣстныхъ жителей, т. е. на корельскомъ, Ондрусь значитъ Андрей.

Есть еще мѣстное преданіе, сильно характеризующее древній бытъ на Ладожскомъ озерѣ, и вотъ что говорится объ этомъ въ вышеупомянутой брошюрѣ.

„Въ первое время своего водворенія преподобный Андріанъ встрѣтилъ людей непріязненныхъ. Въ дремучихъ лѣсахъ острова Сало *), лежащаго противъ его пустыни, укрывался недобрый человѣкъ, который

---

*) По-корельски—дебрь.

съ своею шайкою дѣлалъ нападеніе на пловцевъ по Ладожскому озеру. Близкое сосѣдство пустытника, въ сожитіе къ которому начали собираться многіе ищущіе спасенія, тревожило атамана разбойниковъ, и онъ съ угрозами требовалъ, чтобы отшельники оставили берега озера; но потомъ слезы Андріана смягчили сердце грабителя и отшельники были оставлены въ покоѣ. На каменистомъ мысу, называемомъ Стороженскимъ, — въ южной части Ладожскаго озера, близъ Свири, — жилъ тогда же другой разбойникъ, который, завидуя успѣхамъ въ грабежахъ сосѣда Андріанова, всячески искалъ случая погубить его. Случай вскорѣ представился. Однажды оба соперника, развѣзжая съ шайками своими для промысла, встрѣтились, и страшная битва закипѣла между враждующими. Счастіе измѣнило жителямъ острова Сало: они были побѣждены; предводитель ихъ взятъ въ плѣнъ и скованный брошенъ въ ладьи врага своего“...

Впослѣдствіи онъ очистилъ себя покаянiемъ и окончилъ дни свои въ обители Андріана.

Говорятъ, что атамана этого звали Ондрусъ, потому и мѣсто, гдѣ онъ жилъ, имѣло названіе Ондрусово; а какъ впослѣдствіи тутъ основана пустынь, то и ей присвоили это имя.

Въ Ондрусовой пустыни находятся подъ спудомъ мощи преподобнаго Андріана.

КОРЕЛІЯ И ЕЯ ПРОМЫСЛЫ.

(Изъ путеш. В. Майнова).

„Корелякъ, что свѣтлякъ, въ лѣсу живетъ“—вотъ какъ русскій человѣкъ взглянулъ на встрѣченнаго имъ инородца. И правда: русскій ухитряется на ловъ рыбы и на иное какое подспорье къ тому, чтобы пропитать себя и свою семьюшку, тогда какъ корелякъ или устроился на хорошихъ сележныхъ мѣстахъ, или же съ винтовкою за плечами кормится охотой и живетъ хорошо, при всей бѣдности окружающей его природы, при всемъ томъ, что природа эта не мать тамъ человѣку, а злая непривѣтная мачиха. Логово свое онъ выстроилъ такъ, что изба образуетъ полный квадратъ, вышины въ логовъ отъ $2\frac{1}{2}$ до 3 сажень, такъ какъ запасливому кореляку потребовалось и подполье и родъ клѣти устроить, гдѣ можно бы было безнаказанно отъ лѣтней жары хранить корельское лакомство—рѣпный квасокъ, а также хоть не мудрые, а все же таки, какъ ни на есть, продукты. Избу онъ свою раздѣлилъ на два отдѣленія: въ одномъ помѣщается его спальня и горница (пріемная, гостиная), а другое посвятилъ онъ на домашній обиходъ; тамъ онъ съ семьею работаетъ, тамъ стряпается его пища—это горница обыденная, навидавшаяся тяжелыхъ трудовъ своей семьи, наслыхавшаяся великаго горя семейнаго. Иной, побѣд-

нѣе, не справился и съ такою роскошью, какова изба о двухъ горницахъ, и живетъ себѣ въ одной, которая и служить ему для семейнаго обихода, равно какъ и для торжественныхъ случаевъ. При входѣ въ избу, направо помѣщается печь, а вокругъ примастила хозяйка свой нероскошный посудникъ, въ переднемъ углу повѣшенъ кіотъ, а посреди горницы стоитъ столъ съ ящикомъ для ножей и ложекъ. Сѣни всегда холодныя и придѣлано къ нимъ боковое крыльцо; сѣни эти носятъ названіе связи. Хоть небольшо богатый, но тѣмъ не менѣе все-таки домовитый корелякъ помѣстилъ всякую хозяйственную пристройку у себя подъ рукою; тутъ же за связью у него сѣноваль, а подъ бревенчатымъ поломъ сѣновала, въ которомъ подѣланы прорѣзи, помѣщается скотный дворъ и притомъ съ такимъ ухищреніемъ, чтобы прорѣзи сѣновала какъ разъ приходились подъ яслями,—было бы споро сѣно скотинѣ давать. Въ сѣняхъ отведена клѣтушка для храненія разнаго скарба—это уже женское царство, а мужикъ иной разъ даже и не знаетъ, что лежитъ въ клѣти. Во внутренней жизни своей корелякъ вовсе не отличается особенно чистоплотностью, да, признаться, трудно и соблюдать-то ее, когда привыкъ человекъ рыбешку чистить въ избѣ на полу, когда всѣ помыслы его направлены лишь на то, какъ бы такъ умудриться, чтобы не проѣсться въ конецъ на покупной мукѣ, которую на его потребу привезли за тридевять земель, тѣмъ не менѣе, видно наболѣлись корельскіе глаза, видно нанудились вдоволь корельскія легкія, и мы видимъ уже повсемѣстно, что на курныя, черныя избы идетъ гоненіе великое. Двора у кореляка не полагается,

да и не къ чему, такъ какъ зимушка студеная научила уже его грѣть свою скотину въ застрояхъ. Стекло дорого кореляку приходится, и потому никакъ онъ не наладитъ хорошаго окошка,—дыра какаля-то; а тутъ еще стужа зимняя такъ въ окошко и ломится, и вздумаль корелякъ жить зимою кругомъ подземельникомъ,—какой тутъ свѣтъ Божій, хоть бы отъ стыди-то убе-речься; какъ только стукнетъ первый морозъ, корелякъ тотчасъ же заколачиваетъ свои окна до верхнихъ стеколъ досками и сидитъ всю зиму въ темно-тѣ,—благо не ему суждено читать и писать. Всячески умудряется онъ въ борьбѣ своей съ морозомъ; избу свою онъ на зиму конопатитъ вновь мохомъ или куделью, смотря по достаткамъ, да кромѣ того еще по пазамъ смазываетъ глиной или толченымъ мраморомъ съ навозомъ; этотъ послѣдній способъ случалось намъ видѣть не разъ въ корельскихъ волостяхъ и удивляться такому сочетанію, которое держитъ однако тепло отлично. Благо лѣсу много, хату свою корелякъ покрылъ тесомъ; хоть и горбыльнымъ, а все же таки потеплѣ ему живется, чѣмъ нашему степняку. Корелякъ—охотникъ помыться и попариться, и всякій домохозяинъ саженьяхъ въ тридцати отъ избы своей ставитъ особую баню; хоть и не казиста она на видъ, а все же попариться въ ней можно и не надо залѣзать въ печку, гдѣ того и гляди кирпичемъ убьетъ, а то задохнешься.

Можетъ-быть когда-нибудь и чурался корелякъ отъ одежды русской и носилъ свою народную, да во всякомъ случаѣ не могла она особенно отличаться отъ одежды нашего русскаго крестьянина, такъ какъ однѣ

и тѣ же причины обусловливали ея составъ и даже покрой; разница можетъ быть въ любимомъ цвѣтѣ, въ прикрасахъ; у кореляка верхняя овчинная одежда скроена полушубкомъ, а подъ нею иной мерзлякъ еще и сѣрый суконный армякъ надѣнетъ, шапка на немъ опять таки баранья; небось! изъ бѣлокъ набирать не станетъ, такъ какъ перенялъ опять же нашу русскую ухватку: что лучше—продать, похуже—себѣ взять; рукавицы носить онъ съ варегами, которыя вяжутъ для него гдѣ-то; коли придать къ этому костюму сапоги изъ бѣлой вымоленной кожи, которые, какъ увѣряютъ здѣсь, никогда не промокаютъ, суконныя онучи да высокіе валенки, то воочію встанетъ передъ нами корелякъ въ его зимней, налаженной натепо одеждѣ. Баба корелячка, ужъ на что, говорятъ, бабы ту же мужиковъ поддаются чужому вліянію, а и та развѣ только одну бѣлоглазость свою сохранила да юбку чухонскую, — а не отличишь ее издали отъ нашей женщины изъ губерній поголоднѣе, не по костюму своему, а по малорослости, малосилію и болѣе бѣлосой окраскѣ и глазъ и волосъ; носить корелячка сорочку холщевую съ длинными рукавами, что мы находимъ и у заонежскихъ русскихъ, а поверхъ юбки своей надѣваетъ нашъ русскій сарафанъ; корелячки башмаками пренебрегаютъ и облюбили длинные мужскіе сапоги съ бѣлыми голенищами — опять ради мокряти; голову корелячки не повязываютъ, а покрываютъ платкомъ. Другое дѣло лѣтомъ! На мужикѣ тогда надѣта, такъ называемая, понитка или полукафтанъ, на головѣ его сидитъ низенькая поярковая шляпа, на ногахъ тѣ же бѣлые сапоги, а лапти почти совсѣмъ изгнаны изъ

употребленія, въ виду распространившейся всюду охоты къ роскоши; въ прадникъ корелякъ шеголяетъ въ красной рубахѣ и въ фабричной фуражкѣ, а корелячка надѣваетъ шерстяной сарафанъ, высокіе чулки и бѣлые сапоги.

Бѣтъ корелякъ ладно, благо природа дала ему и рыбки, и птицу, и звѣря; только вся бѣда въ томъ, что изъ этихъ даровъ природы корелякъ норовитъ наѣсться негоди, а что получше—продать сборщику. Хлѣбъ у него почти весь покупной и сѣтъ корелякъ такъ только для развлечения или въ силу разъ установившагося обычая, такъ какъ ему и на мѣсяцъ съ семьєю своего хлѣба не хватить; хотя большесемейности у нихъ и не замѣтно и семьи все больше однотогольныя, все же ртовъ набирается много и муки припасать приходится не мало. Хлѣбъ пекутъ корелячки пополамъ изъ ржаной и овсяной муки, такой хлѣбъ называется кокой или овсянникъ; наварить иногда хозяйка щей изъ сухой мелкой рыбы, да подастъ пареной или печеной рѣпки, покрошитъ картофеля, коли запасла его вдоволь, да на прадникъ прибавитъ еще къ этой снѣди соленыхъ окуней или плотвы—вотъ и обѣдъ корельскій; осенью бываетъ за столомъ и мясо, что либо отецъ набьетъ, либо шустрый сынишка подкараулитъ на озерѣ. Больше однако корелякъ расположенъ къ мучной пищѣ, она для него услада, лакомство, такъ какъ дичины—бей не хочу, а тестомъ да мучниной хозяйка передъ хозяйкой колдырятся—„у насъ-де нынче 4 мучнины было“, т. е. 4 мучныхъ блюда; захочетъ угостить васъ корелякъ, такъ наставитъ 8—10 блюдъ съ разной мучни-

ной: „Ишь-де я какой богатый, какъ я тебя потчую на славу“. Первымъ дѣломъ приведу я здѣсь щинаники или калитки, штуку превкусную, пирой или рыбникъ печется изъ ржаной муки пополамъ съ овсянкой и начинается смотря по тому, что имѣется въ наличности, то палтусиной, то лещемъ соленнымъ, а то и рыбешкою; иная хозяйка угостить васъ и курникой или по нашему овсяными блинами съ житною кашей, а иная такъ и пирожное смастерить корельское любимое—это чупуку или овсяный кисель съ молокомъ. Рыбу привыкли ѣсть больше вареную прямо въ чешуѣ, безъ очистки, при чемъ увѣряють, что она такъ-то наваристѣе; рѣдко увидишь, что рыбу поджаривають. Любимую снѣдью кореляка слѣдуетъ признать вствоженное молоко и рѣпу, наиболѣе употребительною—окуневую малю и рыбешку, а напиткомъ—рѣпный квасъ. Картофель сѣють рѣдко, да и то онъ рѣдко урожается, а горохъ такъ и вовсе не сѣють—не выдержитъ позднековъ, т. е. юльскихъ морозовъ. Ёсть корелякъ и три и четыре раза въ день, смотря по тому, что дѣлаетъ; на полѣсованьи и разъ поѣсть—ладно, а когда онъ подлѣ дома вертится,—и послѣ четырехъ разъ все будто на ѣду позываетъ.

Чтобы жить и горькую свою жизнь избыть, корелякъ долженъ сильно работать; рубить лѣсъ, разъ 8 перепахать сдѣланное имъ огнище, переборонить землю до состоянiя порошка, ловить рыбу, косить сѣно, бить птицу и звѣря и въ концѣ концовъ выручить этимъ трудомъ ровно столько, сколько хватить лишь на годовой прожитокъ. Первымъ дѣломъ, лѣтомъ наступаетъ время сѣнокоса; числа съ 24 iюня корелякъ бросаетъ

свой домъ и выселяется на свои покосы, которые находятся зачастую въ 10—15 и даже 20 верстахъ отъ его деревни. Сѣнокосъ — время милое для всякаго, такъ какъ и солнышко пригрѣваетъ не по олонецки, и воздухъ хорошій, и снѣдь добрая; нѣтъ тутъ порядка какого либо, а просто на просто ѣдетъ Данило Воцема косить на незанятое мѣстечко, накосить сколько ему надобно и къ 1, а, коли запоздаетъ, то 15 августу ѣдетъ домой, такъ какъ настаетъ пора налаживать винтовку и весь причендалъ полѣсовный и идти до середины октября, а то и до ноября, коли станетъ охоты или велика нужда. Сталь теперь корелякъ ухитряться, видитъ онъ, что болотина жирная и рожала бы хлѣбъ, да вода мѣшаетъ, да ржавчина, и впало ему въ мозги, что вѣдь воду то можно и согнать, да только одному ему такого дѣла не осилить; вотъ и задумали кореляки не виданное дѣло: стали по три по четыре хозяина дѣло дѣлать сообща, высушили болотину, посѣяли на ней не матушку рѣпку, а прямо таки рожь и родилась у нихъ безъ навозу рожь самъ пятнадцать! Диву тутъ дались кореляки, и теперь дѣйствительно такая артельская осушка въ большомъ ходу. Кромѣ землешества, ходитъ корелякъ и въ отхожіе промыслы: на вывозку бревенъ изъ лѣса къ ручьямъ и рѣчкамъ зимою, а весною на выгонку ихъ либо къ заводамъ лѣсопильнымъ, либо въ озеро, гдѣ ихъ вяжутъ въ кошели и плоты и ведутъ пароходами. Живетъ корелякъ и рыболовствомъ, а такъ какъ ему одному невода не осилить купить и наладить, то и сходятся на эту подѣлку по большей части 8 домохозяевъ, строить неводъ на общій коштъ, рыбачать сбщими силами

и дѣлать выручку на 9 частей, изъ которыхъ 8 дѣлятся между участниками, а девятая идетъ на церковь и на поддержку снастей. Неводъ наладить вещь трудная; всего на всего неводъ станетъ 64 р. 50 к. Такихъ неводомъ наловить вся артель пудовъ до 60 въ годъ рыбы, а коли весна была добрая, то и больше. Не одну красную рыбу вылавливаетъ корелякъ, а потому и ловить онъ еще по озерамъ мережами и крючьями или переметомъ; на этотъ снарядъ ловится щука (гаука), окунь, лещъ, ершъ; салатти (салакушка) покупаютъ охотно—рыба она сладкая и ходъ ей въ Питерѣ хорошій, изрѣдка ловится и минога—ею дорожатъ и когда поймаютъ митикку (минога), то тотчасъ кладутъ въ сторону, такъ какъ скупщикъ увезетъ въ Питеръ и продастъ за настоящую рижскую или ревельскую.

Хоть и населила природа лѣса корельскіе и птицею всякою и звѣремъ подходящимъ на потребу живущему тамъ человѣку, но все-таки человѣкъ этотъ не пользуется этими дарами природы такъ, какъ могъ бы пользоваться, благодаря установившемуся и въ этихъ мѣстахъ обычаю жить и дѣйствовать изъ-подъ чужаго ума и хлѣбъ свой добывать изъ вторыхъ, такъ сказать, рукъ. Скупщикъ дичи и здѣсь даетъ кореляку отъ 50 до 70 рублей впередъ, зная навѣрное, что корелякъ соблюдетъ условія и дастъ случай нажить рубль на рубль, а самъ питается лишь крохами. Когда полѣсовщикъ возвращается домой, то его уже поджидаетъ ловкій человѣкъ-скупщикъ, а то и прикащикъ его и тотчасъ назначаетъ цѣну его товару; тутъ парѣ рябчиковъ цѣна 15 и 18 к., а парѣ тетеревовъ отъ

25 до 35; полѣсовщикъ имѣетъ право попридержать дичь и прислушаться къ ходящимъ цѣнамъ; иной разъ случается, что къ нему же будто ненарокомъ наѣзжаетъ другой скупщикъ и даетъ двумя-тремя копѣйками дороже,—тогда и завсегдаточный дѣлаетъ надбавку, и покупатель и покупщикъ сходятся въ цѣнѣ. Случается, что скупщикъ набивается тутъ же и порокомъ и пульками; корелякъ потопорщится, потопорщится, да и возьметъ у своего давальца порошку по 1 р. 25 к. за фунтъ, т. е. ту цѣну, которую платитъ онъ и въ городѣ. Великое дѣло укладка дичи,—и здѣсь нужно умѣнье и особая ухватка, пріобрѣтенная горькимъ опытомъ и передающаяся отъ дѣдовъ и прадѣдовъ; дичь кладутъ въ коробки, да не просто валять, а на каждый рядокъ накладываютъ соломы, а черезъ два-три ряда продернуть черезъ весь коробъ крестъ на крестъ палки, чтобы птица не мялась верхними рядами.

Выгонка лѣса производится также не прямо и непосредственно, а опять-таки изъ-подъ рядчика, который и изъ этого малаго, что ему даетъ хозяинъ на наемку людей, утянетъ малую толику дѣтишкамъ на молочишко. Рядчикъ—обыкновенно свой же корелякъ, только посытнѣе остальныхъ, получаетъ отъ лѣсопромышленника рублей 50 и 100, при чемъ онъ обязуется доставить ко вскрытію рѣкъ на мѣсто известное число рабочихъ; за cadaго выставленнаго имъ рабочаго онъ получаетъ отъ 3 р. 50 к. до 2 руб. въ недѣлю на хозяйскомъ содержаніи; рядчикъ на каждый десятокъ рослыхъ и возмужалыхъ рабочихъ имѣетъ право поставить одного мальчишку-малолѣтка, хотя

на его долю и получает одинаковую со взрослыми плату. Уже зимой рядчикъ успѣлъ побывать у гонциковъ и разсовать имъ задатки; какъ только придеть время гонки, заподряженные рабочіе являются на мѣсто. Выгонка идетъ со вскрытія до 15—20 іюня, и если путь дологъ, то плата недѣльная бываетъ поменьше. Также точно заподряжается корелякъ и на вывозку, при чемъ беретъ коржъ изъ дому и на нѣсколькихъ лошадяхъ выѣзжаетъ въ лѣсъ на мѣсто рубки; самое время вывозки тянется съ новаго года до 1 марта, когда роднички начинаютъ просачиваться черезъ талый снѣгъ; плата за эту подѣлку бываетъ различная, смотря по тягости работы; такъ, за трехъ аршинное дерево въ 5 вершк. толщины платять 25 к., въ 10 вершк.—50 к., и въ одну недѣлю корелякъ съ двумя семейными можетъ заработать рублей десять; тутъ, проработавъ недѣли двѣ, онъ покупаетъ муки и возвращается домой. Эта работа куда лучше гоночной, но и тутъ умудряются кореляка обчитать и урвать клочекъ изъ его трудового заработка.

Сегозеро образовало у Падановъ довольно обширную губу, съ чрезвычайно гористыми и живописными берегами, на которыхъ расположенъ погостъ. Направо, на самой вершинѣ горы виднѣются остатки какихъ-то, словно, укрѣпленій—это, такъ называемые, редуты, которые построены были здѣсь во времена шведской войны. Паданы когда-то были столицею Корелии,—теперь мѣстопребываніе ставоваго пристава. Прежде сильные корелы всюду уступили движенію великорусскаго племени и съ береговъ Онега отодвинуты къ Сегозеру; да и тутъ видишь все знакомыя русскія лица. Толь-

ко между собою говорятъ еще корелы на корельскомъ языкѣ. Всѣ корелы превосходно говорятъ по-русски, и нѣтъ этого лишь въ самыхъ удаленныхъ отъ Онега мѣстностяхъ корельскихъ волостей.

Если бѣдны крестьяне русскіе въ Повѣнецкомъ уѣздѣ, то про кореляковъ и толковать нечего; хлѣбъ доставать имъ гораздо труднѣе, а потому онъ у нихъ дороже и слѣдовательно разныхъ прелестей, въ родѣ сосновой коры, соломы и т. п. кладется въ печево у нихъ побольше; канаты и веревки вьютъ они изъ бересты, за невозможностью пріобрѣсти пеньку дешево; та же береста служитъ имъ и для производства котловъ, въ которыхъ они ухитряются варить ушицу изъ невычищенной рыбы. Чтобы разыскать себѣ мѣстечко для посѣва, корелякъ зачастую уѣзжаетъ верстъ за 20 отъ своего селенія, да и тамъ-то соберетъ развѣ самъ-третей скудный свой посѣвецъ.

Снова пришлось въ Повѣнцѣ провести не у дѣла нѣсколько дней; да и радъ же я былъ, когда наконецъ вдали на Онега показался дымокъ, потомъ подъ дымкомъ — черная точка... ближе, ближе и на полномъ ходу подлетѣлъ пароходъ „Повѣнецъ“ къ деревянненькой повѣнецкой пристани. Но вотъ раздался снова звонокъ, за нимъ другой, третій, на берегу стоящая публика запрошались, пароходъ двинулся отъ пристани, шума колесами и выпуская клубы чернаго дыма. — „Повѣнецъ“ прекрасный пароходъ съ быстрымъ ходомъ, и, благодаря красотѣ береговъ Онеги въ Повѣнецкой губѣ, никто и не замѣтилъ, какъ мы взошли въ какую-то „Матку“ и причалили къ пристани. Только недавно стали подходить сюда пароходъ, такъ какъ всѣ боя-

лись мелководья, но капитанъ „Повѣнца“ благословился да и подошелъ къ Маткѣ, которая отъ знаменитой Шунги находится всего въ 1½ верстахъ. Шунга — центръ поморской торговли, Шунгская ярмарка извѣстна и на берегахъ Бѣлаго моря, и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, и въ Варшавѣ. На бумагѣ Шунгской ярмаркѣ положено начинаться 6 января, но она, какъ и всѣ ярмарки на Руси, бумаги не слушается и торгуетъ себѣ до срока, такъ что ко дню открытія ярмарки главный торгъ оканчивается. На ярмарку съѣзжается тысячь около шести народа, такъ какъ здѣсь же закупается зачастую и мука и всякое питательное снадобье. Гостиный дворъ, состоящій изъ 65 №№, занимается по преимуществу краснымъ, панскимъ, суровскимъ, кожевненнымъ, бакалейнымъ и посуднымъ товаромъ; оленинъ шкуры валяются зачастую на землѣ, а рыба и дичь складывается преимущественно на Путкозерѣ и на лѣсномъ дворѣ; но гдѣ же укрывается отъ взоровъ любопытныхъ изслѣдователей главная сила Шунги — товаръ пушной? Еще лѣтомъ начинаютъ разъѣзжать по Повѣнецкому (да и по другимъ мѣстамъ) уѣзду прикащики крупныхъ торговцевъ; пріѣхалъ прикащикъ къ крестьянину, — сейчасъ засамоварились, какъ слѣдуетъ быть, по положенію. „Да ты, Кузьма, деньжонокъ у меня взялъ бы?“ предлагаетъ прикащикъ. „На кой ихъ мнѣ?“ отговаривается крестьянинъ. — „Да бери, коли даютъ; послѣ сочтемся на промыслѣ“. Всучить таки прикащикъ деньги, всенепремѣнно всучить, потому что въ томъ-то его и вся служба заключается, чтобы всучить впередъ деньги. Такъ около октября мѣсяца снова ѣдутъ прикащики по поселкамъ.

„Ну что, Кузьма? какъ дѣла? много ли наполѣсовалъ?“ спрашивается прикащикъ у хозяина за неизмѣннымъ самоварчикомъ. Начинается затѣмъ расчетъ, какъ угодно прикащику, — мужикъ въ накладѣ, прикащикъ радуется, что дѣльце обработалъ, а въ барышахъ только скупщикъ одинъ, который возьметъ рубль на рубль за труды своего кабальнаго полѣсовщика. Сговариваются о доставкѣ и вотъ къ новому году прибываетъ скупленный давнымъ давно товаръ въ Шунгу и размѣщается по подваламъ въ самой Шунгѣ и по разнымъ поселкамъ верстъ на 5 — 6 въ окружности. Товаръ давно уже скупленъ, а слѣдовательно и покупать на самой ярмаркѣ нечего.

Было время, когда Шунга торговала таки исправно; въ 1860 г. товару на ярмарку навезли на цѣлыхъ 800 т. р., а въ 1862 г. такъ и на цѣлый миллионъ; но потомъ торговать стали хуже, благодаря морамъ на дичь и звѣря. Изъ шкурокъ всего больше идетъ бѣлка, которая зачастую мало отличается отъ сибирской; бѣлки вывезено было въ послѣднюю ярмарку на 45 т. р., зайца — $1\frac{1}{2}$ т., лисицы — 3 т. и оленя — 3 т. Всѣ мѣха вообще не отличаются высокимъ качествомъ и менѣе цѣнны, нежели сибирскіе, которые гораздо темнѣе цвѣтомъ. Цѣны стоятъ обыкновенно на пушной товаръ весьма низкія, такъ какъ скупъ производится съ предварительной выдачею денегъ; такъ лисицу можно купить за 4—5 р., бѣлку — отъ 11 к. до 14 к. за пару, зайца — за 10 к., медвѣдя — отъ 4 до 5 р. и оленя — за 1 р. 50 к. Иногда пушной товаръ доставляется въ Шунгу самими звѣроловами, а то и по найму отъ скупщиковъ; продается онъ всегда большими

партіями и идетъ въ Ростовъ (заяць), Каргополь (бѣлка), Вологду (бѣлка же), Петербургъ (лисица и медвѣдь) и Архангельскъ (олень).

Хотя количество привозимой рыбы и уменьшилось, но не такъ рѣзко. Одной сухой трески, которая идетъ затѣмъ въ Петербургъ, привозится ежегодно около 35 т. пудовъ на сумму около 50 т. р. Сельдей, семги, сига, наваги и камбалы больше 2000 п. не привозится; мелочь же скупается на мѣстѣ, а остальная направляется на Петербургъ. Для скупа рыбы существуютъ такія же точно компаніи, какъ и для скупа дичи; компаніи по первопутку нанимаютъ возчиковъ, рассылаютъ ихъ по мѣстамъ скупа и еще до ярмарки тысячи пудовъ отправляются въ Петербургъ, минуя даже Шунгу. На самой ярмаркѣ идутъ лишь счеты, сдѣлки и учеты по покупкѣ и доставкѣ (преимущественно сухой трески), а рыба зачастую и не бываетъ въ Шунгѣ.

П С К О В Ъ

(К. Случевского).

„А о Плесковѣ градѣ отъ лѣтописанія не обрѣтается воспомянуто отъ кого созданъ бысть и которыми людьми“—такъ повѣствуетъ составитель псковской лѣтописи XIII—XIV вѣка. Онъ же сообщаетъ, что князь Игорь „поятъ себѣ жену Ольгу отъ Плескова“. Очень характерно то, что два самые ранніе женскіе облика русской исторіи смотрятъ на насъ именно отсюда, изъ

этихъ мѣстъ: св. великая княгиня Ольга была псковитянкой; Рогаяда, супруга Володимира Красное Солнышко, была уроженкой недалеко отсюда древней полоцкой земли, настолько недалеко, что при одномъ изъ позднѣйшихъ административныхъ дѣленій, Псковская губернія была переименована въ Полоцкую.

Псковъ окруженъ памятью св. Ольги: въ двѣнадцати верстахъ отсюда село Выбута—ея родина; тамъ же, какъ повѣствуетъ Степенная Книга, перевозила она черезъ Великую Игоря; онъ узналъ и полюбилъ ее; близехонько оттуда есть мѣсто, называемое Буденикъ, а, по преданію, въ селѣ Будятинѣ родился внукъ ея, св. Владиміръ; есть тутъ Ольгины слуды, или подводные камни; есть деревня Ольгинъ городокъ—Перпно и Ольгинъ дворецъ - житникъ; есть рукавъ рѣки, называемый Ольгиными воротами.

Въ XII вѣкѣ Псковъ уже относится къ числу значительныхъ городовъ русскихъ; будучи вначалѣ только пригородомъ Новгорода, онъ мало-по-малу становится самостоятельнымъ и переживаетъ самый Новгородъ. Исторія его отношеній къ Новгороду, путанныя сумятицы князей, посадниковъ и вѣча еще дадутъ впоследствии не одну тему, какъ для исторической разработки, такъ и для художественныхъ и литературныхъ произведеній. Исторія Пскова полна не только исключительной своеобразности мотивовъ, но и глубоко симпатична, въ особенности, если сопоставить ее съ исторіей Новгорода. Новгородъ, при всемъ своемъ могуществѣ, при всемъ богатствѣ, ослѣпляющемъ глаза, по сравненію съ бревенчатыми, лубочными городами тогдашней Руси, при всемъ физическомъ ростѣ его

пятинъ, смѣло забѣгавшихъ къ Бѣлому морю, Мурману и Выборгу,—Новгородъ былъ, прежде всего, все-таки городомъ людей торговыхъ, ставившихъ рубль выше всего.

Понятны слова псковичей новгородскому князю Ярославу въ 1228 г., когда онъ заявилъ имъ желаніе идти на рижанъ, съ которыми Псковъ замирился, идти на нихъ чрезъ Псковъ: „Кланяемся тебѣ, князь, и новгородцамъ,—сказали они,—но мы на войну не пойдёмъ; мы съ рижаны миръ учинили, въ этомъ вамъ нѣтъ порока, всѣ бо мы вѣрніи и невѣрніи челоуѣки отъ единого Адама дѣти... вы же насъ много обидѣли... вы, токмо начавъ войну и получа добычу, отходите, а мы всегда остаемся съ ними во враждѣ“. Близкій къ нѣмцамъ, воздвигнутый на самой окраинѣ, отдѣленный отъ нихъ только водой Талабскаго озера, Псковъ не былъ окруженъ, подобно Новгороду, кольцомъ отдѣльныхъ оборонительныхъ пунктовъ, не стоялъ въ нѣкоторомъ удаленіи отъ границы. Это обусловило гораздо большую воинственность, если можно такъ выразиться, большую рыцарственность псковичей, поставленныхъ въ необходимость постоянно отбиваться отъ сосѣдей. Цѣлыя три кольца каменныхъ стѣнъ обводили центръ города, въ который иностранные не допускались: стѣна князя Довмонта, поднятая въ срединѣ XIII вѣка; окружавшая ее стѣна средняя и, наконецъ, третья стѣна, обѣгавшая городъ на протяженіи семи верстъ, построенная въ XV вѣкѣ, вся изрѣзанная, словно кружевомъ, бойницами, вышками и башнями или кострами; подъ землей, параллельно внѣшней стѣнѣ, шли потаенные ходы; одинъ изъ нихъ

у Свиной башни сохранился на древнемъ рисункѣ, изображающемъ осаду Баторія; башенъ высилось 37, и въ одномъ современномъ документѣ написано: «мы любимъ Псковомъ. О Боже! это нѣчто величественное, какъ бы другой Парижъ, городъ чрезвычайно большой, въ Польшѣ нѣтъ ему равнаго», а между тѣмъ, предъ приходомъ Баторія, выжжено въ посадахъ болѣе 1500 домовъ. Военныхъ запасовъ хранилось столько, будто весь городъ состоялъ изъ ядеръ и пороха; клѣти ломились отъ хлѣбовъ.

Подобной воинственности обличья Новгородъ не имѣлъ никогда, какъ не имѣло его и настроеніе духа новгородцевъ. Не слилась съ исторіей Новгорода навѣки вѣчные свѣтлая память героическихъ защитниковъ русской земли отъ чужеземцевъ, въ родѣ мудраго князя Довмонта или такого земнаго архистратига, какъ св. Благовѣрный Александръ Невскій. Не испыталъ Новгородъ и нѣмецкаго плѣненія, какъ Псковъ въ 1240 г., когда, благодаря измѣнѣ знатнаго псковича Твердыни Иваньковича, рыцари нѣмецкіе были впущены въ городъ. Это краткое плѣненіе, повлекшее за собою побѣду Александра Невскаго, окончательно укрѣпило въ псковичахъ убѣжденіе въ необходимости умѣть постоять за себя, за Россію. Всѣхъ нападеній выдержалъ Псковъ 26, и взять только однажды и то, какъ сказано, измѣной.

Когда въ 1347 году шведскій король Магнусъ напалъ на сѣверныя новгородскія крѣпости, новгородцы обратились за помощью къ псковичамъ, и помощь была дана имъ, но съ условіемъ: считать отнынѣ Псковъ не подчиненнымъ ему городомъ, а меньшимъ

братомъ, не сажать имъ своихъ новгородскихъ посадниковъ, а духовному владыкѣ новгородскому, хотя и держать во Псковѣ своего намѣстника, но назначать его не изъ новгородцевъ, а изъ псковичей. Отъ времени заключенія этого договора, на цѣлыя полтора столѣтія, вступаетъ Псковъ въ лучшее, блестящее время своего существованія и становится самостоятельнымъ членомъ Ганзейскаго союза, а полное подчиненіе Новгорода великому княженію московскому обуславливаетъ, наконецъ, переходъ ко Пскову и всей заграничной торговли.

Если во многомъ отличается Псковъ отъ Новгорода, начиная съ обличья, то иначе, чѣмъ Новгородъ, окончилъ онъ и со своими вольностями. Издавна не нравилось псковскимъ князьямъ быть выборными и не смотрѣть на свое княжевіе какъ на наслѣдственное; отсюда многія насилія, неурядицы, междоусобія. Испытавъ разныхъ князей, псковичи обратились, наконецъ, и къ Москвѣ, и въ 1399 году былъ у нихъ князь „отъ руки великаго князя Василія Дмитріевича“, князь Иванъ Холмскій. Это было первымъ шагомъ на пути слиянія съ Москвой, завершившагося вполнѣ снятіемъ вѣчеваго колокола въ 1510 году.

Если псковичи справедливо укоряли новгородцевъ въ томъ, что отъ нихъ на непріятеля помощь плохая, то Москва, наоборотъ, никогда не оставляла Пскова въ обидѣ и вѣрно держала за своихъ и не допускала того, чтобы русское „сердце урвалося отъ корени“.

Эта мысль общности интересовъ Пскова съ Москвой была такъ сильна, что Псковъ, въ XVI столѣтіи, легко могъ бы отдаться въ руки полякамъ, при Стефанѣ

Батори, но онъ, лишенный всѣхъ своихъ правъ, обиженный Москвой въ конецъ въ торговыхъ интересахъ, обнищавшій и пригорюнившійся, поневолю оставленный царемъ, занятымъ въ то время другимъ дѣломъ, онъ въ теченіе слишкомъ пяти мѣсяцевъ выдерживаетъ осаду поляковъ и доказываетъ правду своего цѣлованія Московскому государству. Не присягнувъ онъ и позже польскому Владиславу.

Блестящее положеніе Пскова въ его хорошіе дни было такъ исключительно, что дальнѣйшія судьбы его могли быть не чѣмъ инымъ, какъ долгимъ, постояннымъ паденіемъ. Значительная часть войнъ нашихъ на западномъ порубежѣ происходила на псковскихъ земляхъ, и Псковъ былъ граничевою крѣпостью; при Петрѣ Великомъ, исправившемъ стѣны, во Псковѣ находилась главная квартира, стояло много войска и строились суда для военной флотиліи, бѣгавшей по рѣкѣ Великой.

Крупнѣе всѣхъ ударовъ для Пскова (какъ и для Архангельска) было основаніе Петербурга, притянувшего къ себѣ всю иностранную торговлю, и въ настоящую минуту Псковъ, одинъ изъ самыхъ древнихъ, постоявшихъ за Русь, городовъ нашихъ, совершенно обойденный новою жизнью, фактически не тронутъ и почти не оживленъ близостью желѣзнаго пути.

Центромъ всѣхъ святыхъ воспоминаній является, конечно, кремль, кромѣ дѣтинецъ, холмъ, отчасти искусственный, длиною въ 200 сажень, шириною въ 30, въ отвѣсѣ около 10, омываемый рѣками Псковою и Великою. Видъ отъ остраго угла дѣтинца, остававшагося въ мусорѣ и только въ самое послѣднее время обращеннаго въ садъ—превосходенъ. Цѣпью тянутся

по берегу Ивановскій монастырь, Муроносицкая церковь, Параменская, Николаевская, Клементьевская и замыкаются Мирожскимъ монастыремъ; кругомъ, какъ широкій пьедесталь незримаго, но существующаго былого, высятся остатки громоздкихъ стѣнъ, и сквозь одну изъ нихъ, сбѣгающую внизъ, тихо двигаетъ свои невеликія струи, слываясь съ Великою, рѣка Пскова. Въ концѣ X вѣка, когда здѣсь была зелень, шумѣлъ „великъ лѣсъ и многія дубравы“. Св. Ольга, возвратившись изъ Царьграда и задумывая обращеніе къ христіанству народа, имѣла именно на этомъ мѣстѣ видѣніе трехъ свѣтоносныхъ лучей, озарявшихъ окрестность тройственнымъ свѣтомъ. Видѣніе это имѣла она, стоя на другомъ берегу Великой, тамъ, гдѣ воздвигнута у источника часовня св. Ольги.

„Разумно да будетъ вамъ, — сказала послѣ этого окружавшему ее синклиту княгиня: — яко на семъ мѣстѣ церковь имать быти во имя нераздѣльныхъ Троицы, еще же и градъ здѣ великъ будетъ и славенъ, и изобилень“. На этомъ мѣстѣ водрузила св. Ольга крестъ, перенесенный впоследствии въ соборъ, а затѣмъ воздвигла и деревянный храмъ Св. Троицы, на слѣдникъ котораго занимаетъ и нынѣ значительную долю поверхности кремля. Одновременно съ храмомъ сталъ возрастать и самый городъ Псковъ. Было такое время, когда Псковъ и его Св. Троица были словами тождественными, и псковичи благодарили великаго князя „за то, что прислалъ въ домъ Св. Троицы воеводу своего съ людьми на оборону противъ нѣмцевъ“.

Въ храмѣ этомъ сажали у себя псковичи князей на княженіе, подлѣ него находился княжескій домъ, и тутъ

же рядомъ помѣщались и вѣче и казна; вѣчевые документы хранились въ особомъ ларѣ въ соборѣ. Соборъ, видимый въ настоящую минуту, счетомъ четвертый и строился въ 1682 году, по указу Іоанна, Софіи и Петра Алексѣвичей, а освященъ въ 1703 году; онъ невеликъ (въ вышину съ крестомъ 36 саж. 2 арш., въ длину съ папертью 24 саж. 2 арш., въ ширину съ придѣлами 13), простое кубическое основаніе осѣнено пятью главами и окружено полукружіями придѣльныхъ церквей и алтарей, но высокое и одинокое расположеніе представляетъ его гораздо большимъ, чѣмъ онъ есть. Виденъ соборъ за 57 вер., и городъ ластится къ нему, какъ бы признавая въ немъ причину своего рожденія и своего былого величія. Бросается въ глаза полное отсутствіе въ соборѣ какой-либо стѣнной живописи, и это обусловливаетъ то, что семиарусный иконостасъ въ 27 арш. вышины, со всѣми его иконами, какъ-то не роднится съ бѣлыми стѣнами и стоитъ особнякомъ. Если судить по изображеніямъ храмовъ 1138 и 1366 годовъ, предшествовавшихъ этому и дошедшихъ до насъ на двухъ иконахъ, то они были еще меньше и имѣли только по одной главкѣ на цѣлой системѣ мелкихъ арочекъ, высившихся одна поверхъ другой. Соборъ въ два свѣта; куполь покоится на четырехъ столбахъ; въ задней части храма хоры. Всѣ пять куполовъ свѣтятъ внутри и напоминаютъ обиліемъ свѣта соборъ Андрея Боголюбскаго во Владимірѣ. Основные столбы разрисованы зелеными столбами съ капителями, и низъ ихъ вплотную обставленъ вѣнцами древнихъ иконъ. Звѣзды сіяютъ на сѣрыхъ куполахъ снаружи, звѣзды сіяютъ по голубому фону внутри.

Трое святыхъ мощей имѣются въ храмѣ: строителя второго храма св. кн. Гавріила, св. кн. Довмонта и блаженнаго Николая юродиваго. Надъ могилами князей висятъ заржавленные мечи ихъ. Молчаливы они, какъ и гробницы, но сдѣлали свое дѣло. Когда-то Довмонтъ, поднимая мечъ на Литву и Ливонію, говариваль: „братья, муже псковичи, кто старъ, то отецъ мнѣ, а кто младъ, то братъ“,—и псковичи, отвѣчая воззванію, шли за нимъ; эти слова передаетъ намъ лѣтопись; мечъ Гавріила несетъ на себѣ латинскую легенду, гласящую: „чести моей никому не отдамъ“. Вѣсъ Довмонтова меча 3½ фун., а Гавріилова 7½. Новгородцы думали было однажды перенести мощи Гавріиловы къ себѣ, такъ какъ княжилъ онъ и у нихъ, но рака съ мощами съ мѣста не двинулась, и только по молитвѣ ихъ отпалъ самъ собою ноготь отъ руки блаженнаго князя и отнесенъ въ Новгородъ. Святые князья чествуются каждый въ свой день, но блаженному Николаю юродивому особаго дня не назначено, и онъ поминается Церковью нашею, когда поминаются и всѣ юродивые, вмѣстѣ взятые. Хорошо извѣстно преданіе о томъ, какъ говорилъ преподобный Николай съ Іоанномъ Грознымъ, какъ озлобилъ его словами: „Иванушко, Иванушко, хлѣба-соли, а не христіанской крови“, какъ сталъ невидимъ послѣ приказанія схватить его, какъ испугалъ этимъ царя и тѣмъ спасъ жителей города отъ безконечной казни.

Святѣйшимъ воспоминаніемъ собора былъ крестъ св. Ольги, поставленный ею надъ рѣкой Великой еще до основанія собора, позже внесенный въ него и сгорѣвшій въ 1509 г.; въ воспоминаніе этого креста устро-

ень въ 1623 г. другой, дубовый, по образцу старѣйшаго, видѣющійся и донинѣ. Крестами и иконами соборъ очень богатъ, и многіе изъ предметовъ его ризницы имѣютъ большую археологическую и художественную цѣнность. Одинъ изъ воздуховъ съ жемчугами вышитъ великою княгиней Елисаветой Алексѣевной; хороши многія панагіи и кресты; евангеліе Апракосъ, то-есть писанное не по порядку зачалъ, а по чтеніямъ въ продолженіе года—1532 г., и многое другое. Подъ соборомъ находится нѣсколько гробницъ князей и архіереевъ, при чемъ первыя безыменны.

Различныя событія городской жизни писаны на многихъ колоколахъ собора и той или другой церкви, пожертвованныхъ разными лицами. На многихъ изъ нихъ событія излагаются чрезвычайно подробно, при чемъ поименованы и участники въ постройкѣ колокола: „Рыбникъ Чухна“, да „всѣ сусѣди“, да „при священникѣ Микитѣ Козлѣ“. Въ звонахъ этихъ колоколовъ, при всякой молитвѣ церковной, для всякаго знающаго исторію своей родины гармонично глаголетъ бывшее, и нельзя не признать, что это сочетаніе звука и историческаго дѣянія, разносимое музыкой православнаго церковнаго звона, должно трогать душу того человѣка, который знаетъ и любитъ и продолжаетъ исторію своего народа, какъ исполнена она предками и какъ намѣчена Богомъ для всѣхъ и для cadaго въ особенности.

Много поучительнаго представляла выставка мѣстныхъ произведеній и кустарной промышленности Псковскаго уѣзда, устроенная въ саду и зданіяхъ учительской соминаріи, противъ древняго Мирожскаго монастыря, на берегу Великой. Ленъ, холсты, личники

(длинные полотенца съ вышитыми концами, которые носят на головѣ какъ украшенія), салфетки, скатерти и очень хорошія шерстяныя ткани (одѣяла и платки) занимали видныя мѣста. Много видѣлось земледѣльческихъ орудій, машинъ, моделей, модель водяной мельницы, сдѣланная находившимся тутъ же крестьяниномъ Рушевымъ, 14 лѣтъ. Первенствовалъ на выставкѣ, конечно, лень, одинъ изъ тѣхъ немногихъ предметовъ вывоза, которому мы на европейскомъ рынкѣ конкурента не имѣемъ. Значеніе льноводства для Псковской губерніи и Россіи вообще, равно какъ и его исторія, очень хорошо изображены въ особой книжечкѣ. Изъ книжечки ясно значеніе льна для Россіи: мы производимъ въ годъ до 15,000,000 пудовъ и изъ этого числа $\frac{1}{3}$ — $\frac{1}{4}$ Псковская губернія, тогда какъ ближайшею нашею конкуренткой является Германія, производящая только 4,500,000 пуд. Этихъ двухъ цифръ достаточно для опредѣленія важности льна. Кромѣ льна, составлявшаго центръ выставки, привлекли на себя вниманіе предметы, касающіеся исконнаго промысла Псковскаго озера — ловли снѣтковъ: сѣти, „лодка-мутница“, печи для сушки снѣтковъ, сани-водовики для перевозки неводовъ зимой и пр. Тутъ же имѣлись на виду два живые лососка, пойманные въ Великой въ текущемъ году, — несомнѣнное доказательство пользы Никольскаго рыбозаводнаго завода. Полное одѣяніе ловца — трехъ (шапка), шуба, передникъ, редень, рукавицы и сапоги совершенно тѣ же, что у нашихъ сѣверныхъ поморовъ. О любопытномъ и важномъ для мѣстныхъ жителей снѣтковымъ промыслѣ сказали мы подробнѣе при описаніи

пути по Псковскому-Талабскому озеру. Слѣдуетъ упомянуть о томъ, что въ саду имѣлись на лицо нѣсколько представителей мѣстныхъ полувѣрокъ и полувѣрцевъ печерской волости, Псковскаго уѣзда; очень характерны на женщинахъ громадныя круглыя серебряныя бляхи такой величины, что одна подобная бляха покрываетъ почти всю грудь; кресты и монеты составляютъ тоже замѣтную часть украшенія. Нельзя обойти молчаніемъ, говоря о выставкѣ, и того факта, что существуетъ тутъ недалеко табачная махорочная фабрика, получающая табачный листъ изъ Черниговской губерніи. Извѣстно, что массы нашего табаку провозятся въ листахъ за границу и привозятся къ намъ обратно въ видѣ гаванскихъ сигаръ.

Очень близко къ мѣсту расположенія выставки кустарной устроена была выставка крестьянскихъ лошадей,—припада отъ находящагося въ Псковѣ пункта государственнаго коннозаводства. Хотя лошадей было только одиннадцать, но слѣдуетъ замѣтить, что въ прошломъ году на такой же выставкѣ было ихъ 113, и только спѣшность полевыхъ работъ помѣшала крестьянамъ принять въ ней большее участіе: четыре лошади, уже представленныя на выставку, были взяты крестьянами обратно наканунѣ. Пунктъ существуетъ 11 лѣтъ, польза его несомнѣнна, и особенно хороши лошади, происшедшія отъ битюгскаго производителя. Уменьшеніе цѣны за пользованіе пунктами, состоявшееся со времени вступленія въ управленіе коннозаводствомъ графа Воронцова, много повліяло на увеличеніе спроса со стороны крестьянъ.

Т И Х В И Н Ъ.

(К. Случевского).

День праздника Тихвинской Божіей Матери въ городѣ Тихвинѣ, 26-го іюня, занялся хорошій. Огромныя толпы народа шли по берегамъ Тихвинки, по направленію къ монастырю, ясныя очертанія котораго высились на лѣвомъ берегу рѣки, въ стѣнахъ и башняхъ, съ остріями куполовъ и колоколенъ. Обѣдня назначена была въ Богородицкомъ мужскомъ большомъ монастырѣ.

Въ высшей степени типичны толпы богомольцевъ въ дни большихъ монастырскихъ праздниковъ, толпы, состоящія изъ множества представителей дальнѣйшихъ окраинъ русскихъ, со всѣми отличіями, свойственными ихъ очертаніямъ и одѣяніямъ. Большинство—сѣрый людъ и люди возрастные; затѣмъ слѣдуетъ значительное количество мелкаго купечества, на яркихъ одѣяніяхъ женщинъ котораго играютъ всѣ семь основныхъ цвѣтовъ радуги. Велико также количество старухъ и стариковъ, вся жизнь которыхъ распределена исключительно между посѣщеніями различныхъ обителей; въ нихъ преобладаніе темныхъ и сѣрыхъ одѣяній, классическіе посохи, котомки и лица, опаленныя всѣми вьюгами сѣвера, всѣми горячими полднями нашего юга, лица, рѣзкія черты которыхъ могутъ доставить художнику по экспрессіи богатѣйшую пищу. Еще вчера вдоль песчаной трудной дороги встрѣчались подобные странники и страннички, направлявшіеся въ Тихвинъ; другой главный путь, водяной, ведетъ сюда отъ Пе-

тербурга Невою, озеромъ и каналами и совершается въ пять дней. На праздникъ прибыло народу болѣе 10,000 человекъ; въ самомъ Тихвинѣ жителей 6,554; каменныхъ домовъ—35, деревянныхъ—1,088; въ уѣздѣ изъ числа 18,571 дома—каменныхъ только 2.

Въ воротахъ, надъ которыми помѣщается небольшая церковь Вознесенія, времени царя Феодора Иоанновича, на входившихъ смотрѣли во множествѣ лики угодниковъ Божіихъ, а изъ глубины двора монастырскаго, въ концѣ густо отѣненной аллеи, врата главнаго храма Успенія. Справа и слѣва изъ-за заборчика высились памятники богатаго кладбища. Сквозь паперть церковную, огибающую храмъ Успенія съ западной и южной стороны, украшенную потемнѣвшими изображеніями изъ Апокалипсиса и другими, ходятъ въ соборъ. Вправо отъ входа, подлѣ массивнаго столпа, виднѣлась главная святыня монастырская—ликъ Богоматери Тихвинской, озаренный солнечнымъ свѣтомъ и множествомъ огней. Чтобы напомнить значеніе Тихвинской святыни, прежде описанія посѣщеній и осмотровъ слѣдуетъ обратиться къ давно прошедшему времени и возстановить, хотя вкратцѣ, основныя черты ея возникновенія и исторіи, тѣсно связанныя съ бытіемъ русской державы, отъ далекихъ и мрачныхъ дней. Только вслѣдъ за такимъ напоминаніемъ одухотворяются въ полномъ значеніи твердыни монастырскія, и понятно станеть всероссійское ея почитаніе.

Не вдали отъ Ладожскаго озера, тамъ, гдѣ кончается водное сообщеніе съ Волгой, называемое Тихвинскимъ, расположены по сосѣдству одинъ отъ другого четыре монастыря. Главная обитель это—Тихвин-

скій-Богородицкій, въ двухстахъ саженьяхъ отъ него—Введенскій дѣвичій, въ четырехъ верстахъ—Бесѣдный Николаевскій и въ пятнадцати—Дымскій Антоніевъ. Если принять въ расчетъ многія часовни и кресты, поставленные набожностію людскою и разбросанные далеко кругомъ, по лѣсамъ, дѣбрямъ и дорогамъ, то весь этотъ уголокъ земли русской является святымъ мѣстомъ, изстари пользующимся извѣстностію, въ особенности въ простомъ народѣ, далеко кругомъ, даже „далѣе морей бушующихъ“. Въ Дымскомъ Антоніевскомъ монастырѣ почиваютъ мощи преподобнаго Антонія, во Введенскомъ дѣвичьемъ покоится благовѣрная царица Дарья Алексѣевна, четвертая супруга Іоанна Грознаго; въ большомъ Богородицкомъ посѣтителю не встрѣчаетъ обычной святыни—мощей, какой-либо замѣчательной могилы, и этому есть свои причины, о которыхъ мы скажемъ впослѣдствіи.

Дѣвичій Введенскій монастырь расположенъ въ двухстахъ саженьяхъ отъ мужскаго Богородицкаго. По древнему обычаю православной Церкви, какъ это видно изъ житія преподобнаго Пахомія, а также и Іуліана и Василисы и нѣкоторыхъ другихъ, обители мужскія и женскія устраивались иногда однѣ подлѣ другихъ, при чемъ общее руководство духовное поручалось въ такихъ случаяхъ игумну. Таковы были въ Москвѣ монастыри Чудовъ и Вознесенскій, въ Новгородѣ, Владимірѣ, Ростовѣ; настоятель Тихвинскаго Богородицкаго монастыря—въ то же время благочинный Введенскаго дѣвичьяго, и въ этомъ смыслѣ оба они составляютъ какъ бы одну обитель.

Одинъ изъ множества тихвинскихъ паломниковъ,

подъѣзжая къ стѣнамъ монастырскимъ въ 1854 году, нашелъ ихъ „благородной полувоенной архитектуры“ — опредѣленіе, рѣшительно не поддающееся критической оцѣнкѣ; этотъ паломникъ обратилъ также вниманіе на то, что въѣздныя ворота „стройныя, нѣсколько вогнутыя, съ четырьмя іонійскими колоннами, съ огромными рѣшетчатыми, прекраснаго рисунка, створами, въ которыхъ болѣе 600 пуд. вѣса“; опредѣленіе воротъ „нѣсколько вогнутыя“ это относительно точности — сродни „благородной полувоенной“ архитектурѣ; преданіе гласить, что ворота эти подарены императоромъ Павломъ I и украшали когда-то въѣздъ въ Аничковъ дворецъ.

Возникновеніе Тихвинской обители значительно отличается отъ большинства возникновеній другихъ на русской землѣ. Обыкновенно начиналось съ пустынножительства того или другаго отшельника, подлѣ котораго собирались другіе люди, искавшіе уединенія и молитвы, возникали келійки, созидалось монастырское общеніе, затѣмъ составлялся уставъ. Очень часто избранное богобоязненными людьми мѣсто не замедлило стать цѣлью странствій къ нему паломниковъ, шли къ нему нищіе, шли князья, и слава о чудесахъ и исцѣленіяхъ души и тѣла расходилась съ ними обратно, обуславливая притокъ другихъ людей, нуждавшихся въ укрѣпленіи вѣры, въ добромъ совѣтѣ, въ утѣшеніи. Видимымъ доказательствомъ, крѣпкимъ мѣсту или ставшему угоднымъ Богу, являются чудотворныя и явленныя иконы и въ большинствѣ случаевъ святыя мощи тѣхъ замѣчательныхъ дѣятелей Церкви, отъ которыхъ начинался монастырь; совершивъ все земное, прикрытые большею частію въ „образѣ

ангельскомъ“ схиною, они отходили на вѣчный покой, и тогда начиналась ихъ вторая дѣятельность—представительство за всѣхъ прибѣгающихъ къ нимъ. Не признавать воздѣйствія монастырской жизни на историческое развитіе наше—значить отрицать фактъ прошедшаго, настоящаго и будущаго; и сильно ошибается тотъ, кто видитъ только обрядовое значеніе монастырскаго житія и считаетъ, что только темныя, необразованныя массы людскія подчиняются его вліянію. Такъ можетъ говорить человѣкъ, не читавшій отцовъ Церкви или, если и читавшій, то испугавшійся синтаксическаго строя ихъ изложенія, ихъ цитатъ и текстовъ и изъ-за виѣшности проглядѣвшій смыслъ; но кто взялъ на себя трудъ, — а такихъ изъ числа людей свѣтскихъ безконечно мало, — дѣйствительно вникнуть въ писанное, тотъ непремѣнно измѣнитъ свое мнѣніе до основанія. Наши монастыри составляютъ одну изъ живыхъ артерій народной жизни. Были таковыми когда-то для своихъ странъ и монастыри католическіе, но теперь они не болѣе, какъ окаменѣлости нѣкогда живыхъ артерій и въ дѣйствительной жизни, подобно нашимъ, не участвуютъ.

Тихвинская обитель началась, сложилась и дѣйствовала несходно съ большинствомъ другихъ. Въ концѣ XIX вѣка, при великомъ князѣ Дмитріи Іоанновичѣ Донскомъ, мѣсто, на которомъ теперь высится монастырь, было, по словамъ лѣтописца, совсѣмъ пустынно и этого мѣста „никто же знаеше и никимъ же именовано бысть, не точію человѣкомъ, но и звѣремъ земнымъ въ жилише тогда не обрѣташесе, понеже блатно бѣ и равностію не одержимо и не како же

отнюдь стройно“. И въ этой-то дремотной дебри, неизвѣстно кѣмъ и какъ, построенъ храмъ для помѣщенія явленной иконы, пришедшей сюда по воздуху изъ Царьграда. Икона эта шла по воздуху, останавливалась надъ нѣсколькими мѣстами и, наконецъ, нашла, избрала свое мѣсто здѣсь; она снизошла съ воздуха, говоритъ преданіе, на глазахъ многочисленной толпы, умолившей икону сойти къ ней. Объ исчезновеніи въ это время одной изъ иконъ цареградскихъ имѣется свидѣтельство тогдашняго константинопольскаго патріарха. Относительно того, которая именно изъ иконъ прибыла къ Тихвину, можно повторить слова св. Дмитрія ростовскаго и успокоиться на томъ, что: „неизвѣстныхъ намъ вещей тщетнымъ любопытствомъ не истязующе“. Кому явилась икона, кому явилась именно на этомъ мѣстѣ Матерь Божія съ св. Николаемъ, кто построилъ храмъ? Все это, въ прямую противоположность другимъ нашимъ обителямъ, остается относительно Тихвина въ туманѣ. Ни къ какому имени, ни къ какому событію не приурочивается ея возникновеніе: это дѣйствительно въ полномъ смыслѣ слова историческая дебрь, которой „никто же знаеше и никимъ же именована бысть“ и въ которой появилась икона.

Немного позже эти историческія сумерки освѣщаются двумя послѣдовательными пожарами. Семь лѣтъ спустя послѣ построенія церкви и часовни обѣ сгораютъ отъ непогашенной свѣчи; отстроенныя вновь, онѣ, ровно черезъ пять лѣтъ, въ соотвѣтствующую ночь снова сгораютъ; въ обоихъ случаяхъ икона спасена; въ первый разъ она найдена невредимою на можжевелевомъ куствѣ, во второй—въ самомъ пеплѣ пожара; сна-

сень и крестъ часовни. Третій по счету, гораздо обширнѣйшій храмъ и часовня, воздвигнутые на этомъ мѣстѣ, простояли болѣе ста лѣтъ, когда великій князь Василій Іоанновичъ, прослышавъ о явленной иконѣ Тихвинской, велитъ на счетъ казны своей построить церковь каменную съ папертьми и, нѣсколько лѣтъ спустя, лично посѣщаетъ ее въ сопровожденіи преосвященнаго Макарія новгородскаго, въ послѣдствіи митрополита.

Это великокняжеское посѣщеніе—фактъ уже совсѣмъ историческій, но большаго Богородицкаго монастыря все-таки еще нѣтъ, а возникаетъ въ пустынѣ, по волѣ великокняжеской, малый монастырь Николаевскій Бесѣдный, вѣроятно не задолго предшествовавшей большому Тихвинскому Богородицкому, и только 177 лѣтъ спустя послѣ явленія иконы, при посѣщеніи церкви въ 1547 году царемъ Іоанномъ Васильевичемъ, онъ, видя, что икона управляется мірскимъ священствомъ и что вокругъ церкви расположено множество селеній, повелѣваетъ основать мужскую обитель.

Несходны съ судьбами другихъ монастырей, даже совсѣмъ противоположны имъ первые годы, слѣдовавшіе за царскимъ повелѣніемъ. Тогда какъ въ Соловкахъ, въ Кирилловѣ, въ Кіевѣ, на Валаамѣ пустынножительство устраивалось подлѣ первоучителя, подлѣ его келійки, и основанія устава монастырскаго преподавались и завѣщались имъ, здѣсь, въ Тихвинѣ, возникло монастырское братство подлѣ богатаго каменнаго храма, извѣстнаго уже на всю Россію, и дѣло постройки зданій, составленіе устава и обычаевъ монастырскихъ поручено царемъ цѣлой группѣ архимандритовъ и игуменовъ другихъ обителей, нарочно собран-

ныхъ для этого и поставленныхъ подъ главенство архіепископа новгородскаго Пимена. Если въ другихъ обителяхъ отъ малаго начала, отъ одной келійки плодился другія, шло распространеніе не вдругъ, а общезжитіе, трапезы и стѣны являлись только послѣ вѣковаго существованія, здѣсь сооружено сразу 44 келліи, поставлена обширная трапезная, прорыта канава, воздвигнуты стѣны. а деревянныя церкви замѣнены каменными. При возникновеніи другихъ обителей, подлѣ нихъ и опять-таки мало-по-малу, возникали поселки, деревушки, обращавшіеся иногда, со временемъ, въ города; въ Тихвинѣ—наоборотъ: ко времени устройства монастыря, на мѣстѣ этомъ расположено было множество селеній, и для освобожденія мѣста существовавшей старыи посадъ отнесенъ версты за три въ сторону. Характерною особенностью является, наконецъ, и то, что царское повелѣніе, послѣдовавшее въ 1547 году, воплотилось только 11 февраля 1560 г., съ назначеніемъ, вслѣдъ за окончаніемъ работъ и по составленіи устава, первымъ игуменомъ Кирилла.

Не прошло и полувѣка со времени возникновенія обители, иноки которой сошлись къ ней изъ разныхъ другихъ монастырей и, слѣдовательно, какъ и уставъ монастырскій, не возникли на мѣстѣ, а были собраны съ разныхъ мѣсть, — какъ уже пришлось имъ постоять за себя, за святыню, за отечество и показать, что въ этомъ они то же, что остальные ихъ собратья. Наступило лихолѣтье. Самозванецъ „воста бо паки инъ нѣкій звѣрь, нарицая себя царевичемъ Дмитріемъ углицкимъ“, появились другіе самозванцы, а за спинами ихъ всякіе люди, „польстїи и литовстїи“; призванные

нами на помощь шведы, предводимые Делагарди, вмѣсто защиты „взяли на копьѣ“ всю великую область новгородскую, и вмѣстѣ съ нею и Тихвинскую обитель.

Удрученная до глубины душевной, занятая врагами, страна Тихвинская и ея монастырь не переставали молиться за судьбы раздираемой междуусобицей родины, какъ вдругъ къ нимъ, къ плѣннымъ и окруженнымъ кольцомъ войскъ непріятельскихъ, доходить вѣсть о воцареніи царя Михаила и о томъ, что ко Пскову двигаются за рѣкой Усть воеводы царскіе и что надо послать просить ихъ принять обитель и вручить ее царю православному. Предстояла двойная трудность: сговориться людямъ тихвинской стороны съ людьми въ обители, а затѣмъ, принявъ общее рѣшеніе, оповѣстить сквозь ряды непріятельскіе дружины наши, шедшія на Псковъ подъ начальствомъ князя Симеона Прозоровскаго. И то и другое исполнили Воейковъ и Арцыбашевъ и возвратились въ обитель. Скоро увидѣли со стѣнъ монастырскихъ приближеніе русскаго воинства; произошла стычка на Усть-рѣкѣ, и шведы разбиты; игумень Онуфрій и сидѣвшій въ занятой шведами обители воевода Трусовъ порѣшили кончить со шведами и внутри обители ударили на нихъ и перебили.

Извѣщенный о двойномъ пораженіи Делагарди, стоявшій въ 100 верстахъ отъ Тихвина, двинулся къ нему; 13-го іюня 1613 г. вырѣзалъ онъ въ посадѣ тихвинскомъ всѣхъ, не успѣвшихъ скрыться за стѣнами обители, и тогда начался длинный рядъ усилій шведскихъ одолѣть единственный русскій оплотъ, оставшійся или, лучше сказать, вышедшій изъ-подъ ихъ власти въ сторону новгородской. Лѣтопись подробно сообщаетъ о

всѣхъ судьбахъ упорной борьбы: нашелся въ обители измѣнникъ Гаврилко, родомъ изъ Смоленска, явились въ ней раздоры, и все это подъ грохотъ „огненнаго стрѣлянiя изъ великихъ бранныхъ сосудовъ“. Пока въ осажденной обители пришли къ рѣшенiю оповѣстить царя и просить о присылкѣ помощи и къ нему отправлены послы, царь уже зналъ о судьбахъ Тихвина и направилъ къ нему отъ себя рать подъ начальствомъ Самбулова. Монастырскiе послы встрѣтили ее, но неосторожность воеводы и измѣна переяславца Теодора были причиною пораженiя этой рати, и осада обители возобновилась съ большею противъ прежней ожесточенностью; игумень Онуфрiй взять въ полонъ.

Краснорѣчиво описанiе лѣтописца о томъ, что происходило въ обители въ это время, какъ въ значительномъ сборищѣ всѣхъ возрастовъ и половъ, въ виду ярости осаждавшихъ, возникло „самонадѣянiе и нечистоты грѣховныя“ и какъ Пречистая Дѣва, явившись старцу Мартинiану, пришедшему сюда изъ Соловокъ, повелѣла изгнать „развратниковъ и сквернодѣлателей“, что и исполнено. Одновременно съ этимъ работали шведы въ подкопахъ, противъ которыхъ наши повели подземные „слухи“; опять произошла измѣна: бѣжали казакъ Тяпка и помѣщикъ Пересвѣтовъ изъ предѣловъ ростовскихъ и оповѣстили шведовъ объ оскудѣнii и неурядицахъ въ обители. Тогда рѣшенъ былъ приступъ. Понесли шведы лѣстницы и огонь для поджога, но вышедшiе на стѣвы крѣпостныя, старъ и младъ, лили на нихъ кипящую воду, смолу, кидали бревна, а 14 сентября 1614 года, послѣ вторичнаго явленiя двумъ старцамъ, Богородица совершила чудо:

показалось шведамъ, что идутъ отъ Москвы несмѣтныя русскія полчища, и они „возмятошася, всколебашася и яшася бѣгства, со студомъ, другъ друга со зади біюще“. Вослѣдъ бѣгущимъ вышли защитники изъ крѣпости и гнали шведовъ „сѣкуще аки стебліе“.

Только временно отдохнулъ монастырь: не прошло года, какъ состоялось второе нападеніе; думали тихвинскіе, захвативъ икону, бѣжать въ Москву, но икона не поддавалась, не могли ее снять съ мѣста, и тогда рѣшено было умереть, не сдавая обители. Только въ полднѣ ходьбы находились шведскія войска, и опять совершилось то же чудо: появилось передъ глазами шведовъ несмѣтное воинство, и они отъ рѣки Сяси бѣжали. Вѣсть о бѣгствѣ враговъ, принесенная въ монастырь, возбудила недоумѣніе, но груды оружія, брошеннаго шведами, поломанные кустарники и множество людей, втоптаннхъ въ болота, подтвердили не только о бѣгствѣ, но и о его невѣроятной стремительности.

Вслѣдъ за появленіемъ двухъ призраковъ спасательныхъ ратей и бѣгствомъ шведовъ отъ Тихвина не замедлила освободиться и вся новгородская страна. Миръ, заключенный со шведами въ 1617 г., состоялся въ пятидесяти-пяти верстахъ отъ Тихвина, на рѣкѣ Сяси, въ Столбовѣ, предъ копѣй, снятою съ чудотворной иконы Тихвинской, и монастырская жизнь пошла навстрѣчу временамъ болѣе мирнымъ.

Соборная церковь Успенія Пресвятыя Богородицы, какъ и все въ монастырѣ, сгорѣла почти до основанія въ великій пожаръ 1626 г., но при возобновленіи старались воссоздать ея былой обликъ. Она имѣетъ пять луковицеобразныхъ главъ на высокихъ шейкахъ, сужи-

вающихся подъ самыми куполами. Внутри соборъ очень свѣтелъ; круглый куполь покоится на барабанѣ, въ которомъ прорѣзано десять очень узкихъ оконъ; внизу барабана—изображенія праотцевъ Ноя, Авеля, выше—въ два ряда—ангелы Господни, еще выше—силы небесныя, надъ ними, уже въ самомъ куполѣ, херувимы и серафимы и, наконецъ, вѣнцомъ этого живописнаго одухотворенія, на высшей вышинѣ—изображеніе Св. Троицы. Своды храма крутые, цилиндрическіе; четыре массивные столпа, обставленные по низу иконами, несутъ куполь; бѣлыя стѣны въ два свѣта; обильная стѣнопись, трудовъ ярославскихъ людей, подъ надзоромъ Логина Шустова, окончена при императорѣ Павлѣ I. Стѣны, арки, откосы, своды, алтарь, діаконикъ, паперть населены вплотную изображеніями событий изъ библіи и евангелія, святыми обликами отцовъ Церкви, пророковъ, святителей, мучениковъ и ихъ дѣяній; на горнемъ мѣстѣ есть изображеніе Спасителя въ видѣ архіерея; въ другомъ мѣстѣ Онъ изображенъ въ видѣ младенца; въ алтарѣ „Отче нашъ“ въ шести картинахъ; изображенія изъ ветхаго завѣта идутъ по стѣнамъ по верхнему поясу, каждое въ отдѣльной рамочкѣ и небольшой величины. Характерны изображенія страшнаго суда, темницы изъ книги Лѣствичника, Нифонта съ чудесами и видѣніями, образъ, именуемый „отрыгну сердце мое“, и многія другія. Всѣмъ имъ далеко до художественности, но для людей простыхъ и глубоко вѣрующихъ они и ясны, и краснорѣчивы, и хороши, и это еще вопросъ: правы ли будутъ тѣ, которые предложатъ для поклоненія простому народу изображенія академически правильныя

и колоритныя, но ничего не говорящія тому сердцу и тому пониманію, для котораго они, главнымъ образомъ, назначены. Шестиярусный иконостасъ, увѣнчанный распятіемъ, это—цѣлая книга въ лицахъ, цѣлая хартія иконъ; верхній ярусъ—страсти Господни; художество не поскупилось на лѣпныя украшенія колоннъ, карнизовъ, кронштейновъ, и въ нихъ царятъ гроздья, листья, лозы, витыя колонки; чудотворная икона Богоматери Тихвинской поставлена, какъ сказано, на первомъ, правомъ отъ входа столпѣ.

Она видѣется подъ дробною, богатою сѣнью, не подходящею стилемъ своимъ къ иконостасу и остальной лѣпной и рѣзной работѣ, и драпировается завѣсками, пеленами, подзорами, которыхъ имѣется въ ризницѣ нѣсколько; на наружныхъ сторонахъ створовъ ея изображены Богоматерь и св. Николай, на внутреннихъ—архангелы Михаилъ и Гавріиль; вся она украшена камнями, имѣющими значительную цѣнность. Противъ иконы, въ западной стѣнкѣ, пробито широкое окно, такъ что икона видна и при запертыхъ дверяхъ церкви, и тутъ вѣчное присутствіе молящихся, собирающихся со всѣхъ далекихъ странъ земли русской. Икона Тихвинской Божіей Матери одна изъ самыхъ богатыхъ по цѣнности украшеній, превосходящей 100,000 руб.; замѣчательнъ изумрудъ, пожертвованіе Императрицы Анны Іоанновны въ 1734 г.; на немъ вырѣзано распятіе съ предстоящими; сафиръ великой княгини Екатерины Павловны и др.; лампада передъ нею вся золотая, въ камняхъ, стоитъ свыше 42,000 р. и принесена въ даръ графомъ Николаемъ Петровичемъ Шереметьевымъ въ 1803 г., по смерти жены и рож-

дені сына Дмитрія, который, въ свою очередь, поднесъ иконѣ громаднѣй серебряный подсвѣчникъ, въ три слишкомя пуда вѣсомъ. Съ 1886 г. икона переносится ежегодно въ маѣ и сентябрѣ изъ холоднаго собора въ церковь Рождества Богородицы, и обратно; передъ нею постоянно теплятся 10 свѣтильниковъ въ серебряныхъ лампадахъ. Съ иконы Тихвинской Богоматери снято нѣсколько копій, и многія изъ нихъ чудотворны. Такъ, имѣется копія подъ Москвою въ Драгомиловѣ и въ Малыхъ Лужицахъ, въ Кирсановской женской обители Тамбовской губерніи, въ Пензенской губ. въ Керенскомъ женскомъ монастырѣ и въ городѣ Чембарахъ; съ послѣднею сопряжено воспоминаніе о чудесномъ спасеніи города отъ холеры въ 1848 г. Темное изображеніе лика Богоматери Тихвинской съ предвѣчнымъ Младенцемъ на рукахъ хорошо извѣстно всей Россіи; въ многоцѣнной золотой ризѣ кажетъ она яснѣе, чѣмъ при снятіи ризы, потому что долгіе-долгіе годы погасили, почти совершенно, глубокою теменью черты, когда-то положенныя кистью; одно изъ преданій приписываетъ ее св. Лукѣ.

Перечисленіе другихъ иконъ храма Успенія заняло бы слишкомя много мѣста, но нельзя не обратить вниманія еще на одинъ небольшой ликъ Пресвятыя Богородицы Іерусалимской, называемой „всѣмъ скорбящимъ утѣшеніе“, писанный по штукатуркѣ, съ которымъ повторилось чудо, имѣвшее нѣкогда мѣсто въ Лидѣ, гдѣ не могло быть исполнено распоряженіе Юліана Отступника, повелѣвшаго „сѣчивами и оскордами“ выбить изъ стѣны краски подобнаго же образа; краски, по мѣрѣ ударовъ, только углублялись въ стѣну;

тамъ какъ и тугъ, при работахъ по счисткѣ для возобновленія перетлѣвшей живописи, волей-неволей пришлось только подновить очертанія; въ настоящее время изображеніе это обведено позолоченною рамой и представляется не фрескомъ, а иконой, висящею на стѣнѣ.

Литургія въ главномъ храмѣ монастырскомъ, въ день годового праздника, совершалась особенно торжественно. Здѣсь, какъ и въ Соловецкомъ монастырѣ, только въ меньшей степени, имѣются отличія въ богослуженіи, дарованныя монастырю въ разное время: рипиды, коверъ, изображенія на мантияхъ архимандритовъ, священнослуженіе съ отверстыми Царскими вратами, съ посохомъ и многое другое. Церковное пѣніе безусловно хорошо, и замѣчательно выдавался теноровый голосъ одного изъ мантийныхъ монаховъ, управлявшаго хоромъ. Существенною частью въ богослуженіи являлось также кажденіе Тихвинской иконѣ, для котораго, такъ какъ она расположена недалеко отъ входа въ церковь, священнослужащіе каждый разъ проходили вдоль всей церкви, и толпа народа, безмолвно разступаясь, давала имъ открытый путь.

Въ одномъ изъ угловъ паперти церковной замѣчается картина, не лишняя значительнаго историческаго интереса, а именно: перенесеніе Императоромъ Павломъ иконы Тихвинской Божіей Матери изъ одного монастырскаго храма въ другой, писанная въ 1801 г. Василіемъ Истоминымъ. На картинѣ—портретныя изображенія императора и императрицы Маріи, великихъ князей Александра и Константина Павловичей, въ очень юные годы, и множество придворныхъ кавалеровъ и дамъ въ соотвѣтствующихъ времени одѣяніяхъ, а также духовен-

ства; вѣроятно, большинство — портреты; нельзя, напримеръ, не узнать Безбородко и нѣкоторыхъ другихъ.

Ризница чрезвычайно богата вкладами, одѣянiями, сосудами, ковчегами, крестами, панагiями, пеленами на чудотворную икону. Большинство царей и царицъ нашихъ снабжали обитель своими дарами, о чемъ свидѣльствуютъ многiя сохранившiяся грамоты, большею частью въ копияхъ; въ оригиналахъ, кажется, только три; много жертвовали разные вельможи и купцы; имѣется митра въ 10,000 руб., — трудъ и даръ игуменьи новгородскаго Духова монастыря Максимиллы (Шишкиной); имѣется покровъ 1662 года, даръ князей Прозоровскихъ, на гробницу отца ихъ, въ схимникѣхъ Сергiя, того самаго, который защищалъ обитель Тихвинскую, видѣлъ своими глазами чудеса Богоматери и притекъ къ ней, что, вѣроятно, и рассказано вышитою вязью по борту покрова, прочесть которую надобно, какъ говорятъ, очень много времени. Замѣчательны нѣкоторыя старыя евангелiя; такъ, напримеръ, одно, 1552 года, даръ богатаго новгородца, съ характерными заставками, орнаментами, писанное крупнымъ уставомъ и начинающееся съ Иоанна; въ числѣ рукописей замѣчательны „Хронографъ“ XVI вѣка, „Повѣсть чудна и зѣло полезна, сложена отъ древняго списанiя о иконномъ изображенiи и о написанiи иконы“ Богородицы Одигитрiи; малая продолговатая книга „Псалтирь“ царя и пророка Давида, писанная, что очень характерно, съ печатной, въ 1680 г., повелѣнiемъ царя Θεодора въ Москвѣ, въ типографiи Верхней; стихотворилъ ее Симеонъ Полоцкiй, а ноты по риѣмъ положены, повелѣнiемъ Иоанна и Петра Але-

ксѣвичей, „черезъ композицію, сирѣчь, черезъ твореніе Дьякомъ Василюмъ Титовымъ“; книга Іоанна Златоустаго „Маргаритъ“, писанная въ 1562 г., и 532—лѣтній календарь, „кругъ миротворный“, писанный въ 1550 г., съ таблицами и чертежами, съ прорѣзями для круговъ луннаго обращенія. Вообще библіотека монастырская не лишена, если судить по каталогу, значенія и подобрава хороша и богато, относительно твореній отцовъ Церкви, патериковъ и духовно-философскихъ сочиненій.

Отъ соборнаго храма путь лежитъ къ другому храму монастырскому, расположенному въ одномъ изъ угловъ ограды, ближе ко святымъ воротамъ, къ храму Покрова Пресвятой Богородицы, именовавшемуся до 1871 г. храмомъ Рождества Пресвятой Богородицы. Здѣсь многое ново, многое передѣлано и, блистая позолотой, вовсе не говоритъ о древности; образа только-что изъ-подъ кисти; обрамленія иконостасовъ и иконъ новѣйшихъ рисунковъ. То же, но только въ большей степени, слѣдуетъ сказать и о церкви Воздвиженія, сооруженной въ наши дни, увѣнчанной 9 главами и большимъ куполомъ; тутъ о древности нѣтъ и помину, что не мѣшаетъ, конечно, достоинствамъ произведенныхъ работъ. Зато въ обличіи древности поднимается по сосѣдству невысокая звонница, продолговатая, съ 5 пролетами, напоминающая своихъ родныхъ сестеръ Ростова Великаго и Великаго Новгорода.

Надѣлавшее въ 1856 году много шума мгновенное исцѣленіе тихвинскаго мѣщанина Боровскаго произошло не передъ главною иконою Тихвинской Божіей Матери, а передъ ликомъ Ея, писаннымъ въ подобіе Ей, на наружной стѣнѣ Тихвинской церкви,

надъ западными св. вратами. Чудо состояло въ томъ, что юноша, ползавшій на колѣняхъ два года за невозможностію ходить, болѣзнь котораго была изслѣдована и пользована докторами, сразу исцѣлился въ молитвѣ передъ этою иконою. Настоятель монастыря просилъ тогдашняго митрополита Никанора произвести формальное изслѣдованіе. Въ общемъ присутствіи командированныхъ съ этою цѣлю лицъ духовнаго и гражданскаго вѣдомствъ, уѣзднаго предводителя дворянства, городничаго и врачей, спрошено подъ присягой множество свидѣтелей, и несомнѣнность факта подтверждена. Теперь, послѣ признаннаго чуда, этого мѣста не узнать: святая икона, когда-то открытая на монастырской стѣнѣ всѣмъ непогодамъ, виднѣвшаяся высоко надъ землей, къ которой поднимались по деревянной лѣстницѣ, составляетъ теперь центръ особой, очень обширной, каменной часовни подъ куполомъ съ 5 главами, и къ ней поднимаются по двумъ широкимъ каменнымъ, идущимъ дугами, лѣстницамъ. Сама икона обставлена и обвѣшена богатыми дарами вѣрующихъ, освѣщается яркимъ свѣтомъ просторной часовни и многими лампадами. До совершенія чуда это мѣсто называлось „крылечкомъ“; такъ зовется оно и теперь и будетъ, конечно, называться безконечно долгіе годы. На наружной стѣнѣ часовни, между оконъ, писаны во весь ростъ великіе подвижники Египта и Палестины. Предъ этою иконою „на крылечкѣ“, какъ и на церковной паперти, подлѣ окна, продѣланнаго противъ иконы Тихвинской, постоянно находятся молящіеся.

Для полноты свѣдѣній о мужскомъ монастырѣ слѣдуетъ сказать еще немного. Въ свое время мона-

стырь былъ богатъ, такъ что въ 1764 г., при пере- численіи его во II классъ, онъ владѣлъ 4,312 крестья- нами, 4,481 десятиною земли и четырьмя приписными монастырями. Въ I классъ возведенъ въ 1853 г., но съ тѣмъ, чтобы дополнительное число братіи остава- лось на содержаніи обители, безъ расходовъ отъ казны; общежительный уставъ принять съ 1798 года.

Преобладающее значеніе Тихвинской святыни, пре- бывающей въ мужскомъ монастырѣ, и постоянное дви- женіе паломниковъ и поклонниковъ къ ней, обусловило то, что въ двухстахъ саженьяхъ отъ него, словно въ отъненіи, можетъ-быть еще до возникновенія мона- стыря мужскаго, держался и устроился Введенскій дѣ- вичій монастырь.

Исторія этого дѣвичьяго монастыря, полнѣйшій одно- лѣтокъ исторіи мужскаго. Изъ него велъ свою атаку на главный монастырь Делагарди и, въ отмщеніе за неудачи, сжегъ его 14 сентября 1613 г. до основанія. Одинъ симпатичный женскій обликъ сохраняется и по- нынѣ и какъ бы присущъ этому монастырю: это не- вольная постриженница, четвертая супруга царя Іоанна Васильевича Грознаго, Анна Алексѣевна, изъ рода Колтовскихъ, находившаяся въ обители именно во время разгрома ея Делагарди.

Инокія Дарья, бывшая царица, во время хозяйни- чавія въ монастырѣ шведовъ и литовцевъ, съ двумя племянницами своими, княжнами Леонидой и Алексан- дрой Гагариными, скиталась по лѣсамъ, какъ и дру- гія монахини, и тайно (?), говоритъ преданіе, соби- рались онѣ въ обитель на служеніе литургіи; жила она въ это время близъ одного озера, называемаго

Царицынымъ, гдѣ теперь поставлена часовня и еще въ 1854 г. виднѣлись остатки какого-то деревяннаго жилья. Послѣ Столбовскаго мира Введенская обитель восстановлена вполнѣ и лучше прежняго инокиней-царицей, управлявшею ею. Въ монастырѣ хранится ея духовная, въ которой объяснено, что все въ храмахъ и въ монастырѣ устроено ею, и подробно указано, кому что наслѣдовать, при чемъ не забыты и распределены различные розданные ею крестьянамъ „для ихъ скудости“ денежные займы и приказано взять: съ Иванки пятьдесятъ рублей, съ Макарки 20 руб., съ Оедьки десять, Михалки два рубля и т. п. Главнымъ наслѣдникомъ оказался монастырь, ею возсозданный.

Согласно новѣйшимъ изысканіямъ, Введенскій монастырь основанъ въ 1560 г., т. е. позднѣе Богородицкаго, задуманнаго царемъ Іоанномъ въ 1547 г. и воплотившагося въ 1560 г.; это мнѣніе о возникновеніи обѣихъ обителей одновременно едва ли справедливо, и дѣвичью Введенскую надо, кажется, признать за древнѣйшую. Возобновленіе ея въ XVI вѣкѣ опредѣляетъ характеръ монастырской архитектуры, но въ послѣднее время зданія сильно подновлены. Надъ широкими дверями монастыря, каменными и невысокими стѣнами съ башнями, обсаженными деревьями, имѣющими нѣсколько садовъ и содержимыми въ порядкѣ, высится колокольня, выстроенная недавно въ „простомъ и пріятномъ стилѣ“; это одно изъ ничего не говорящихъ опредѣленій часто встрѣчающихся въ любительскихъ описаніяхъ нашего зодчества, и по характеру своему близко напоминаетъ „благородную полувозвную архитектуру“ большаго монастыря. Монахинь

и послушницъ 200, но въ полное монашеское одѣяніе пострижено только 26, въ томъ числѣ одна схимонахиня. Всѣ доходы монастыря—8,400 руб., изъ которыхъ отъ правительства на ладанъ, просфоры и штатной суммы полагается 311 р. 70 к.; до 1764 г. за обителю считалось 1,338 душъ, съ 380 десятинами и угодыями.

Монастырь окруженъ стѣной, и внутренній дворъ его отѣненъ вѣковыми деревьями. Въ немъ два храма: холодный о трехъ куполахъ и лѣтній—о двухъ. Въ первомъ изъ нихъ шести-ярусный иконостасъ и обиліе иконъ очень древнихъ; влѣво отъ входа покоится инокиня Дарья, супруга Іоаннова, и нѣчто въ родѣ раки, съ неугасимою лампадой, обозначаетъ мѣсто ея послѣдняго упокоенія. Въ монастырѣ поютъ замѣчательно хорошо.

ОБЩІЙ ОЧЕРКЪ ОЗЕРНОЙ ОБЛАСТИ.

Эту область составляютъ губерніи: С.-Петербургская, Олонецкая, Новгородская, Псковская, и Финляндія, т. е. 8 губерній: Улеаборгская, Вазаская, Куопіоская, Або-Віернеборгская, Тавасгусская, С. Михельская, Ньюландская и Выборгская. Близость Балтійскаго моря доставляетъ большое количество влаги, а потому повсюду встрѣчаются озера съ многоводными протоками; вотъ причина того, что уже издавна южная часть озерной области была посредницей въ торговлѣ

между Балтійскимъ моремъ и волжскимъ краемъ. Теперь же по ней идутъ три системы каналовъ (Маріинская, Тихвинская и Вышневолоцкая), по которымъ совершается главный подвозъ хлѣба къ с.-петербургскому порту изъ черноземныхъ губерній. Озерная область занимаетъ обширную площадь въ 650,000 кв. верстъ, т. е. 67,000,000 десятинъ, или $\frac{1}{7}$ часть всего пространства Европейской Россіи. По угодьямъ земля распредѣляется очень неравномѣрно: озера, рѣки и болота занимаютъ площадь въ 20% всего пространства, а 80% составляетъ суша, поросшая лѣсомъ, среди которыхъ подъ пашнею находится только до 5%. Во всѣхъ 12 губерніяхъ озерной области живетъ едва $5\frac{1}{2}$ миллионъ душъ обою пола. Наибольшей густоты населеніе достигло въ приморскихъ губерніяхъ южной Финляндіи и между озерами Ильмень и Ладожское, въ остальныхъ же частяхъ населеніе рѣдѣетъ съ увеличеніемъ суровости климата, бесплодія почвы и отдаленности отъ главныхъ путей сообщенія. По составу населенія озерная область должна быть раздѣлена на двѣ части: 1) Финляндія съ преобладающимъ населеніемъ финскимъ и отчасти только шведскимъ и русскимъ, 2) остальные четыре губерніи (Петерб., Новгород., Олопец. и Псков.) имѣютъ большею частью населеніе русское и только 10% составляютъ инородцы.

Обиліе водъ и лѣсовъ сдѣлало въ этой области то, что населеніе для своихъ пашенъ должно занимать какъ бы отдѣльные, разбросанные островки и располагаться поселками отъ одного и двухъ дворовъ до 15. Иначе и невозможно населенію себя прокормить, если не пользоваться обширными землями, на которыхъ пережо-

гомъ лѣса можно устроить лѣтъ на 5 пашню, а потомъ выбрать другой участокъ и т. д. Главный родъ занятій жителей составляетъ земледѣліе. Однако Финляндія при всемъ трудолюбіи своего населенія по бесплодности гранитной почвы не можетъ прокормить его своимъ хлѣбомъ, а должна получать изъ приволжскихъ черноземныхъ губерній. Въ южной же части озерной области, благодаря лучшему качеству почвы, оно ведется довольно успѣшно, особенно славится Псковская губернія своимъ льноводствомъ. Посѣвы льна занимаютъ въ этой губерніи до 40,000 десятинъ, съ которыхъ получается до 150,000 четвертей льнянаго сѣмени и до 300,000 пудовъ волокна. Отсюда ленъ везутъ въ среднюю Россію для выработки тканей, а также избытокъ отправляется за границу. Большую заботу для мѣстнаго населенія составляетъ разведеніе крупнаго рогатаго скота, доставляющаго важный матеріалъ для удобренія полей и молочныя произведенія; въ послѣднее время особенно стало развиваться въ этой области маслосѣченіе и сыровареніе благодаря хорошему сбыту этихъ продуктовъ въ столицы.

Недостатокъ хлѣба заставилъ финляндца обратиться къ лѣснымъ богатствамъ, т. е. заняться рубкой и сплавомъ лѣса, а также выработкой досокъ, смолы, дегтя и друг. произведеній; это вызвало постройку на даровыхъ водопадахъ лѣсопильныхъ заводовъ, а также такихъ, которые вырабатываютъ изъ дровесины бумагу, папку и т. п. Два морскихъ залива Ботническій и Финскій указали финляндцу на выгодность мореходнаго дѣла и рыбной ловли. Особенно важна ловля салаки—небольшая сельдь; такъ, въ одной Ньюландской губер-

ни этимъ промышляютъ до 800 лодокъ, до 4000 сѣтей и неводовъ, а уловъ доставляетъ до 50,000 пудовъ одной салаки; кромѣ того, ловится еще семга и сигъ. Горный промыселъ этой области выражается въ добычаніи желѣза (Финляндія) и соли (Новгород. губ.), а особливо въ ломкахъ гранита, изъ котораго построено много лучшихъ зданій, монументовъ и набережныхъ Петербурга. По южнымъ берегамъ Ладожскаго озера извѣстны Путиловскія ломки плитняковъ; въ Боровичскомъ уѣздѣ славятся огнеупорныя глины; для ихъ переработки около уѣзднаго города Боровичи устроены цѣлый рядъ заводовъ.

Но все-таки значительная часть населенія озерной области ищетъ себѣ заработковъ въ столицѣ на фабрикахъ и другихъ заведеніяхъ, каковы, напр.: прядильныя и ткацкія фабрики, металлическія и механическія, сапожныя и столярныя заведенія и типографіи. Для ближайшихъ къ столицѣ мѣстностей важенъ извозный промыселъ въ теченіе зимы, а на лѣто крестьяне возвращаются въ свои селенія на полевая работы. Фабричная и заводская промышленность озерной области производитъ разныхъ продуктовъ цѣною на 150,000,000 рублей, занимая до 200,000 жителей; но только почти вся эта промышленность (90%) сосредоточилась на Невѣ и отчасти Наровѣ, а въ остальныхъ губерніяхъ весьма мало. Обиліе водяныхъ сообщеній и желѣзныхъ дорогъ оживляетъ торговое движеніе этой области. Финляндія, на $\frac{1}{4}$ своего пространства покрытая озерами, въ послѣднее время устроила себѣ прекрасный выходъ въ Балтійское море посредствомъ Саймскаго канала вблизи города Выборга.

По тремъ водянымъ искусственнымъ путямъ (Мариинскому, Тихвинскому и Вышневолоцкому) доставляется ежегодно въ Петербургъ до 100 милліоновъ пудовъ хлѣба, изъ которыхъ половина отправляется за границу, а остальное идетъ на прокормленіе жителей столицы. Также къ Петербургу ежегодно доставляется масса лѣсныхъ строительныхъ матеріаловъ, дровъ, камня и проч. Кромѣ того, Петербургъ является очень важнымъ портомъ по привозу заграничныхъ товаровъ. Ежегодная цѣнность ихъ въ послѣднее время стала достигать до 100 милліоновъ рублей; главные предметы привоза: металлы, металлическія издѣлія, хлопокъ, машины, вина, краски, чай, кофе и др. Часть всѣхъ этихъ привозныхъ товаровъ потребляется столицей, но гораздо большая идетъ черезъ озерную область во внутренніе города Россіи. Кромѣ торговой дѣятельности, С.-Петербургъ съ его милліоннымъ населеніемъ выдѣляется изъ среды другихъ городовъ своимъ положеніемъ, какъ столицы, гдѣ живетъ Государь Императоръ, гдѣ сосредоточено все высшее управленіе Имперіи и гдѣ находятся всѣ высшія учебныя заведенія; сюда-то стекается масса населенія со всѣхъ концовъ обширнѣйшей въ мірѣ имперіи по разнымъ дѣламъ гражданскаго и церковнаго управленія и народнаго просвѣщенія.

ОБЪЯСНЕНИЕ НЕПОНЯТНЫХЪ СЛОВЪ.

Адвокатъ—ходатай по дѣламъ.

Административный — относящійся къ управленію.

Альбомъ—книжка съ чистыми листами, на которыхъ помѣщаются стихи или рисунки.

Арендаторъ—взявшій во временное владѣніе чужое имѣніе за известную сумму денегъ.

Артерія—кровеносные сосуды въ тѣлѣ.

Археологическій—относящійся къ ваятикамъ древности.

Архитектура—искусство строить зданія.

Аукціонъ—продажа съ публичнаго торга.

Бульваръ—длинная полоса земли, обсаженная съ обѣихъ сторонъ деревьями и усыпанная пескомъ.

Бухта—небольшая гавань, заливъ.

Валунъ—голышъ, булыжникъ.

Верфь—мѣсто для постройки и починки судовъ.

Вымпелъ—длинный разрывной значокъ на судахъ.

Газета—временное изданіе, выходящее листами; человекъ, собирающій и разносящій новости.

Гальотъ—голландское двухмачтовое судно.

Гарантія—ручательство, обезпеченіе.

Гармонировать—быть созвучнымъ, сообразнымъ.

Гауптвахта—главная караульная для солдатъ.

Геніальный—надѣленный высокою природною способностію.

Гигантскій—огромныхъ размѣровъ.

Гипсъ—водная сѣрнокислая известь.

Гонтъ—доски, которыми кроютъ крыши.

Горизонтъ—линія на земной поверхности, отдѣляющая видимую часть неба отъ невидимой; кругъ чьихъ-либо понятій.

Грандіозный—величественный.

Декъ—палуба, на которой ставятся пушки на военномъ суднѣ.

Деликатность—вѣжливое, уточненное обращеніе.

Дельта—часть земли между двумя рукавами рѣки при устьѣ ея.

Дранки—кровельная шепя.

Капитель—верхняя часть колонны, служащая отличіемъ различныхъ родовъ постройки.

Карелы—народъ финскаго племени.

Каскадь—искусственный водопадъ.

Киль—четырегранный брусь въ длину судна, служащій основаніемъ для постройки судна.

Кирка—заостренный молотокъ для разрыхленія грунта.

Классическій—относящійся къ быту древнихъ грековъ и римлянъ; образцовый.

Климатъ—мѣстное свойство страны, зависящее отъ тепла и холода и другихъ внѣшнихъ условій.

Колонизаторъ—поселенецъ.

Колоритный—цвѣтной; придающій особые оттѣнки картинѣ.

Кондитерская—лавка, въ которой приготовляютъ и продаютъ лакомства.

Конкуревтъ—сореvнователь, соперникъ.

Конусъ—круглое тѣло, суживающееся вверху.

Концертъ—музыкальное сочиненіе; игра или пѣніе передъ народомъ.

Корсажъ—часть женскаго платья отъ шеи до талии.

Костюмъ — одежда.

Кредиторъ — заимодавецъ.

Кристаллическій — имѣющій видъ кристалла — твердаго тѣла, ограниченнаго ровными плоскостями.

Критическій — испытующій; основанный на изслѣдованіяхъ; насмѣшливый.

Кронштейнъ — подбалка, поперечная подкладка, помѣщающая свѣръхъ капителя.

Культивировать — воздѣлывать, обрабатывать.

Куртина — мѣсто, густо усаженное растеніями.

Лабиринтъ — зданіе со множествомъ комнатъ, изъ которыхъ трудно выдти; садъ со множествомъ дорожекъ; запутанность.

Лавировать — направлять корабль то въ одну, то въ другую сторону, чтобы удачнѣе выбрать путь; уклоняться отъ чего-либо.

Ландшафтъ — красивое сельское мѣстоположеніе; рисунокъ его.

Лопманъ — проводникъ судовъ.

Луда — камни, высунувшіеся изъ воды; прибрежная мель.

Магическій — волшебный.

Малевръ — искусное движеніе, поворотъ.

Маякъ — высокая башня, на которой поднимаютъ флагъ днемъ и фонарь ночью для предостереженія судовъ.

Медальонъ — маленькій портретъ для пошенія на шеѣ.

Металлъ — простое тѣло, тяжелое, непрозрачное, съ извѣстною степенью блеска и способности проводить тепло и электричество.

Миниатюра — маленькая картина.

Миссіонеръ — проповѣдникъ христіанства среди язычниковъ.

Монументъ — памятникъ.

Мотыка — родъ кирки.

Национальный — народный.

Оазисъ — плодородное и обитаемое мѣсто среди песчалоу степи (употребляется и въ переносномъ смыслѣ).

Обелискъ — высокій каменный столбъ, суживающійся вверху, поставленный въ память какого-либо событія.

Обсерваторія — зданіе для наблюденій надъ небомъ.

Оранжерея — зданіе для воспитанія южныхъ растеній.

Организація — составъ, устройство.

Оригинальный — подлинный; имѣющій рѣзкія особенности.

Орнаментъ — украшеніе изъ листьевъ, иногда съ плодами.

Панорама — картина, на которую смотрять черезъ увеличительное стекло; видъ.

Пасторъ — лютеранскій священникъ.

Пейзажъ — см. ландшафтъ.

Певни — англійская мѣдная монета — 12½ коп. сер.

Пешня — остроконечное орудіе, родъ кирки.

Пигмей — маленькій человекъ или другой предметъ; ничтожный.

Пирамида — многоугольникъ, суживающійся вверху.

Полярный лежачій у сѣверной или южной оконечности земнаго шара; противоположный.

Пороги — поднимающіяся со дна рѣкъ преграды ихъ теченію.

Пьедесталь — подножіе памятника, колонны, статуи.

Резервуаръ — вмѣстилище.

Реи — деревянные шести, къ

III

которымъ привязываются па-
руса.

Рейсь — переѣздъ.

Рифъ — гряда подводныхъ кам-
ней; уменьшеніе объема пару-
совъ.

Сеймъ — собраніе народныхъ
представителей.

Силуэтъ — очеркъ лица или
предмета, дѣлаемый по тѣни.

Симметричный — соответствен-
но-равномѣрный.

Ссудить — дать въ займы.

Сѣкира — родъ топора.

Такса — установленная цѣн-
ность.

Тема — положеніе, главная
мысль сочиненія.

Типографія — заведеніе для
печатанія изданій.

Терраса — земляная насыпь
съ площадкою; крыльцо, съ боль-
шою площадкою по стѣнѣ удвери.

Технологія — наука искусствъ,
ремесль и т. п.

Типичный — своеобразный.

Туристъ — путешественникъ.

Фантастичный — воображае-
мый, мечтательный.

Фіордъ — заливъ.

Фортъ — отдѣльное укрѣпле-
ніе.

Фрагтъ — щеголь.

Фрегатъ — трехмачтовое воен-
ное судно съ одною батареей.

Фрески — живопись по сырой
штукатуркѣ.

Фундаментъ — основаніе.

Хаосъ — безпорядокъ.

Характерный — особенный,
упрямый.

Хартія — старинная рукопись.

Хронометръ — часы, показы-
вающие время съ величайшею
точностію.

Цивилизованный — благовос-
питанный.

Цитата — выписка изъ другого
сочиненія.

Чемоданъ — кожаная коробка
для вещей.

Шквалъ — сильный порывъ
вѣтра на морѣ.

Шкоя — судно на Мариинской
системѣ.

Шлакъ — примѣси минераловъ.

Шлюзъ — плотина, замедляю-
щая теченіе воды.

Шнява — двухмачтовое судно.

Шхеры — маленькіе острова,
окруженные мелями и камнями.

Экипажъ — общее названіе кар-
реть, колясокъ и т. п.; всё ма-
тросы на одномъ кораблѣ.

Экономическій — сбереженный.

Экспедиція — отправленіе лю-
дей съ какою-либо цѣлью; от-
дѣленіе въ присутственныхъ мѣ-
стахъ.

Элегантный — изящный.

Энергія — сила воли.

Эпидемія — повальная болѣзнь.

Эпитетъ — слово для обозна-
ченія качества предмета; про-
званіе.

Эпопея — героическая поэма.

О ПЕЧАТКИ.

Стр. Напечатано:

34: заволновались

73: финляндевъ

83: улеборгскій

117: зуму

137: почтеніи

Слѣд. читать:

заволновались

финляндець

улеборгскій

зуму

почтенія

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Настоящее и прошлое русскихъ озеръ. (<i>И. Полякова</i>) . . .	3
Въ „странѣ великихъ озеръ“. (<i>В. Корніевскаго</i>)	12
Три дня на скалѣ.	23
Псковское озеро. (<i>К. Случевскаго</i>).	31
Выселокъ. (<i>П. Пейверинта</i>)	40
Въ странѣ труда. (<i>М. Л. Песковскаго</i>)	54
Первый морозъ. (<i>П. Пейверинта</i>).	77
Поездка къ Иматрѣ. (<i>С. Меча</i>)	91
Финляндія	108
Выборгъ и его знаменитый садъ. (<i>А. Милюкоси</i>)	128
Отъ Сермакса до Петрозаводска. (Изъ путешествія <i>В. Майнова</i>).	135
Монастыри и пустыни на Ладожскомъ озерѣ. (<i>А. П. Андреева</i>).	150
Корелія и ея промыслы. (Изъ путешествій <i>В. Майнова</i>)	164
Псковъ. (<i>К. Случевскаго</i>).	177
Тихвинъ. (<i>К. Случевскаго</i>).	189
Общій очеркъ озерной области.	209
Объясненіе непонятныхъ словъ.	I

Историческое
описание
русскихъ озеръ

ОЗЕРНЫЙ
 КРАЙ
 РОССИИ

BOGDAN
KRAJ
SERBIA

СЕРБИЈА

СЕРБИЈА

Map showing various territories and regions, including labels like "СЕРБИЈА" (Serbia) and "BOGDAN KRAJ SERBIA".

ПРИХОДСКАЯ БИБЛИОТЕКА.

(Книги предназначаются для школьных библиотекъ, также для народнаго чтенія).

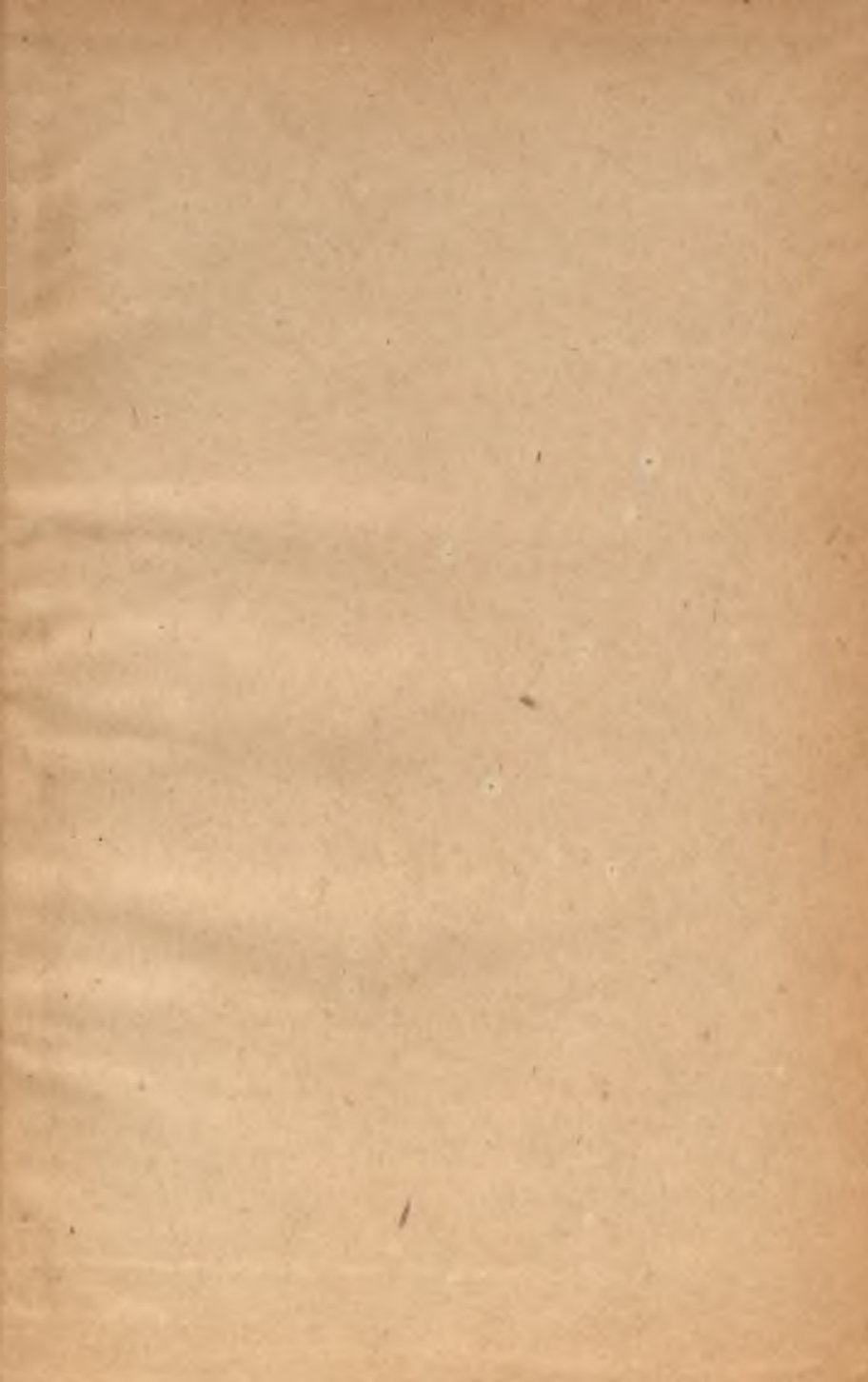
Выпускъ I.

	Коп.
1. Псалтирь съ толкованіемъ для народнаго чтенія. I. „Шестопсалмію и богослужбные часы“	30
2. Святыя мѣста и святыни на Востокѣ и въ Россіи. Выпускъ I.	40
3. Москва, ея святыни и памятники. Избранныя статьи по описанію Москвы	30
4. Псалтырникъ. Повѣсть изъ галицко-русской народнои жизни о. Іоанна Наумовича	20
5. Четыре путеводителя доброй жизни: страхъ Божій, мудрость, трезвость, трудъ. Разсказъ о Іоанна Наумовича. Съ галицко-русскаго нарѣчія переложилъ А. Давидовичъ.	20
6. Сироты. Историческая повѣсть для народа о. Іоанна Наумовича. Съ галицко-русскаго нарѣчія переложилъ А. Давидовичъ	20
7. Завѣтныя три липы. Историческая повѣсть для народа о. Іоанна Наумовича. Съ галицко-русскаго нарѣчія переложилъ А. Давидовичъ	20
8. Избранныя сочиненія А. С. Пушкина, Томъ I	35
9. Басни и баснописцы. Съ жизнеописаніями и примѣчаніями А. Филонова	25
10. Народная поэзія. Былины, пѣсни, духовные стихи. Съ введеніемъ и объяснительнымъ словаремъ. Составилъ А. Оксеновъ	30
11. Русская земля (природа страны, населенію и его промыслы). Сборникъ для народнаго чтенія. Томъ I. Сѣверный край. Составилъ П. Поддубный	30
12. Сельскій огородъ, плодовый и ягодный садъ. Составилъ В. П. Маракуевъ	30

Выпускъ . II.

1. Ученіе отцовъ Церкви православной о вѣрѣ и жизни христіанской. (Статьи, избранныя изъ твореній отеческихъ). Профессора В. О. Пѣвницкаго.	30
2. Псалтирь съ толкованіемъ для народнаго чтенія. Выпускъ II.	30
3. Святѣя мѣста и святѣяны на Востокѣ и въ Россіи. Выпускъ II. Составилъ П. Петрушевскій.	30
4. Во славу Божію. Сборникъ духовныхъ стихотвореній. Составилъ А. Оксеновъ.	30
5. Подвижники и страдальцы за землю русскую. Составилъ священникъ Едлинскій.	30
6. Главнѣйшія событія русской исторіи. Составилъ А. Поповъ.	30
7. Преподобный Сергій радонежскій чудотворецъ.	30
8. Западная Русь въ борьбѣ за вѣру и народность. Профессора И. И. Малышевскаго. Томъ I.	30
9. Никонъ, святѣйшій патріархъ всероссійскій, и основанный имъ Новый Іерусалимъ. Составилъ Г. Георгіевскій.	30
10. Праздничныя службы и церковныя торжества въ старой Москвѣ. Составилъ Г. Георгіевскій.	30
11. Русская земля (природа страны, населеніе и его промыслы). Сборникъ для народнаго чтенія. Томъ II. Озерный край. Составилъ И. Поддубный.	30
12. Избранныя сочиненія А. С. Пушкина. Томъ II.	30
13. Избранныя сочиненія А. С. Пушкина. Томъ III.	30
14. Максимъ богачъ или судъ Божій. Протоіерся Назумовича.	30
15. Герои древней Греціи. Кн. I. Составилъ I. Сениговъ.	30
16. Герои древней Греціи. Кн. II.	30
17. Практическое пчеловодство. Сочиненіе Кована.	30
18. Сельскохозяйственныя бесѣды. Полеводство. Составилъ О. Тарапыгинъ.	30
19. Сельскохозяйственныя бесѣды. Скотоводство. (Лошадь, корова, овца и свинья). Составилъ О. Тарапыгинъ.	30
20. Сельскіе хоры. Сборникъ для школьнаго и народнаго пѣнія. Редакція В. И. Шемякина и В. И. Главача.	75

Складъ въ магазинахъ Т-ва И. Д. Сытина, въ Москвѣ, С.-Петербурѣ, Кіевѣ, Варшавѣ и Нижегородской ярмаркѣ.

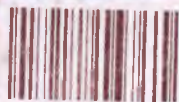

Biblioteka im. Hieronima
Łopacińskiego w Lublinie

324100

T. 2

1000084395